

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 г.

М. НЕЙМАРК

**Что показывает
«Стратегический компас»
Европы**

Д. ДАНИЛОВ

**Финляндия и Швеция
на пути
в НАТО**

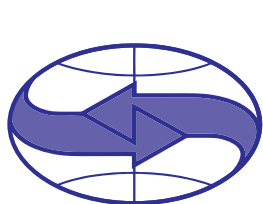
В. МЕРКУРЬЕВ, Д. РУБЦОВ

**Фашизм и нацизм –
угроза
нацбезопасности России**

А. ОРЛОВ

**Кризис двухполюсных
партсистем
в Западной Европе**

**Информационно-коммуникационные технологии
и информационная безопасность России**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

Политология

Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 года

5

А. Подберёзкин

В работе дан анализ современной стратегии национальной безопасности России и вероятной корректировки её в связи с изменениями в военно-политической обстановке в мире после февраля 2022 г. и трансформации НАТО в более широкую военно-политическую коалицию.

Финляндия и Швеция на пути в НАТО

27

Д. Данилов

Статья посвящена одной из самых актуальных тем современной европейской политики – вступлению Финляндии и Швеции в НАТО. Автор рассматривает подачу заявок на вступление в контексте развития партнёрства этих внеблоковых государств как с НАТО, так и в рамках Северного оборонного сотрудничества (НОРДЕФКО). Анализируются различные проблемы безопасности, связанные с отказом двух стран от внеблокового статуса.

Что показывает «Стратегический компас» Европы

40

М. Неймарк

Негативная динамика кризисных отношений США и коллективного Запада с Россией теперь уже инерционно воспроизводит предпосылки для размывания оптимистических перспектив формирования нового мирового порядка на взаимоприемлемых основах конструктивного стратегического взаимодействия. Растущая неопределённость этих перспектив становится долгосрочным фактором мировой политики и

международных отношений. В такой ситуации оказался Евросоюз, утвердивший на саммите в марте 2022 г. первый обобщающий документ в области обороны и безопасности, получивший название «Стратегический компас».

Проблемы и перспективы американо-иранских отношений при администрации Джозефа Байдена

50

А. Сафонов

Статья посвящена анализу американо-иранских отношений при администрации Дж. Байдена. Автор рассматривает ход переговоров по ядерной программе Ирана и анализирует перспективы возвращения США в Совместный всеобъемлющий план действий и развития двусторонних отношений в целом.

Информационно-коммуникационные технологии и информационная безопасность России

66

В. Штоль, А. Задохин

Авторы рассматривают вызовы и угрозы для национальной безопасности России, связанные с экспоненциальным развитием информационно-коммуникационных технологий; оценивают деятельность ООН в этой сфере, которая должна была бы служить всему мировому сообществу, пресекая попытки коллективного Запада, в особенности США, использовать современные высокие технологии для укрепления Pax Americana, противодействуя использованию их в террористических целях.

Кризис двухполюсных партийных систем в странах Западной Европы

79

А. Орлов

В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны в ведущих странах Западной Европы существовала биполярная модель с доминированием в политическом пространстве двух системообразующих партий, представлявших «правый – левый» центр. Из активного политического процесса исключались альтернативные партии. В последние годы действует более выраженная политическая поляризация. Для формирования правительства требуется создание широких коалиций из конкурирующих политических сил. Формирование многокомпонентной партийной структуры власти является объективным процессом.

Международно-правовые науки

Совершенствование уголовно-правовых средств

Противодействие фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России

89

В. Меркуров, Д. Рубцов

После распада Советского Союза участились случаи посягательств на итоги Второй мировой войны, а также публичного оправдания нацист-

ских преступников в целях реабилитации идеологий фашизма и нацизма. Для устранения пробелов, связанных с отсутствием законодательно закреплённых определений понятий «фашизм» и «нацизм», в статье рассматриваются вопросы толкования, юридического закрепления и законодательного разграничения данных понятий.

История международных отношений и внешней политики

Проблемы Сербского войска Краины

На примере 18-го Западно-Славонского корпуса Сербского войска Краины

104

К. Новакович, А. Радич, В. Соколов

Статья посвящена 18-му Западно-Славонскому корпусу Сербского войска Краины. Проанализированы события в Западной Славонии до создания корпуса и предшествовавшая ему военная организация сербов в Краине. Рассмотрены организационно-штатная структура корпуса, изменение численности личного состава и количество имеющихся в нём вооружений. Впервые в российской историографии представлен командный кадровый состав соединений и подразделений корпуса.

Научная жизнь

Македония-2001: исторические предпосылки и политические последствия кризиса

118

Е. Пономарева

Транзитное в географическом и культурно-историческом смыслах положение Балкан определило непрекращающуюся борьбу ведущих игроков мировой политики за влияние на страны региона. Одним из пунктов атлантистской повестки для балканских политий является албанский фактор. Поддержка Западом албанской общины как инициатора вооружённого конфликта 2001 г. в Македонии определила переформатирование политического пространства страны. В монографии М. Третьяковой «Македония-2001. Новый виток кризиса» исследуются исторические предпосылки и политические последствия переломного для всего Балканского региона года.

Усвоила ли Россия исторические уроки?

124

З. Клименко

Рецензия раскрывает огромную работу, проведённую автором по научно-политологическому анализу югославского кризиса и роли России по его урегулированию после распада СССР.

Содержание на английском языке / Contents in English

135

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, доктор политических наук, профессор

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор;

ЕРЕМЕНКО И. Н. – заместитель главного редактора, кандидат технических наук;

АБАШИДЗЕ А. Х. – доктор юридических наук, профессор; **ВОРОБЬЕВ С. В.** – доктор исторических наук, профессор; **ГРИШАЕВА Л. Е.** – доктор исторических наук, профессор; **ГРОМЫКО А. А.** – доктор политических наук, член-корреспондент РАН;

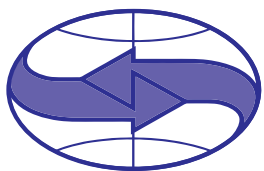
ГУСЬКОВА Е. Ю. – доктор исторических наук, профессор;

ЗАДОХИН А. Г. – доктор политических наук, профессор; **КАРТАШКИН В. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; **ЛУЗЯНИН С. Г.** – доктор исторических наук, профессор;

МАТВЕЕВ О. В. – доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ А. А.** – кандидат исторических наук;

ПАВЛОВ Е. Я. – доктор юридических наук, профессор; **ПЛЯЙС Я. А.** – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор; **ПОДБЕРЁЗКИН А.И.** – доктор исторических наук, профессор;

ПОНОМАРЕВА Е. Г. – доктор политических наук, профессор; **ЦЫГАНКОВ П. А.** – доктор философских наук, профессор.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

© Институт стран СНГ

Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 года

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Как тактика является продолжением оперативного искусства, а оперативное искусство – стратегии, так и стратегия является продолжением, частью политики.

А. Свечин

Современная стратегия национальной безопасности и развития России после начала специальной операции (февраль 2022 г.) неизбежно встанет перед принципиальным выбором в своей дальнейшей эволюции: продолжать ли ту же самую тенденцию медленного разворота к национальным интересам, которая сложилась к концу 2021 г. (времени утверждения новой редакции СНБ в июле 2021 г.), либо перейти к мобилизационному варианту национального развития и обеспечения безопасности. Такое решение зависит не только от развития ВПО, сценарий которого остаётся тем же, что и был спрогнозирован ещё в 2013 г. – усиление военно-силового противостояния с Западом (широкой западной военно-политической коалицией), но и от готовности, воли и решимости самой правящей элиты, прежде всего В. В. Путина.

Это решение о выборе национальной стратегии, таким образом, зависит от главной идеи, во-первых, и воли, во-вторых. Возвращаясь к формуле Клайна – от второго сомножителя (стратегия/идея и воля).

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezhkin@gmail.com

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, военно-политическая коалиция, международная обстановка, применение военной силы.

Важно помнить, что национальная стратегия – один из важнейших институтов развития и обеспечения безопасности государства, прежде всего продукт развития национального человеческого капитала (НЧК) в правящей элите [1, 2].

Эффективная государственная стратегия может быть только при условии понимания жёсткого приоритета политических национальных и государственных интересов над субъективными – групповыми, личностными и даже классово-социальными. Это же означает, что иные интересы (классовые, групповые, личные и пр.) уступают своё приоритетное значение интересам национальным и государственным. Соответственно, идея и воля стратегии – как продукт осознания национальных интересов правящей элитой – должны быть в абсолютном приоритете. Другие соображения, в том числе нравственного, правового и иного характера, должны неизбежно уступить приоритет национальным интересам. Это ставит правящую элиту государства перед трудным выбором. Именно такой выбор придётся принять и правящей элите и обществу России как в отношении своей идентификации, культуры, так и экономической системы. Эти интересы, например, нередко противоречат нормам международного права и нравственности, точнее – они им не противоречат только в том случае, когда те совпадают с национальными интересами.

Действовать в таких условиях в соответствии с некими правовыми или моральными принципами означает отход от реалий и неизбежное поражение: каждый раз, когда в истории государств их руководство отходило от жёсткой привязки к национальным интересам, это заканчивалось поражением, а нередко, как это не раз бывало в последние десятилетия, и катастрофой [3]. Именно такой выбор предстоит сделать правящей элите современной России.

В истории большинства государств мира правящие элиты нередко становятся перед таким выбором. Даже в настоящее время перед ним стоят элиты не только Венгрии, Сербии, Франции и Германии, но и Пакистана и целого ряда других государств. От их воли и решения будет во многом зависеть их будущее.

В этой связи полезен опыт США. Последний пример – речь Дж. Байдена при выводе войск США из Афганистана, где он подчеркнул, что стратегия и цели должны быть не только конкретны, но и жёстко соответствовать интересам США.

«Переворачивая страницу в нашей внешней политике, которую наша страна проводила последние 20 лет, мы должны усвоить допущенные ошибки.

Для меня первостепенное значение имеют два урока. Во-первых, мы должны ставить задачи, имея ясные и достижимые цели, а не те, которых нам никогда не достичь. Во-вторых, мы должны чётко придерживаться фундаментальных интере-

¹ Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // *Обозреватель-Observer*. 2021. № 7.

² Боброва О., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // *Обозреватель-Observer*. 2021. № 8.

³ Боброва О. В., Подберёзкин А. И. Информационно-когнитивные институты – средства современного противоборства // *Обозреватель-Observer*. 2021. № 11.

сов национальной безопасности США. Решение по Афганистану касается не только Афганистана. Речь идёт о завершении эпохи крупных военных операций по переделке других стран. Мы проводили в Афганистане контртеррористическую миссию, направленную на борьбу с террористами... Но она трансформировалась в построение нации, в попытку создания демократического, сплочённого и единого Афганистана, чего никогда не делалось за многие столетия истории этой страны. Отказ от этого мировоззрения и крупномасштабного развёртывания войск сделает нас сильнее, эффективнее и безопаснее дома» [4].

Это открытый прагматизм в политике, где соответствие конкретным интересам национальной безопасности США возводится в главный политический принцип. И здесь возникает проблема использования в политике силы и, в частности, военной силы для достижения целей, вытекающих из интересов национальной безопасности. Речь идёт прежде всего о границах допустимого применения военной силы, которые США (на примере Украины) обозначили достаточно точно: исключая прямое военное участие США, можно и нужно максимально полно применять весь спектр политико-дипломатических, военно-технических, информационных и силовых средств политики.

Когда сегодня говорят о преимуществе в применении политико-дипломатических мер над военными, то пытаются создать иллюзию, что только с помощью невоенных мер можно добиться радикальных поли-

тических результатов*. Как показала специальная операция на Украине, нередко этих средств недостаточно. Требуются военно-технические, причём самого широкого спектра, силы и средства – от ВТО до сил специальных операций. Нужны большие запасы вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и боеприпасов. Нужны боеготовые резервы.

Но в наибольшей степени требуются силовые невоенные средства – информационные, когнитивные, связи, влияния, которые можно объединить в категорию силовых невоенных политико-дипломатических средств.

Учитывая исключительную важность для России этих средств в будущей стратегии, необходимо остановиться на этом подробнее. То, что использование политико-дипломатических средств отнюдь не изобретение последних лет, а тем более что их применение в стратегии универсально, требует особенного внимания.

Этот исторический пример – лучшая иллюстрация будущей эффективной стратегии России.

Именно на них делают ставку США, которым удалось сформировать антироссийскую и антикитайскую коалицию из более чем 60 государств, которая использует хорошо скоординированную стратегию во всех областях политики силового принуждения – от спорта и культуры до военной.

Ещё со времён борьбы Рима и Македонии было доказано, что использование всех средств в интере-

⁴ Заявление президента Бадена в связи с окончанием войны в Афганистане. 1 сентября 2021 г. // URL: <https://inosmi.ru/politic/20210901/250421303.html>

* Акцент на этом сделан, в частности, в современной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. в разделе «Оборона».

сах политики не просто допустимо, но наиболее эффективно.

В качестве примера возможной будущей стратегии России можно привести противостояния Македонии и Рима – двух сверхдержав I–II вв. до н. э., предложенное в одной из работ [5]. Вольное изложение автором древней истории отнюдь не означает того, что оно неправильно. Наоборот, применительно к современности оно очень поучительно. Можно даже провести параллель между СССР и США, а затем – между Россией и США, где Рим (после войны с Карфагеном) – Россия, а могучая Македония, которая, как и США, всегда пыталась отсидеться в стороне, – современные США.

Итак, «...противоборство между Македонией и Римом началось сразу же после тяжёлой борьбы последнего с Карфагеном, которая велась в том числе на территории метрополии и разорила римскую экономику, нанесла тяжёлый удар по демографии и институтам республики». Так же как и СССР после Второй мировой войны.

«В эти же годы Македония (США) продолжала процветать, расширяя свой контроль не только над всей Грецией, но и над Малой Азией, т. е. практически над всем известным на то время миром. Македонский царь рассуждал следующим образом: хоть Рим и перехватил инициативу в войне с Карфагеном, но Италия разорена, а сам римский народ устал от многолетних боевых действий и навряд ли будет согласен в ближайшее время на новые. Поэтому у Македонии есть достаточно времени, чтобы получить приличные бенефиты с походов в Малую Азию и получения контроля над торговлей в Эгейском море.

Звучит очень даже логично.

Амбициозные стремления Филиппа затрагивали не только владения Египта в Малой Азии, но и интересы малых греческих государств в регионе.

Но что македонскому царю до каких-то Пергама, Афин или Родоса?

И действительно, Филиппу удалось нейтрализовать объединённый флот Родоса и Пергама, утвердиться на юго-западе Малой Азии, пройтись огнём и мечом по землям Пергамского царства и даже укрепиться на Босфоре – ключе к черноморской торговле.

Неужели Филиппу удалось задуманное? Не всё так просто, как оказалось. Несмотря на успехи македонян, Родос и Пергам не были окончательно разбиты, но разозлены, а когда македонский царь вернулся с малоазийского похода домой, его ждал римский посол и со словами: “Ну, ты уже заигрался, дружище!” – то тот объявил войну Македонии».

На этом аналогия заканчивается: СССР и ОВД не объявляли войну США и НАТО, хотя могли силой во многом принудить следовать их международным правилам.

Первой мыслью Филиппа было: «А почему так быстро?» Действительно, с момента окончания войны с Карфагеном в 201 г. до н. э. прошёл всего год. Несколько лет, минувших с первого столкновения с Римом, Македонии хватило только на то, чтобы приступить к воплощению задуманного. При этом противостояние с Карфагеном принесло Римской республике не только разорённое хозяйство и колоссальные людские потери, но и перманентное стремление к экспансии. Став полноправным хозяином Западного Средиземноморья, римляне теперь могли уделить всё своё внимание восточной его части. Пока Филипп действовал в Малой Азии, Рим пристально следил за настроями греков, а его дипломаты непрестанно «окучивали» местных правителей. Несмотря на серьёзное сопротивление римских граждан, се-

⁵ *Абраменко Д.* Македонское царство и Рим // URL: https://vk.com/wall155614944_556

наторам удалось принять решение о войне с Македонией – всё ради дальнейшего усиления Вечного города. Отцы Отечества планировали осуществить всё по старой схеме – сыграть на греко-македонских противоречиях. Вдобавок у Македонии появилась новая головная боль – Родос и Пергам, чем непременно следовало воспользоваться.

Поэтому до начала серьёзного военного противостояния на просторах Балканского полуострова разгорелась полномасштабная политическая игра, в которой римляне и македоняне боролись за поддержку греческих государств. Римская республика оказалась успешнее. За союзом к ней обратились Родос и Пергам, желавшие перенести боевые действия в Грецию, неутомимные этолийцы, дважды пострадавшие от Македонии, вновь вписались в противостояние; позднее подключились и Спарта с Афинами. Это подтверждает тот факт, что многие греки реально видели в римлянах освободителей от македонской власти: пускай они придут, прогонят македонян, а там видно будет (то, что «освободители» после всего этого могли остаться в Греции – другой вопрос, давайте решать проблемы по мере их поступления).

На этом дипломатические успехи римлян не закончились: квиристы сумели договориться с иллирийскими царьками и племенами дарданов о вторжении в северо-западные земли Македонского царства, а затем и сами приступили к полноценной военной кампании. Выглядело всё так, что будто только ленивый не выступил против Филиппа.

В такой ситуации совсем не сладко пришлось и союзникам Македонии.

Ахейцы, страдая от нападений со стороны Спарты и Этолийского союза, требовали от Филиппа военной поддержки (чем не современная Украина?). Беотийцы и Фессалия тоже просили помощи. Но как её оказать, когда ты буквально окружён врагами, а военные действия планомерно переносятся уже в самую Македонию? В итоге Ахейский союз и прочие, кто поддерживал Филиппа в Греции, оказались в тяжёлом положении.

И тут римляне сделали ахейцам предложение, от которого невозможно было отказаться: агрессия Спарты и Этолии прекратится, вы только разорвите союз с Македонией и вступите в наш. Прежние договорённости – это, конечно, хорошо, но жить-то хочется, и Ахейская лига тоже перешла в римский лагерь. Вот теперь загнанный в угол Филипп в полной мере осознал, в каком положении он находится. Чтобы выйти из тяжелейшей ситуации, македонский царь стал настойчиво просить мира, но Рим и его союзники предъявили неимоверные требования: Македония должна была оставить все свои владения в Элладе и Малой Азии и больше не вмешиваться в греческие (европейские?) дела.

На такие унижительные условия Филипп никак не мог согласиться, даже в шаге от полного разгрома. Поэтому македонский царь решил уйти красиво и дать генеральное сражение Римской республике. И вскоре состоялась легендарная битва при Киноскефалах, где лицом к лицу столкнулись римский легион и македонская фаланга, битва, которую Филипп V Антигонид проиграл. После поражения и потери армии Филипп был вынужден принять все требования Рима, выставленные царю

ещё до сражения, но теперь деваться уже было некуда. Македония потеряла все свои владения, сохранив лишь собственную территорию, и навсегда выпала из большой игры. Но битва при Киноскефалах на самом деле уже не имела никакого значения – Рим уже давно выиграл войну, используя дипломатию, когда поднял против Македонии фактически всю Грецию, острова и даже Малую Азию, всецело придерживаясь золотого правила «разделяй и властвуй».

Если бы Филипп и сумел победить в том сражении, то для Рима это всё вылилось бы лишь в потерю одного из легионов, а не в сокрушительное поражение. Квиристы всего-навсего отправили бы дополнительные силы на Греческий полуостров, и война продолжилась бы. Был ли у Македонии шанс на другой исход? Скорее всего нет. Уже к этому времени Рим и Македония находились в разных весовых категориях. И как только римляне серьёзно взялись за свои интересы на Балканах, Македония была обречена.

В работе «Македонское царство и мир» делается вывод, который вполне применим к СССР и России: «В то же время освобождённые от македонского “ига” греки радовались недолго, ведь вместо одних хозяев пришли другие, но это уже другая история. Симпатии эллинов, на которые так ставил македонский царь, оказались лишь пшиком. Рим уже держал всю Грецию в цепких лапах и отпускать, естественно, не собирался. Стоило дипломатам Римской республики появиться в греческих городах и деликатно напомнить непокорным, что такое римская дубинка, то всё недовольство чудесным образом исчезало. В итоге из-за страха перед

Римом никто из греков так и не поддержал Персея в открытую.

А что с потенциальными союзниками Македонии на востоке? Всё то же самое. Большинство государств остались нейтральны в новом конфликте Македонии и Рима, а некоторые, что ещё печальнее, выступили на стороне последнего. Только Котис, одрисский царь, не оставил своих намерений поддержать македонян, надеявшийся тем самым задержать проникновение римлян во Фракию. Но и тут квиристы нашли выход, натравив другие фракийские племена на царство Котиса, после чего последний был вынужден покинуть македонского царя. Несмотря на все потуги Персея, положение Македонии в новой войне с Римом оказалось совершенно таким же, что и в прошлый раз – македоняне остались одни. Это уже не говоря о внутренних проблемах и противоречиях». В конечном счёте, как известно, Македония потеряла независимость и стала провинцией Рима...

В своё время СССР и Россия этого не сделали, более того, они растеряли всех своих союзников, а Запад попытался превратить Россию «по факту» в региональную державу. Но произошло это не само по себе, а из-за недооценки значения нескольких военно-политических факторов, когда в политике СССР/России стала преобладать некая концептуально неоформленная каша, получившая название «новое мышление».

Очевидно, что США увидели в самоликвидации СССР и ОВД шанс сохранить, в том числе и с помощью формирования широкой военно-политической коалиции из стран и институтов, непосредственно зависимых от США, на будущее за собой доминирова-

ющее положение в мире, которое было поставлено под сомнение СССР и Социалистическим содружеством в 50–80-е годы. Именно в 90-е годы США сделали в своей внешней политике акценты на формирование широкой сети «партнёров», а по сути, зависимых государств, объявив принцип «партнёрства» одним из двух базовых принципов своей внешней политики.

Другой принцип – военно-технологического превосходства – во многом тоже усиливал концепцию «партнёрства», существовавшую в двух основных формах: двусторонних «особенных» отношений США и создании глобальных и региональных организаций, подконтрольных Вашингтону. В итоге обе формы использовались американскими администрациями с разной степенью приоритетности. Республиканцы (Д. Трамп, например) предпочитают выстраивать прежде всего двусторонние отношения, ставя (порой откровенно грубо) другие страны в прямую зависимость, а демократы (в частности, Дж. Байден) ориентируются на многосторонние организации и универсальные ценности.

Обе эти формы не только не противоречат друг другу, но являются взаимным дополнением. В результате Соединённым Штатам удалось объединить под своим контролем достаточно широкую военно-политическую коалицию, способную использовать обширный спектр силовых – военных и невоенных – средств и способов фактически в американских интересах. Это было во время интервенции в Югославию, Афганистан, Ирак, Сирию, а в настоящее время и на Украине. Фактически США управляют этой коалицией в своих интересах и против интересов

многих других стран, нередко даже членов коалиции.

Классический пример представляет выстроенная ими стратегия противоборства с Россией, где даже влиятельные партнёры США по коалиции (Германия, Франция, целый ряд других государств не только Европы, но и Азии) вынуждены жертвовать своими национальными интересами в области энергетики, торговли, отношений с Россией. Примечательно, что механизмы управления в такой коалиции со стороны США не только официальные политико-дипломатические средства, но и, как не раз говорил С. В. Лавров, откровенный шантаж и угрозы, в том числе и силовые действия против своих же союзников.

Последний пример – организация отставки в апреле 2022 г. законного премьер-министра Пакистана, который заключил выгодные соглашения с Россией вопреки санкциям, наложенным США.

В целом США применяют очень жёсткие меры по отношению к политическим элитам и лидерам не только своих противников, которых, как Н. Чаушеску, С. Милошевича, М. Каддафи, С. Хусейна и др., публично и даже демонстративно уничтожают, но и против своих союзников, которых дискредитируют и выводят из политической жизни, как президента Франции Ш. де Голля. Неслучайно и то, что против России и её политической элиты были применены многочисленные (более 600) санкции, которые ведут даже к откровенному отъёму собственности, угрозам членам семей и пр., т. е. показательно жёсткие меры к противникам (а нередко и союзникам), стали нормой в отношениях США с другими странами.

Этот подход совершенно не соответствует международным реалиям прошлого, а тем более XXI в. Быстрое изменение в соотношении мировых сил формирует новые нормы отношений. Недовольных попытками доминирования США в мире стран становится всё больше. Пока что открыто сопротивляются немногие страны (пассивное сопротивление не так заметно, но оно встречается повсеместно на всех континентах – от Европы до Латинской Америки), но их потенциал огромен. Даже взятые по отдельности Индия, Китай, Пакистан, Бразилия, Индонезия представляют огромную силу, не говоря уже о традиционных противниках американского гегемонизма КНДР, Кубы, Венесуэлы, Никарагуа.

Недостаёт пока что целенаправленного и осознанного движения в направлении консолидации этого потенциала, лидерами которого может быть Китай, Индия или Россия. Именно такое антиамериканское, антизападное движение может стать главной идеей внешнеполитической стратегии России в мире.

Важно вспомнить, что у СССР было лидерство не только в экономике и социальной области, но и в идеологии, которую разделяли многие страны и политические руководители в мире. Это лидерство давало государствам, не желающим подчиняться диктату США, альтернативу, идею, мотив, надежду. И многие государства и даже отдельные организации и люди выбирали эту альтернативу, создавая мощнейший

антиамериканский политический и информационный ресурс.

Достаточно вспомнить не только феномен Кубы, Никарагуа или Гренады, но и многочисленных представителей правящего класса развитых стран: Великобритании, США, Франции, Германии, которые публично или законспирировано выступали в качестве носителей антиамериканской идеи политической монополии.

Сказанное означает, что в стратегии противоборства России самым важным фактором может стать политика создания военно-политической антиамериканской публичной организации или движения. Опыт СССР (антиимпериалистические организации и союзы стран, деятелей культуры, молодёжи, учёных и пр.) доказывает безусловную эффективность этой идеи. Отказавшись в своё время от поддержки пророссийских стран и организаций, Россия лишила себя мощного ресурса – государственных и негосударственных акторов-союзников.

В этой связи обращает на себя, например, внимание доклад *RAND Corporation*, посвящённый различным факторам силовой политики, влияющим на начало войн и военных конфликтов [6]. Среди значительного числа таких факторов (геополитических, военных, внутриполитических, личностных и пр.), рассмотренных на примере десяти последних войн и военных конфликтов конца прошлого и начала нынешнего века, наиболее сильное влияние* оказали только *три фактора: соотношение сил в регионе,*

⁶ Anticipating Adversary Military Intervention. Research Report. Cal. RAND. 2021. P. 132 // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA444-1.html

* Это влияние оценивалось по шкале: «сильное», «умеренное», «слабое».

участие в коалициях и внешняя военная угроза, т. е. *военно-политические факторы* при рассмотрении вероятности военного конфликта играют не только важнейшую, но и исключительную роль, оставляя далеко за скобками как политические соображения престижа или экономическую выгоду, так и тем более правовые и моральные нормы.

Во многом ситуация в современной России похожа на ситуацию в СССР. Как и роль Запада в её формировании, что имеет прямое отношение к темпам развития России, её национального человеческого капитала (НЧК) и институтов (партий, движений, НКО, СМИ и т. д.). Важно подчеркнуть, что этот аспект безопасности – отставание в социально-экономическом развитии России последних десятилетий – непосредственно сказывается на уровне национальной безопасности и внутриполитической стабильности. Россия не сможет эффективно противодействовать западной военно-политической коалиции, не став во главе (или вместе с другими странами) широкой антизападной коалиции. Она не может стать эффективным лидером в коалиции противоборства с США, не став лидером в области развития НЧК и его институтов, прежде всего идеологическим лидером.

Эта сторона нередко недооценивается, более того, сознательно искажается не всегда аргументированной пропагандой.

Так, уровень потребительской инфляции в 2021 г. превысил 7%, а разрыв в доходах разных групп граждан продолжал нарастать, хотя он и до этого превышал все допустимые пределы.

В результате, очевидно, страдала внутриполитическая стабильность, которая, кроме того, подвергалась настойчивому внешнему вмешательству в выборы 2021 г. Внутриполитическая дестабилизация на время была потушена патриотическим подъёмом, связанным со специальной военной операцией на Украине и противодействию санкциям. Но этот эффект не может быть длительным. Тем более он не может быть частью стратегии. Здесь, скорее, важен пример США, где происходит сочетание трёх принципов «в одном флаконе»: *ослабление противника, содействие развитию, консолидация коалиции*.

Не отражает реальности и официальная пропаганда, которая всё менее становится адекватной по отношению к внутриполитическим реалиям, не замечая не только катастрофической социальной несправедливости, но и открытого антисоциального поведения нового правящего класса. Те редкие случаи, когда его представители осуждались «начальством», не меняли общего пренебрежения чиновничества и нуворишей к окружающим гражданам и даже всей нации. Стало нормой пренебрежительное отношение к стране, системе ценностей и интересам государства у целых социальных групп, что создаёт непривлекательный образ, более того, основу для русофобской политики вовне.

Внешнее вмешательство выразилось и в том, что некоторые СМИ активно использовали недостатки государственного управления и пропаганды. Это отражалось, например, на уровне протестной активности в стране, которая нарастала с 2013 г. (табл.).

Динамика административного преследования (ст. 20.2 КоАП России в 2014–2020 гг. и I квартале 2021 г.) [7, 8]

Год:	Количество		
	пресечённых административных правонарушений	составленных протоколов об административных правонарушениях (согласно ч. 1, 2 и п. 12 ч. 5 ст. 28.3 КоАП)	лиц, подвергнутых административному наказанию
2014	1781	1774	1828
2015	1069	1057	748
2016	1057	1055	843
2017	4558	4531	3849
2018	3918	3872	3412
2019	4450	4404	3667
2020	3307	3214	2454
I кв. 2021	13 466	13 255	сведений не имеется

Существенное повышение статистики по задержанным в сравнении с предыдущими годами связано не с количеством протестующих, а обусловлено радикализацией и маргинализацией протестов, а также более принципиальными и скоординированными действиями правоохранительных органов по пресечению правонарушений.

В I квартале 2021 г. было пресечено 13 466 административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, это в 4 раза больше, чем за весь 2020 г. В отношении виновных лиц только в I квартале 2021 г. количество составленных протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ,

тоже возросло более чем в 4 раза по сравнению с 2020 г.

Другая сторона проблемы – усиление внешнего влияния на формирование российской стратегии в области безопасности – сказывается на многих аспектах – от ограничений финансово-экономической деятельности до запретов на совместные проекты и закупки технологий и оборудования, которые стремительно усиливались уже после 2014 г.

Политический аспект такого давления очевиден и стал наглядной демонстрацией при отказе Франции завершать контракт на строительство вертолётоносцев «Мистраль» под откровенным давлением США.

⁷ Статистическая форма 1-АП (577). Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации в период 2014–2020 гг. и I квартала 2021 г.

⁸ Отчёт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях в период 2014–2020 гг.

В последующие годы это правило стало практически нормой и в отношениях США, с которыми, несмотря на эскалацию санкций, торговый оборот рос все эти годы [9].

Таким образом, формирование стратегии России последних лет находилось под усиливающимся давлением со стороны Запада, что отразилось на стратегическом планировании, которое неизбежно было вынуждено вносить коррективы в самые короткие сроки, но тем не менее далеко не всегда это стремилось делать.

Однако главным объектом нападения на Россию стала её система ценностей. Если говорить о влиянии Запада на формирование системы ценностей и национальных интересов в России и особенно институтов её развития [1, 2], то это влияние продолжало оставаться очень сильным в образовании, науке и информационной политике, что заставляло руководство страны усиливать контрмеры, которые, в частности, выразились в ограничении деятельности иноагентов, прежде сего СМИ. К началу сентября 2021 г. Минюст России сформировал список таких СМИ [10].

Действия президента, правительства и Федерального Собрания

в этом направлении можно признать оправданными, но запоздалыми и недостаточными, которые смогли отчасти нейтрализовать самые острые тактические угрозы, но не смогли изменить общего вектора развития из-за неверной стратегии и общей политики правящего класса. В Стратегии национальной безопасности России было сказано о тех критериях, которые будут определять её эффективность, а также то, что их «определит президент», но сами эти критерии названы не были, хотя мировая практика насчитывает десятки таких критериев, разработанных в разных странах (Австралия, Новая Зеландия, Канада, Бразилия, где есть даже министр по делам стратегии, как и структура в Великобритании, Китае), где стратегиям уделяется теоретическое и практическое значение [11, с. 10–11]. Эта проблема требует специального внимания: если в отношении военной мощи – численности и качества ВС и ВВСТ – сформировался некий пул критериев (хотя и не идеальный, и не самый определённый), то в отношении качества государственного управления таких критериев нет [1, 2, 12, 13, 14].

⁹ Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сборник материалов круглого стола. Кафедра военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: направления и пути их нейтрализации. ВАГШ ВС РФ, 2022. С. 22–36.

¹⁰ Официальный сайт Минюста // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>

¹¹ Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и анализ во имя всеобщего блага. М.: Институт Гайдара, 2020.

¹² Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021.

¹³ Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. М.: Юстицинформ, 2021.

¹⁴ Боброва О. В., Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Негосударственные институты развития – силовые средства политики // Обозреватель–Observer. 2021. № 9.

Это связано как с динамикой изменения таких критериев, так и новыми приоритетами. Если прежде, например, критерием политической эффективности была военная победа, оккупация и отторжение территории, захват богатств, то позже – динамика роста ВВП, а теперь во всё возрастающей степени такими критериями становится благополучие граждан, доверие, устойчивые институты и т. п. Как пишет Дж. Малган, «большинство современных стратегий как раз и состоит в создании действующих спиралей развития посредством инвестиций и программ или путём разработки справедливых законов, правил и институтов» [11, с. 14].

Агрегированный критерий, характеризующий развитие и безопасность страны, выражается, например, в индексе развития человеческого капитала (ИРЧК), темпах роста душевого ВВП, технологиях, уровне внешней торговли и других показателях.

Если Финляндия и Ирландия (не обладающие природными ресурсами) смогли за последние 30 лет превратиться из отсталых европейских стран в мировые лидеры, то Россия в эти же годы продолжала увеличивать своё отставание от развитых стран. Это – интегральный показатель эффективности стратегии государства, который многое объясняет.

Идеальное целеполагание в стратегии государств – максимально точное соответствие политических целей и более частных задач национальным интересам и ценностям в конкретных исторических и иных условиях с учётом ресурсов и возможностей (переоценка которых,

как и их недооценка, крайне важны). Иными словами, формулирование точной цели должно быть основано множеством уникальных особенностей и условий. Поэтому такое формулирование главной политической цели и определение подчинённых задач – высочайшее мастерство и искусство политика. Это так же важно, как выбор направления главного удара, концентрация ресурсов и резервов, определение отвлекающих ударов у военного стратега для достижения желаемого результата. Как справедливо отмечает ведущий специалист в этой области Л. Фридман, «стратегия остаётся лучшим термином для обозначения понятия думать наперёд, с учётом поставленных целей и наличествующих ресурсов» [15].

Эффективность стратегии на 90% зависит от правильно выбранной цели, когда тактические победы и поражения в конечном счёте не являются решающими: при неправильной цели можно выиграть множество сражений, но в итоге потерпеть поражение. И, наоборот, правильно избранная цель позволяет медленно, с трудом, отвлекаясь и останавливаясь, но двигаться в верном направлении.

Примером ложной цели была стратегия Ельцина в 90-е годы, которая сводилась только к уничтожению прежнего уклада и системы без формулировки задач развития.

Исключительно важную роль при выборе главной цели играют правильно понимаемые национальные интересы. Как известно, реализация самого широкого спектра ин-

¹⁵ Фридман Л. Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018. С. 8.

тересов: государственных, классовых, групповых, корпоративных правящей элитой происходит через их трансформацию в политические и иные цели и задачи, определение приоритетности, сроков и актуальности. При этом важнейшее значение в стратегии и целеполагании приобретает формулирование общенациональной **главной идеи**, главной цели, которая на данном этапе является наиболее приоритетной, которая вытекает из наиболее актуальных в настоящее время национальных интересов.

В начале XXI в. для России таким общенациональным интересом стал интерес выживания, противостояние внешней угрозе со стороны западной военно-политической коалиции, который выражался в обеспечении военной безопасности и высоких темпов социально-экономического развития. Эта общая тенденция развития военно-политической обстановки (ВПО) в 20-е годы текущего столетия привела к формированию наиболее опасного конкретного варианта такого сценария – эскалации военно-силового принуждения. Соответственно, и главная идея российской стратегии не могла быть иной, кроме как силового противоборства такой политике, которое должно в итоге закончиться победой не только на военном, но и на экономическом, технологическом и информационном фронтах*.

Ошибка или неточность в определении главной цели неизбежно ве-

дёт к самым негативным, иногда катастрофическим процессам.

Так было, например, в 1941 г. у Гитлера, напавшего на СССР, а до этого у Наполеона в 1812 г.

Так было и у Запада, который в первом десятилетии нового века поставил своей главной целью уничтожение России.

Неверно сформулированная главная цель неизбежно приведёт к поражению даже в том случае, если будут тактические победы и достаточное обеспечение ресурсами.

Так, выдвижение в качестве главной цели М. С. Горбачёвым идеи перестройки (при всей внешней привлекательности, всеобщем одобрении и наличии огромных ресурсов) привело к уничтожению не только социалистической системы, но и Советского государства, а горбачёвская главная идея «нового мышления» – развалу Социалистического содружества, СЭВ и ОВД, фактическому поражению в противоборстве с Западом, последствия которого именно сейчас России приходится ликвидировать.

При всей несопоставимости ресурсов СССР и Российской Федерации главная цель которой – выживание и развитие – неизбежно будет достигнута даже ценой возможных и, к сожалению, неизбежных потерь. Таких как военные потери на Украине зимой–весной 2022 г. и экономические потери 2014–2020-х гг.

* Подобное развитие сценария ВПО мною прогнозировалось не раз с 2013 г. в самых разных работах и выступлениях по разному поводу, однако, надо признать, что оно вплоть до начала 20-х годов не находило общественного признания (*Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО, 2015; Он же. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сборник материалов круглого стола. ВАГШ ВС РФ*).

Важнейшее значение точного целеполагания на основе долгосрочного прогноза является нормой в стратегии государства, даже там, где отрицается необходимость стратегического планирования. В этом случае стратегия использует (отбирает максимально тщательно) наиболее эффективные средства и методы, которые одновременно объединяются задачами развития и обеспечения национальной безопасности, причём они, в свою очередь, основаны на строгом соответствии национальным интересам.

Этот факт – центральный в стратегическом целеполагании, многократно подтверждённый не только Д. Трампом и Дж. Байденом, но и, например, в Стратегии национальной безопасности России (СНБ) в новой редакции от 2 июля 2021 г.

Это традиционный подход к классическому формированию стратегии государства, о чём свидетельствует, например, заявление Байдена в связи с выводом войск США из Афганистана [4].

Другими словами, новая стратегия США скорректирована Байденем в сторону сугубого прагматизма и традиционной классики формирования стратегии государства – конкретных и достижимых целей, основанных на национальных интересах, без отвлечения на иные мотивы и возможные политические и субъективные пристрастия. Именно отсутствие конкретности оценки возможности и достижения целей – недостаток не только американской, но и современной российской СНБ, где задачи, как и прежде, обозначены достаточно обобщённо и неконкретно.

Например, в ст. 32 и 33 задачи сформулированы как «повышение качества», «обеспечение устойчивости», «увеличение реальных доходов» и т. д. и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что стратегическое целеполагание идёт не только от общего к частному, но и наоборот – от конкретных примеров к обобщению.

Так, американский президент своё решение по Афганистану вписывает в новую общую внешнеполитическую стратегию, в которой военной силе – мерам и средствам её применения – отводится более скромная роль. Он прямо признаёт, что «решение по Афганистану касается не только Афганистана. Речь идет о завершении эпохи крупных военных операций по переделке других стран...» [4].

События на Украине, однако, стали развиваться вопреки такому целеполаганию: чем дальше, тем больше США вовлекаются в противоборство на украинской территории и за её пределами с Россией. Это означает только одно: США хотят максимально переложить тяготы силового противоборства на свою военно-политическую коалицию и с её помощью уничтожить Россию, оставшись физически в стороне от большой войны. Сочетание постоянных обещаний помощи правящему режиму на Украине сочеталось с одновременными заявлениями об отказе непосредственного участия в этом конфликте США.

Отдельный аспект проблемы – это борьба за влияние на стратегическое целеполагание, основанное на той или иной системе ценностей,

которая является главным полем современной политико-идеологической борьбы, где участвуют как государственные, так и негосударственные институты, как внешние, так и внутренние [2]. Иногда эту борьбу называют «ментальной» борьбой*, чаще информационной, когнитивной и т. п. События на Украине продемонстрировали, как масштабно и быстро можно переформатировать сознание огромного по численности населения целого государства, превратив часть нации во врагов другой её части. Именно долгосрочное стратегическое целеполагание сыграло в этом решающую роль, потому что такой процесс был начат США с конца 80-х годов, когда подобный результат казался фантастическим.

Точное стратегическое целеполагание, таким образом, обязательное условие эффективной стратегии**.

Наивысшего подъёма наша страна добивалась, когда она объединялась **«общим смыслом»** – единым государством при князе Владимире, «Третьим Римом» – при Иване III, «Россией» – при Иване IV, «Империей» – при Петре I – Екатерине II – Александре I, «Православным царством» – при Александре III, наконец, «Пролетарской империей» – при И. В. Сталине.

Даже при Н. С. Хрущёве «общий смысл» – «построение коммунизма к 1980 году» – вызывал не только массовый энтузиазм, но и какое-то время всплеск национальной, порой ир-

рациональной, активности части правящей элиты.

«Застой» Л. И. Брежнева – это банально-обывательский застой в развитии страны и общества, который привёл к перерождению большей части правящей элиты прежде всего с точки зрения её отказа от долгосрочных национальных перспектив в пользу сугубо личных обывательских интересов.

Это перерождение в 70–80-е годы охватило в массовом порядке большую часть правящей элиты в СССР (неправда, что всех, многие так и не стали подобными обывателями). «Общий смысл», «общая цель» были потеряны, хотя и продолжали формально существовать, а значит, что бесполезной и неэффективной стала стратегия нации и государства.

Политика Горбачёва только узаконила, вслед за деятельностью Ю. В. Андропова и его выдвиженцев, отказ от общей идеи и национальной стратегии, заменив её маловразумительными тезисами перестройки.

Приход Ельцина означал полный и окончательный разрыв не только с любой общей идеей и идеологией, но и любой стратегией: этот «вождь» мог быть только «козлом-провокатором» (по точной оценке М. Полторанина), который вёл неизвестно куда, как стадо баранов, всю нацию и страну. В итоге они оказались там, где и должны были быть при отсутствии внятной стратегии, – в глубокой яме. Неслучайно, кстати, все по-

* В августе 2021 г. на конференции, организованной в рамках форума «Армия 2021» ВАГШ ВС России, советник Минобороны РФ А. М. Ильницкий делал основной доклад, посвящённый именно этой теме.

** Этот вывод ещё раз на практике подтвердил Дж. Байден в своём заявлении 1 сентября в связи с окончанием войны в Афганистане.

пытки предложить и разработать некую общенациональную стратегию или доктрину встречали яростное сопротивление либералов и правящих кругов России.

В те годы, а именно в начале 90-х годов, автором и его коллегами была подготовлена серия работ, которая так или иначе была посвящена этой проблеме, но осталась практически незамеченной: «Национальная доктрина России, 1994 г.», «Современная Русская идея и государство», 1995 г., «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», 1995 г. и др.

Даже убогая СНБ, подготовленная в 1997 г. аппаратом И. П. Рыбкина, осталась плохим памятником этому «безыдейному» периоду.

Стратегия государства всегда становилась предметом яростной борьбы. Даже в тех случаях, когда наличие такой стратегии (и идеологии) всячески отрицалось.

Если во времена императорской России это можно было объяснить исключительно сильным субъективным влиянием государя, борьбой его окружения, противостоянием различных придворных лагерей и т. п., которое нивелировало общие объективные закономерности потребностей национального стратегического планирования (хотя и далеко не всегда, а иногда даже наоборот), то во времена советской власти отношение к стратегии государства и стратегическому планированию зависело нередко от политико-идеологических установок классовой борьбы или сугубо субъективных представлений руководства страны.

Так, вплоть до начала 30-х годов прошлого века внешняя политика СССР была во многом продолжением политики Коминтерна, а эконо-

мика зависела от взглядов партийных идеологов на народное хозяйство. Хотя и в те годы основы планового хозяйства СССР стали формироваться в Госплане СССР и Совете Министров СССР параллельно с политикой ЦК ВКП(б). План ГОЭЛРО стал первым и наиболее удачным примером стратегического планирования в СССР.

Надо признать, что все попытки стратегического планирования в СССР зависели в итоге от субъективных представлений руководителей КПСС и СССР: Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева, Андропова и Горбачёва, большинство из которых либо вообще не понимали цели такого планирования, либо, как Хрущёв и Брежнев, даже не хотели этого понимать.

Очень точно охарактеризовал бывший вице-премьер М. Полторанин Л. Брежнева «обывателем», М. Горбачёва – «неспособным в принципе руководить», а Б. Ельцина – «козлом-провокатором». Это не просто личные характеристики руководителям, из которых самую нелюбимую я дал бы всё-таки Н. Хрущёву, но и характеристика уровня политического руководства и уровня стратегического планирования.

Хаотичный и противоестественный «переход к рынку» в 90-е годы, который осуществляла кучка безответственных авантюристов, нанёс самый сильный удар по стратегическому мышлению и планированию в СССР и России, когда не только Госплан СССР и Госнаб СССР, но и сама идея планирования и любые мысли о стратегии стали считаться антирыночными. Возвращаться к осознанному стратегическому планированию и понятию «стратегия» стали медленно и

непоследовательно к концу 90-х годов под влиянием объективных обстоятельств, прежде всего необходимости возвращения управляемости государственным институтом (вооружёнными силами, оборонно-промышленным комплексом и международной обстановкой). Решающую роль в этом сыграла война на Северном Кавказе и откровенная поддержка Западом бандитских формирований, когда стали исчезать иллюзии даже у тех либералов в России, которые ориентировались однозначно на Запад.

Во многом провал в политическом и социально-экономическом развитии России 90-х годов и последующее медленное восстановление страны стало результатом именно отказа от представлений и от любых попыток дискуссий о национальной стратегии, а тем более стратегическом планировании*. Главной причиной этого было отсутствие стратегического целеполагания и главной идеи, которые фактически были заменены на идеи материального успеха и безнравственного обогащения любой ценой. Или, как сказал позже Д. Медведев, «комфортного существования».

Соответственно, такое «существование» не предполагает наличия сильного государства и быстрых темпов развития. Они не связаны непосредственно с материальным благополучием, но неизбежно ведут к национальной деградации. В марте 2021 г., выступая по российскому

телевидению, американский политолог Н. Злобин констатировал состояние России и отношений с США как «падение интереса Вашингтона к стремительно теряющей свою значимость, “умирающей” России». Эта констатация основывалась не на оценке военной мощи нашей страны, которая выросла за последние семь лет существенно, а на оценке социально-экономических и демографических перспектив её развития, для которых собственно военно-силовые инструменты политики не имеют решающего значения, а также на прогнозе развития внутриполитической стабильности в России и состояния её правящей элиты с учётом политики силового принуждения, озвученной Дж. Байденом в марте 2021 г. [16, р. 21].

Кризис и стагнация в развитии России в эти годы происходят на фоне стремительного усиления других центров силы, прежде всего США, Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, Пакистана и ряда других, что делает Россию всё более уязвимой даже по отношению к таким региональным державам, как Турция. Возникла и усиливается прямая цивилизационная угроза – национальной идентичности и государственному суверенитету страны. Стратегия США и возглавляемой ими коалиции против России предполагает использование широкого спектра силовых мер и способов, которые ускоряли бы падение значения Рос-

¹⁶ Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March.

* Непоследовательное и необязательное возвращение к элементам осознанной стратегии (например, СНБ 1997 г.) означало попытки подчинения планирования хаосу рыночной стихии, и поэтому были, по сути дела, провальными в условиях абсолютизации значения либеральных идей в России. Итог – Концепция социально-экономического развития России (март 2008 г.) оказалась мертворождённым документом.

сии как ведущей мировой державы*, а в перспективе её развал и потерю суверенитета и части территорий при отказе от национальной идентичности. В этих критических условиях потребность в эффективной стратегии стремительно нарастает, когда, как пишет Л. Фридман, «невозможно не согласиться с тем, что успех зависит от воздействия на огромный спектр институтов, процессов, личностей и взглядов, зачастую плохо поддающихся влиянию» [15]. Неслучайно, что двумя сильными преимуществами США Дж. Байден видит «искусство политического и военного руководства» и технологическое лидерство [16, р. 15].

Но именно качество государственного управления, как уже говорилось, составляет особенно слабую сторону российской действительности**. Это основное препятствие в решении проблемы опережающего социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности в условиях эскалации военно-силового сценария развития военно-политической обстановки, которое невозможно устранить без резкого усиления роли государства, его институтов и органов управления, мобилизации национальных ресурсов и повышения эффективно-

сти государственного управления, т. е. в конечном счёте реанимации политической стратегии, основанной на укреплении системы национальных ценностей, государственного суверенитета и национальных приоритетов развития.

Стратегическое планирование на длительный период (10–20 лет) предполагает очень строгую и трезвую оценку нынешнего состояния как международной, так и военно-политической обстановки, учёт существующих и будущих тенденций, о чём не раз писали сотрудники Центра военно-политических исследований (ЦВПИ) с 2013 г.

В частности, в одной из работ генеральный директор Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Ян Новиков писал по этому поводу: «Долгосрочные тренды мирового социально-политического развития человеческой цивилизации зачастую не учитываются в военно-политическом прогнозировании. Однако военное дело зависит от цивилизационных мегатрендов не в меньшей степени, чем любая иная человеческая деятельность» [17].

В настоящее время, по разным оценкам, соотношение сил между Россией и западной коалицией в десятки раз не в пользу нашей страны [18].

¹⁷ Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. Доклад / А. И. Подберёзкин, Р. III. Султанов, М. В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 5.

¹⁸ Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях / под общ. ред. проф. С. Ф. Викулова. М.: АПВЭиФ, Канцлер, 2020.

* Относительное падение значения России в мире выражается в целом ряде факторов, например, в депопуляции страны (по некоторым оценкам, до 10 млн чел. за последние 30 лет), отсутствии реальных темпов роста ВВП (по разным оценкам, ВВП России составил в 2020 г. 120% от уровня РСФСР 1990 г. по сравнению с 15000% в Китае и 150% в США), сохранению низкого уровня НЧК (на уровне 1990 г.) и т. д.

** По рейтингу Всемирного банка многие годы это качество оценивается как 0,005 по шкале от -2,5 до +2,5.

Так, оптимистические оценки на Западе выглядят следующим образом: на конец 2020 г. международные резервы России составляли 595 млрд долл., из которых 457 долл. размещались в валюте и металле: в частности, 138 млрд долл. в золоте (2299 т), 166 млрд долл. в евро. Россия – одна из самых успешных стран в мире, если говорить о соотношении госдолга к ВВП – 12%. Для сравнения: аналогичный показатель стран еврозоны составляет 77%, Великобритании – 87%, США – 107%, Японии – 237%!

Но такое финансовое положение отнюдь не гарантирует политической и экономической безопасности России, в том числе и исходя из опыта многих стран – от Ливии до Афганистана, чьи резервы (ЗВР) были ограблены США. Автор не раз и не два, а десятки раз писал и говорил об этом с конца 90-х годов, когда только-только наметилось валютное оздоровление, в том числе и с точки зрения структуры ЗВР и доли в нём металлического золота. Так, в итоге и произошло, когда в марте 2022 г. Россию фактически ограбили на 300 млрд долл., заморозили её ЗВР.

Естественно, что в силовом противоборстве финансово-экономическое положение страны играет огромную роль. Так, важнейшее значение имеет соотношение экономической мощи государств и их коали-

ций, хотя в этой области и нет прямой зависимости.

До COVID-19 номинальный ВВП России составлял 1,630 трлн долл., что делало нашу страну 11-й (или 12-й) крупнейшей экономикой в мире, а номинальные расходы на оборону составляли 64,4 млрд долл. Это 3,9% ВВП, что означало что по величине оборонного бюджета Россия находится на 6-м месте в мире. Однако, если считать по методу паритета покупательной способности (ППС), то ВВП России составит уже 4,213 трлн долл., что моментально делает из неё 6-ю по величине экономику в мире. При этом российские военные расходы составят от 88 до 98 млрд долл., что ставит страну на 3-е место в мире вслед за Китаем.

Как автор неоднократно говорил, наша главная слабость – провалы в промышленности, особенно в станкостроении и приборостроении, а если говорить о состоянии ВС – в ограниченности серий ВВСТ. Поэтому необходимо было в 2020–2021 гг. не снижать, а увеличивать государственный оборонный заказ и серийность, сделать осознанный выбор в развитие ОПК страны. Этот выбор с точки зрения безопасности страны в конечном счёте будет означать выбор в пользу повышения эффективности политики стратегического сдерживания*, в основе которой

* Стратегическое сдерживание – способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей как в периоды относительно мирного развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), так и на любом уровне развития конфликта, в том числе без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любым попыткам силового принуждения. Стратегическое сдерживание предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

должна лежать соответствующая стратегия со стороны правящей элиты России. В современном понимании стратегическое сдерживание – это возможность страны на всех уровнях силового противоборства – от военно-технического до информационного – обладать способностью активного противодействия, в том числе способностью к ведению наступательных операций.

Современное представление о стратегическом сдерживании существенно отличается от ядерного сдерживания, которое является только частью более широкого понятия «стратегическое сдерживание» [19]. Это понятие означает способность государства и общества к независимому, суверенному развитию, опирающемуся на систему национальных интересов и ценностей, а не навязываемые извне нормы и

правила. Это понятие означает суверенное формулирование главной национальной идеи и выбор средств её реализации.

Но это же понятие означает и ускоренное социально-экономическое развитие страны, в основе которого лежит обеспечение максимально благоприятных условий для развития человека и его потенциала, а не только богатой его части. Кстати, у Дж. Байдена в его «Руководстве СНБ» прямо говорится о «приоритете в развитии среднего класса и трудящегося населения Америки» [16, p. 15].

Таким образом, в современных сложных, фактически военных условиях необходимо срочно начинать стратегическое планирование с формулирования главной идеи, причём не только для российской нации, но и как идеи для других государств.

Библиография • References

- Абраменко Д. Македонское царство и Рим // URL: https://vk.com/wall155614944_556
- [Abramenko D. Makedonskoe carstvo i Rim // URL: https://vk.com/wall155614944_556]
- Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. М.: Юстицинформ, 2021. –768 с.
- [Bajguzin R. N., Podberyožkin A. I. Politika i strategiya. M.: YUsticinform, 2021. –768 s.]
- Боброва О. В., Подберёзкин А. И. Информационно-когнитивные институты – средства современного противоборства // Обозреватель–Observer. 2021. № 11. С. 5–25.
- [Bobrova O. V., Podberyožkin A. I. Informacionno-kognitivnye instituty – sredstva sovremennogo protivoborstva // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 11. S. 5–25]
- Боброва О. В., Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Негосударственные институты развития – силовые средства политики // Обозреватель–Observer. 2021. № 9. С. 17–38.
- [Bobrova O. V., Podberyožkin A. I., Podberyožkina O. A. Negosudarstvennye instituty razvitiya – silovye sredstva politiki // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 9. S. 17–38]

¹⁹ Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского; редкол. В. В. Толстых, И. А. Копылов. М.: РГГУ, 2021.

- Боброва О., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // *Обозреватель–Observer*. 2021. № 8. С. 17–48.
- [Bobrova O., Podberyozkin A., Podberyozkina O. Specifika NKO i pravovye osnovy ih deyatel'nosti // *Obozrevatel'–Observer*. 2021. № 8. S. 17–48]
- Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. Доклад / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 167 с.
- [Voenno-politicheskie aspekty prognozirovaniya mirovogo razvitiya: analitich. Doklad / A. I. Podberyozkin, R. SH. Sultanov, M. V. Harkevich [i dr.]. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 167 s.]
- Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях / под общ. ред. проф. С. Ф. Викулова. М.: АПВЭиФ, Канцлер, 2020. – 438 с.
- [Voenno-ekonomicheskaya bezopasnost' i voenno-tekhnicheskaya politika gosudarstva: izmenenie dialektiki vzaimosvyazi v sovremennyh usloviyah / pod obshch. red. prof. S. F. Vikulova. M.: APVEiF, Kancler, 2020. – 438 s.]
- Заявление президента Бадена в связи с окончанием войны в Афганистане. 1 сентября 2021 г. // URL: <https://inosmi.ru/politic/20210901/250421303.html>
- [Zayavlenie prezidenta Badena v svyazi s okonchaniem vojny v Afganistane. 1 sentyabrya 2021 g. // URL: <https://inosmi.ru/politic/20210901/250421303.html>]
- Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и анализ во имя всеобщего блага. М.: Институт Гайдара, 2020. – 468 с.
- [Malgan Dzh. Iskusstvo gosudarstvennoj strategii: Mobilizatsiya vlasti i analiz vo imya vseobshchego blaga. M.: Institut Gajdara, 2020. – 468 s.]
- Официальный сайт Минюста // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>
- Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021. – 1080 с.
- [Podberyozkin A. I. Ocenka i prognoz voenno-politicheskoy obstanovki. M.: YUsticinform, 2021. – 1080 s.]
- Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сборник материалов круглого стола. Кафедра военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: направления и пути их нейтрализации. ВАГШ ВС РФ, 2022. – 152 с.
- [Podberyozkin A. I. Ocenka i prognoz razvitiya scenariya voenno-politicheskoy obstanovki i ego konkretnykh variantov v tret'em desyatiletii novogo veka // Sbornik materialov kruglogo stola. Kafedra voennoj strategii Voennoj akademii General'nogo shtaba VS RF «Ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: napravleniya i puti ih nejtralizacii. VAGSH VS RF, 2022. – 152 s.]
- Подберёзкин А. И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО, 2015. – 156 с.
- [Podberyozkin A. I. Tret'ya mirovaya vojna protiv Rossii: vvedenie v koncepciyu. M.: MGIMO, 2015. – 156 s.]
- Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // *Обозреватель–Observer*. 2021. № 7. С. 33–48.
- [Podberyozkin A., Rodionov O. Instituty razvitiya chelovecheskogo kapitala – al'ternativa silovym sredstvam politiki // *Obozrevatel'–Observer*. 2021. № 7. S. 33–48]

- Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского; редкол. В. В. Толстых, И. А. Копылов. М.: РГГУ, 2021. – 604 с.
- [Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih nejtralizacii / pod obshch. red. A. S. Korzhevskogo; redkol. V. V. Tolstyh, I. A. Kopylov. M.: RGGU, 2021. – 604 s.]
- Свечин А. А. Стратегия. М.: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2002. – 860 с.
- [Svechin A. A. Strategiya. M.: Akademicheskij Proekt; Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2002. – 860 s.]
- Фридман Л. Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018. – 767 с.
- [Fridman L. Strategiya: Vojna, revolyuciya, biznes. M.: Kuchkovo pole, 2018. – 767 s.]
- Anticipating Adversary Military Intervention. Research Report. Cal. RAND. 2021. – 174 p. // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA444-1.html
- Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March. – 21 p.

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2022 г.

Уважаемые читатели!

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель–*Observer*» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Финляндия и Швеция на пути в НАТО

Дмитрий ДАНИЛОВ

К середине мая 2022 г. стало окончательно ясно, что Финляндия и Швеция приняли решение кардинально изменить свой конституционный статус как внеблоковых государств и присоединиться к НАТО.

Утром 18 мая генеральный секретарь альянса Й. Столтенберг принял от послов Финляндии и Швеции при НАТО К. Корхонена и А. Вернхоффа заявки на вступление. Дилемма их безопасности переведена в политтехнологическую плоскость – оптимизацию перехода через порог «открытых дверей» альянса. Вопрос уже не в том, состоится ли это членство, а лишь в определении процедурных аспектов вступления тандема нейтралов в альянс. Обоснование этого, по определению генсека НАТО Й. Столтенберга, «исторического события» [1] вполне укладывается в западную трактовку «агрессивности» Российской Федерации и безальтернативной линии на её сдерживание.

Теперь на первый план европейской политики безопасности выходят вопросы не столько мотиваций, сколько возможных последствий решений Финляндии и Швеции о вступлении в НАТО для:

- самих стран-кандидатов;
- НАТО, принимающей союзников с длительной традицией военного нейтралитета;

ДАНИЛОВ Дмитрий Александрович – кандидат экономических наук, руководитель отдела европейской безопасности, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. *E-mail:* dm.danilov@mail.ru

Ключевые слова: Финляндия, Швеция, внеблоковый статус, НАТО, НОРДЕФКО, гарантии безопасности, Россия, спецоперация.

¹ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with Klaus Korhonen (ambassador of Finland accredited to NATO) and Axel Wernhoff (ambassador of Sweden accredited to NATO). 18 May. 2022 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_195472.htm

– России, которая столкнулась с субстантивными вызовами безопасности со стороны Запада;

– европейской системы безопасности, которая теряет свои системные опоры и переходит в фазу военно-политической деградации.

Является ли нынешний момент историческим, как его определяют в НАТО? Несомненно, но главный вопрос состоит в том, что будет означать эта новая история.

Изменение статуса Финляндии и Швеции и партнёрство с НАТО

Швеция сохраняла нейтралитет с 1814 г., несмотря на серьёзные исторические потрясения и две мировые войны. Современное изменение двухсотлетней традиции, шведского общества, его ментальности и идентичности означает, что Швеция меняет свою историю.

Для Финляндии, в отличие от Швеции, внеблоковость стала прагматичной реакцией на послевоенное мироустройство, в котором надо было находить своё место между двумя враждующими лагерями в период биполярной конфронтации, и она вполне успешно справлялась с обеспечением своего суверенитета и безопасности. Хотя в Стокгольме постоянно звучала тема «российского вызова», особенно после 2014 г., в Хельсинки предпочитали поддерживать линию на заинтересованное сотрудничество, которое всегда было плакатом и девизом общеевропейского процесса, обозначением перспективы европейской общности, но теперь и Финляндия заявила о том, что она больше не может находиться между «двух огней».

Различие двух суверенитетов – шведского и финского, их политики внеблоковости не стали каким-то водоразделом в определении стратегических ориентиров. Напротив, изна-

чально сложилось понимание, что обе страны будут определять своё будущее в тандеме, а иные варианты или слишком рискованны, или бесперспективны. Именно этот сценарий теперь рассматривается в поле де-факто, что означает перенос проблемы членства Финляндии и Швеции в НАТО в область практического политического и оборонного планирования.

В этой связи встают вопросы о том, насколько присоединение Финляндии и Швеции к НАТО является обоснованным с точки зрения обеспечения их безопасности, как это повлияет на характер и архитектуру европейской безопасности, на их отношения с Россией, на российскую политику безопасности и обороны.

В западном сообществе сформулирована и укрепились парадигма «наших ценностей», «нашего мира» и, соответственно, концепция противодействия тем, кто этому противостоит и даже угрожает, включая прямое обозначение угроз со стороны «автократических» режимов – России и Китая.

Для Финляндии и Швеции их западными партнёрами в последние годы был обозначен именно такой выбор: вы с нами как часть нашего сообщества ценностей и их коллек-

тивной защиты или вы остаётесь один на один с «русской агрессией», когда у НАТО нет возможностей обеспечить включение вас в систему коллективных гарантий безопасности. В ответ в Хельсинки и Стокгольме говорят, что Москва не оставила им выбора, когда направила на обсуждение в декабре 2021 г. предложения о гарантиях безопасности, которые были восприняты нейтралами как явное ограничение их суверенитета, и особенно «после 24 февраля».

Президент Финляндии С. Ниинистё в ответ на вопрос журналистов о реакции российской стороны на возможное вступление в НАТО сказал более чем определённо: «Вы стали причиной этого. Посмотрите в зеркало» [2].

Однако предметные консультации относительно перспектив присоединения к НАТО начались, очевидно, раньше февральских событий.

Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг постоянно в своих выступлениях поднимал тему отношений НАТО с Финляндией и Швецией, что говорит о том, что она всё более активно обсуждалась.

Президент Дж. Р. Байден в январе 2022 г. дважды лично обсудил с президентом Финляндии С. Ниинистё «неспровоцированное нара-

щивание российской военной мощи у границ Украины» [3]. Лидеры двух стран выразили в этой связи «общую обеспокоенность» и признали важность тесного оборонного партнёрства Финляндии с США и НАТО для обеспечения безопасности в Северной Европе. Дж. Байден особо подчеркнул в беседе с Ниинистё, как до этого и генеральный секретарь альянса Й. Столтенберг, право Финляндии и других европейских стран самостоятельно выбирать способы обеспечения безопасности.

Этот выбор был сделан уже на следующий день, 19 января: финский премьер-министр С. Марин заявила, что Финляндия готова поддерживать своих европейских союзников и США и ввести жёсткие санкции против России в случае её «нападения» на Украину, но не планирует вступать в НАТО в ближайшем будущем. Это показывает, что Хельсинки пытались противостоять жёсткому прессингу со стороны США и НАТО. Более того, С. Марин даже связала этот вопрос со своей карьерой, сказав, что «очень маловероятно», что Финляндия подаст заявку на членство в НАТО в течение её нынешнего срока полномочий [4]. Но, вероятно, именно всё более настойчивый нажим Вашингтона и штаб-квартиры альянса –

² UK pledges to back Sweden and Finland against Russian threats // The Guardian. May 11, 2022 // URL: <https://www.theguardian.com/politics/2022/may/11/uk-pledges-to-back-sweden-and-finland-against-russian-threats-nato>

³ Readout of President Biden's Call with President Sauli Niinistö of Finland // The White House. Statements And Releases. January 18, 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/01/18/readout-of-president-bidens-call-with-president-sauli-niinisto-of-finland/>

⁴ Finland's PM says NATO membership is «very unlikely» in her current term // Reuters. January 20, 2022 // URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finlands-pm-says-nato-membership-is-very-unlikely-her-watch-2022-01-19/>

сделать «правильный выбор» – стало для руководства Финляндии точкой бифуркации, от которой берёт начало кардинальный разворот финской, а значит, и шведской политики безопасности.

В этой связи довольно неубедительно звучит аргументация Хельсинки о том, что стратегическое мышление Финляндии изменилось после того, как Россия предложила США и НАТО проекты соглашений о гарантиях безопасности, в том числе о нерасширении альянса на Восток и ограничении передового присутствия, а российский МИД направил адресные запросы ряду стран ОБСЕ, включая Финляндию, оценить эти инициативы. Теперь, уже задним числом, это трактуется в Хельсинки и Стокгольме как неприемлемая попытка ущемления национального суверенитета нейтральных государств и их права определять способы обеспечения безопасности. Но если это действительно так, то почему обе страны, их руководство и ведущие политические партии пытались, вплоть до середины апреля, удержаться на позициях нейтралитета? Аргументация «вы не оставили нам выбора» не слишком убедительна. Ни с точки зрения динамики общественно-политической дискуссии в Финляндии и Швеции. Ни в сравнении с позицией других европейских нейтралов: Австрией, Швейцарией, Молдавией, имеющих различный статус отношений с евро-атлантическими организациями.

Поэтому принципиально важным является вопрос о том, действительно ли отказ Финляндии и Швеции от традиционного нейтралитета, внеблокового статуса связан с «россий-

ской агрессивностью», на которую они вынуждены отвечать своим «историческим выбором» – присоединением к НАТО?

Насколько этот выбор оправдан в нынешней ситуации конфронтационной эволюции европейской системы безопасности?

И насколько в этом контексте присоединение к НАТО может укрепить их безопасность?

В этой связи нужно обратиться к переломному моменту российско-западных отношений после событий 2013–2014 гг., когда украинский кризис развернул Европу от кооперативной модели единой и неделимой безопасности от Ванкувера до Владивостока в направлении конфронтационной модели, когда НАТО и ЕС признали невозможным поддерживать отношения с Россией в прежнем формате (*business as usual*).

Дискуссия о путях обеспечения безопасности Финляндии и Швеции и их внеблокового статуса (*non-alignment*), который условно принято обозначать как политику нейтралитета, обострилась после вхождения Крыма и Севастополя в состав России в соответствии с крымским референдумом (16 марта 2014 г.). Вопрос о присоединении к НАТО постоянно присутствовал во внутренних общественно-политических дебатах, но не рассматривался в контексте практического пересмотра стратегий безопасности и обороны. Особенно остро он поднимался в Швеции в связи с защитой от потенциальной «российской агрессии». Тогда, ещё до кризиса безопасности 2014 г., Стокгольму дали ясно понять, что нужно делать чёткий

выбор: либо расчёт на собственные силы с опорой только на программы сотрудничества с НАТО – либо присоединение к коллективным гарантиям, т. е. к НАТО. Иначе Швеция, так же как Финляндия, не сможет рассчитывать на гарантии безопасности и обороны со стороны НАТО [5]. При этом подразумевалось, что именно от решения Стокгольма зависит перспектива финского транзита в НАТО, который не поддерживался даже четвертью электората. Но оба государства считали наиболее перспективной линией активное участие в партнёрских программах и мероприятиях альянса и не планировали изменить положения конституции и войти в Североатлантический блок.

Евро-атлантический курс Финляндии и Швеции наряду с партнёрством с НАТО строился на основе полномасштабного участия в Общей политике безопасности и обороны Европейского союза, членами которого они стали в 1995 г., а также в Северном оборонном сотрудничестве (НОРДЕФКО – *NORDEFCO*), которое позволяло пяти северным странам-участницам, имеющим различный статус (Дания, Исландия и Норвегия – члены НАТО, Финляндия и Швеция – нейтральный), координировать политику безопасности и обороны, в том числе в сферах их политического и практического взаимодействия с НАТО и ЕС.

Значимый пример – подключение всех северных государств, включая Финляндию и Швецию, к патрулированию воздушного пространства Исландии в рамках ежегодных учений *BBC NATO Iceland Air Meet*. Впервые идея подключения Финляндии и Швеции к патрулированию воздушного пространства Исландии была выдвинута в 2009 г. в докладе Столтенберга, но для её практической реализации потребовалось пять лет согласований и поиска оперативных, правовых и технических решений.

Для НАТО, не имеющей официально сформулированной стратегии в отношении Арктики, такое сотрудничество представляло особый интерес с точки зрения общей боеготовности, планирования учебно-боевых мероприятий и оптимизации оперативного развёртывания на североευропейском арктическом театре.

Для этого альянс сместил акцент на взаимодействие с отдельными странами-членами и «привилегированными партнёрами» – Финляндией и Швецией – с задействованием механизмов «Партнёрства ради мира» и НОРДЭФКО. Финляндия и Швеция, в свою очередь, получили возможности обеспечивать высокий уровень оперативного сотрудничества с НАТО и обходить деликатные вопросы их внеблокового статуса, в частности, потенциального вступления в альянс [6].

⁵ Шведский генерал: «Против России мы не продержимся и нескольких дней» // Комсомольская правда. 2013. 5 февраля // URL: https://www.kp.ru/daily/26026/2945488/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

⁶ Dahl A.-S. NORDEFCO and NATO: “Smart Defence” in the North? // NATO Defense College. Rome: Research Division. Research Paper. 2014. № 101. P. 9–10.

Рубеж 2014 года: сохранение нейтралитета

Украинский кризис 2014 г. не привёл к каким-либо структурным изменениям политико-правовых основ и механизмов обеспечения безопасности Финляндии и Швеции. В рамках ЕС они поддерживали основные решения, включая санкционные меры в отношении России и курс на формирование Оборонного союза. Но в НОРДЕФКО развернулись дискуссии о том, каким образом страны-участницы с их несопадающим членством в евро-атлантических организациях могут проводить согласованную политику и планировать оборонные программы. В 2015 г. шведским председательством в НОРДЭФКО были одобрены шаги, направленные на обеспечение «беспрецедентного уровня» оборонного сотрудничества в качестве «прямого ответа на агрессивные действия России» [7]. «Расширенное партнёрство» обрело дополнительную динамику после 2016 г., когда на Варшавском саммите НАТО были приняты стратегические решения относительно усиления потенциала сдерживания России, а также первая Декларация о стратегическом партнёрстве ЕС – НАТО.

Финляндия и Швеция существенно активизировали совместные учения и другие формы углублённого сотрудничества с НАТО начиная с 2014 г., хотя и не рассматривали вступление в альянс. «Инициатива по оперативной совместимости партнёрства» (*The Partnership Interoperability Initiative – PII*), принятая на саммите НАТО в Уэльсе,

предоставила Финляндии и Швеции статус «партнёров с расширенными возможностями» (*Enhanced Opportunities Partners – EOP*).

Это открыло перспективу выхода на новое качество взаимодействия по всему спектру военной активности (за исключением мероприятий по ст. 5 Вашингтонского договора). Были созданы новые каналы для участия Финляндии и Швеции в оперативных действиях НАТО, прежде ограниченные как их национальным законодательством, так и регламентами альянса, особенно в том, что касается обеспечения защиты секретной информации и обмена данными. Новый статус позволял:

- на плановой основе выводить обе страны на максимально возможный уровень оперативной совместимости с НАТО, ряд учений был возможен только для партнёров EOP;
- осуществлять углублённый и быстрый обмен разведанными;
- отрабатывать механизмы более тесного сотрудничества во время кризисов.

Финляндия и Швеция были подключены к системе регулярных политических консультаций по вопросам безопасности, включая участие во встречах министров иностранных дел и обороны НАТО.

Таким образом, и Финляндия, и Швеция довольно быстро встроились в систему военно-политического планирования и оперативной активности НАТО, что позволяло им идти по пути интеграции без член-

⁷ Nordic ministers respond to Russian 'aggression' // The Local. 2015. 10 April // URL: <http://www.thelocal.se/20150410/defence-ministers-respond-to-Russian-aggression>

ства, сохраняя нейтральный статус и национальный суверенитет в сфере безопасности и обороны.

По мнению многих экспертов, обе страны фактически, хоть и не де-юре уже были частью НАТО, участвуют в её операциях и масштабных учениях.

Норвегия раз в два года (с 2006 г.) организует крупнейшие северные учения «Холодный ответ» (*Cold Response*) с участием большинства стран НАТО и её партнёров – Финляндии и Швеции. Масштабы «Холодного ответа», на которых отрабатываются действия военнослужащих всех родов войск и спецназа, постоянно расширяются.

В 2006–2010 гг. в них участвовали 7–10 тыс. чел., а в марте-апреле 2022 г. – около 30 тыс. из 27 стран, которые отрабатывали способность действовать совместно при любых оперативных сценариях [8].

Это показывает, насколько НАТО заинтересована в укреплении северного фланга, в том числе в рамках наращивания передового присутствия на границах с Россией, обеспечения мобильности и потенциала развёртывания. Программа военной мобильности Европейского союза в рамках проектного пакета *PESCO*^{*}, согласованная с НАТО, тоже стала значимым направлением участия Финляндии и Швеции в оборонном планировании альянса на восточном фланге.

В то же время формула оборонной «интеграции без членства» по-

требовала от нейтральных стран после 2014 г. более ясной оценки в политической перспективе. По заказу МИД Финляндии в 2016 г. впервые был подготовлен экспертный доклад по оценке возможностей и последствий членства Финляндии в НАТО. Перед авторами была поставлена цель представить объективную картину последствий эвентуального членства Финляндии в НАТО, включая аналогичную перспективу для Швеции, а также возможную реакцию России [9].

Главный вывод заключается в том, что Финляндия и Швеция, независимо от того, входят они в НАТО или нет, должны «держаться вместе» в контексте их отношений с альянсом. Группа экспертов «считает само собой разумеющимся, что в случае серьёзного кризиса или военного конфликта Финляндия и Швеция будут в него вовлечены». Эксперты провели анализ четырёх альтернативных сценариев:

- Финляндия и Швеция остаются нейтральными;
- только Финляндия вступает в НАТО;
- только Швеция вступает в НАТО;
- обе страны присоединяются к альянсу.

Однако в отчёте подробно рассматривались только три последних сценария, что косвенно задавало рамки и направление будущего по-

⁸ Cold Response 2022 // Forsvaret. 1. April 2022 // URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22>

⁹ Bergquist M., Heisbourg F., Nyberg R., Tiilikainen T. Arvio suomen mahdollisen. nato-jäsenyyden. vaikutuksista, 2016 // URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/79159/IP1601374_UM_Nato-arvioFI_13371.pdf?sequence=1&isAllowed=

^{*} PESCO – Permanent Structured Cooperation – программа государств – членов ЕС, направленная на более тесное сотрудничество в сфере безопасности и обороны в рамках Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности.

литического обсуждения. При этом предполагалось, что в любом случае какие-либо принципиальные изменения в политике Швеции и Финляндии вряд ли возможны до всеобщих выборов там, соответственно в 2018 и 2019 гг.

В результате в этот период был подтверждён подход, учитывающий несовпадающее членство северных стран в организациях по безопасности и сохранение Финляндией и Швецией внеблокового статуса. Он был отражён, в частности, в Политическом руководстве министерской встречи НОРДЕФКО (ноябрь 2018 г.) «Перспективное видение северного оборонного сотрудничества-2025», в котором организация рассматривалась как «дополнение» и «добавленная стоимость» сотрудничества в широком международном контексте безопасности – ООН, НАТО и ЕС [10].

Шведский министр обороны П. Хультквист, занимающий этот пост и теперь, призывал укреплять Северное оборонное сотрудничество в ответ на наращивание Россией «вооружений вокруг Скандинавии на фоне растущих сомнений в том, что США вообще интересуется происходящее в Европе» [11].

По его словам, «Россия сейчас проводит новую политику, в рамках которой дала понять, что “оценила” территории Балтийского моря, тесно связанные со Швецией и побережьем Норвегии, как зону своего влияния». «Мы видим, – заявлял Хультквист, – что Россия действует всё более активно: поблизости от нас в Северной Атлантике проводит масштабные

учения, возрождает старые советские базы в Арктике и Мурманской области. Россия последовательно увеличивает свой военный потенциал в течение уже довольно длительного периода. Также она продемонстрировала, что готова его применять».

Несмотря на это, присоединение Швеции и Финляндии к НАТО не рассматривалось в качестве ответа на «российскую угрозу». Хультквист подтверждал, что для укрепления обороноспособности в этих условиях необходимо «во-первых, ...повысить порог возникновения потенциального конфликта. Во-вторых, в случае кризиса мы должны обеспечить себе возможность действовать сообща. Существуют скандинавская и европейская декларации о солидарности» [11].

Сохранение и укрепление статуса неприсоединения последовательно отстаивали ведущие шведские партии, включая крупнейшую по численности Социал-демократическую рабочую партию. Хотя перспективу вступления в НАТО поддерживала значительная часть электората, это до сих пор являлось своеобразной обратной стороной политической традиции, и до последнего времени доля шведов «за НАТО» оставалась относительно стабильной – до трети. Этого явно недостаточно для того, чтобы мотивировать политический класс и руководство страны кардинально пересмотреть свои стратегические приоритеты. Как и для НАТО, где неписаным правилом оценки страны-кандидата является поддержка её вступления электоральным большинством, желательно подавляющим.

¹⁰ Nordic Defence Cooperation Vision 2025. NORDEFKO. 2018 // URL: <https://www.nordefco.org/Files/nordefco-vision-2025-signed.pdf>

¹¹ Хультквист о российской угрозе: мы должны двигать наши позиции вперёд // Dagens Nyheter. Швеция // ИноСМИ. 2019. 15 января // URL: <https://inosmi.ru/20220419/rossiyane-253855041.html>

В Финляндии потенциальная поддержка вступления в НАТО хоть и возрастала после 2014 г., но была явно ниже шведской и не достигала критериев «достаточности». К январю 2022 г. она увеличилась

с 20 до 28–30%, по неофициальным оценкам, а число противников составляло около 50%. Поэтому опция «Финляндия в НАТО», рассматривалась в стране как маловероятная [12].

Разворот к «открытым дверям» НАТО

Ситуация кардинально изменилась в конце февраля после признания Россией ДНР и ЛНР и начала спецоперации на Украине. На Западе видят именно эту причину, поскольку, как утверждается, не было других событий, которые бы так кардинально изменили общественное мнение и политическое мышление.

Уже 28 февраля, через четыре дня после начала спецоперации, в Финляндии был преодолен психологический барьер: «за НАТО» высказались более половины респондентов.

По опросам 30 марта, 61% – за, 16% – против и 23% не определились.

Более того, как отмечают наблюдатели, «если бы Саули Ниинистё, популярный президент Финляндии, официально одобрил его (вступление в НАТО. – Авт.), поддержка ещё больше возросла бы» [13].

Это большинство включало сторонников всех партий, кроме Левого альянса, который теперь тоже не исключает изменения своей позиции

при рассмотрении вопроса в парламенте.

В Швеции главная правящая партия, социал-демократы, последовательно стояла на позициях неприсоединения, несмотря на то что с декабря 2020 г. в стране фактически сложилось парламентское большинство в поддержку членства в НАТО. 8 марта 2022 г. премьер-министр Магдалена Андерссон заявила, что заявка на членство «дестабилизирует текущую ситуацию с безопасностью в Европе».

Опрос, проведённый 1 апреля, тоже впервые показал, что большинство населения (51%) выступает за НАТО, по сравнению с 42% в январе; оппозиция упала с 37 до 27% [14].

Для шведских политиков это стало серьёзным вызовом в преддверии всеобщих выборов в сентябре 2022 г. Их выбор во многом зависел от того, какую позицию займёт Финляндия. Но решение обеих стран в любом случае принималось с учётом настойчивой демонстрации НАТО «открытых дверей» для своих ближай-

¹² Lehto E., Kauranen A. Finland's PM says NATO membership is «very unlikely» in her current term // Reuters. 2022. January 19 // URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finlands-pm-says-nato-membership-is-very-unlikely-her-watch-2022-01-19/>

¹³ Finland is hurtling towards NATO membership // The Economist. April 16th 2022 // URL: <https://www.economist.com/europe/finland-is-hurtling-towards-nato-membership/21808705>

¹⁴ Плевако Н. С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2.

ших партнёров в ситуации, по словам Й. Столтенберга, «новой нормы» европейской безопасности, которая определяет стратегическую перспективу и требует солидарной реакции трансатлантического сообщества.

Публично в НАТО, конечно, не могли признать, какое «стратегическое решение» ожидают от Финляндии и Швеции. Й. Столтенберг настойчиво подчёркивал, что НАТО не стремится к расширению и будет уважать любой выбор своих партнёров. Вместе с тем такие политико-дипломатические клише, выработанные и апробированные на предыдущих этапах расширения, не могут скрыть очевидную заинтересованность НАТО. В альянсе дали ясно понять, что в случае «правильного» решения Финляндия и Швеция могут рассчитывать на его быстрое процедурное оформление и защиту будущих союзников от неизбежных вызовов и рисков переходного периода.

Проблема несовпадающего членства в НАТО и ЕС всегда была осложняющим фактором, особенно в случае институционально неоднородной Скандинавии и необходимости учёта политики финского и шведского нейтралитета. Присоединение Финляндии и Швеции к НАТО позволило бы альянсу, да и Евро-Атлантике в целом решить целый комплекс проблем. НАТО стремится консолидировать широкую коалицию для сдерживания России, и включение в альянс Финляндии и Швеции даёт возможность укрепить передовую линию. В НАТО уже приняты реше-

ния по продвижению передовой обороны и многонациональных сил на юго-восточный фланг – до Чёрного моря, и теперь возможно замкнуть систему коллективной обороны по всему периметру, на севере.

Северный фланг имеет особое значение для НАТО с точки зрения формирования системного сдерживания России и планирования операций по смыслу ст. 5, в том числе и с точки зрения задач по укреплению потенциала сдерживания НАТО в Северном и Балтийском регионах. Уже в 2016 г. западные эксперты отмечали, что «с точки зрения НАТО, совместное вступление Финляндии и Швеции (или даже одной Швеции) было бы удобно. Транзит через Швецию позволит обойти проблемы, связанные с ограничением и воспрепятствием доступа и манёвра (A2AD), создаваемые российским анклавом в Калининграде» [15].

Главный стратегический аргумент НАТО состоит в том, что в условиях нарастающего конфликта и напряжённости повышаются риски для Финляндии и Швеции. Оставаясь вне НАТО, они стали бы серой зоной в ситуации как дестабилизации в Северобалтийском регионе, так и при сценарии конфликта Россия – НАТО. Нейтральный статус не позволяет полностью включить Финляндию и Швецию в систему взаимных гарантий по ст. 5, тогда как вступление в НАТО, напротив, усилило бы коллективную оборону и безопасность.

Список заинтересованностей НАТО, геополитических, стратегиче-

¹⁵ Smur T. Russian Anti-Access Area Denial (A2AD) capabilities - implications for NATO // Fundacja im. Kazimierza Pułaskiego. 27 November 2016 // URL: <https://pulaski.pl/en/russian-anti-access-area-denial-a2ad-capabilities-implications-for-nato/>

ских и военных, в присоединении Финляндии и Швеции гораздо шире, особенно в преддверии принятия новой стратегической концепции альянса на Мадридском саммите 29–30 июня 2022 г. и выполнения принятой в 2021 г. Платформы НАТО-2030. С позиций НАТО вполне рационально и обоснованно воспользоваться моментом, когда сдвиг в общественном мнении Финляндии и Швеции впервые раскрыл реальную возможность их вступления. К тому же, очевидно, делается расчёт на то, что для них относительно снижаются риски гипотетических военно-технических ответов со стороны России, сосредоточенной на проведении операции на Украине.

Альянс, как предполагается, может использовать ускоренную процедуру вступления, по которой обя-

зательства по ст. 5 объявляются действующими ещё до того, как Финляндия и (или) Швеция станут полноправными членами. При этом используются и другие «страховочные» механизмы.

Британский премьер-министр Б. Джонсон 11 мая 2022 г. подписал со Швецией и Финляндией соглашения о взаимных гарантиях безопасности [16]. Это важно для них в период до одобрения заявок всеми лидерами стран НАТО, особенно учитывая заявления Р. Эрдогана о том, что он может наложить вето на решение Совета НАТО в связи с проблемными аспектами отношений со странами-кандидатами (прежде всего связанных с обвинением их в поддержке курдских формирований, признанных в Турции террористическими).

Заявка «нейтралов» на членство стала для НАТО бесценной для подтверждения своей роли и трансатлантической солидарности, а главное – она позволяет теперь избежать существенных неопределённостей в стратегическом и оперативном планировании в рамках интегрированной военной структуры НАТО.

Крайне важными в этом отношении являются вопросы ядерного планирования как с точки зрения распространения гарантий на потенциальных членов, так и с точки зрения их участия в коллективной активности НАТО.

Заявления Финляндии и Швеции о том, что они не будут размещать ядерное оружие на своей территории, принципиально ничего не меняют. Их вооружённые силы могут и будут рассматриваться в НАТО в контексте ядерного планирования даже без ядерных вооружений на их территории.

Достаточно сказать, что Финляндия закупает в США новые истребители-бомбардировщики F-35, которые могут нести ядерные вооружения.

Вполне вероятно, встанет вопрос и о создании на этой территории новых элементов ПРО, включая ракетные системы, способные нести ядерные боезаряды.

¹⁶ Prime Minister signs new assurances to bolster European security: 11 May 2022 // Prime Minister's Office // URL: <https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-signs-new-assurances-to-bolster-european-security-11-may-2022>

Нужно учитывать и то, что в новой стратегической концепции НАТО акцент на операции по ст. 5, очевидно, будет усилен и это потребует соответствующих существенных корректив в военном планировании и активности Финляндии и Швеции в случае их вступления.

Как часть «коллективной обороны» и ядерных гарантий НАТО они станут, в свою очередь, объектом соответствующего планирования со стороны России.

Библиография • References

- Плевако Н. С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2. С. 24–31.
- [Plevako N. S. SHvedskij i finskij nejtralitet. V proshlom? // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN. 2022. № 2. S. 24–31]
- Хультквист о российской угрозе: мы должны двигать наши позиции вперёд // Dagens Nyheter. Швеция // ИноСМИ. 2019. 15 января // URL: <https://inosmi.ru/20220419/rossiyane-253855041.html>
- [Hul'tkvist o rossijskoj ugroze: my dolzhny dvigat' nashi pozicii vperyod // Dagens Nyheter. SHveciya // InoSMI. 2019. 15 yanvarya // URL: <https://inosmi.ru/20220419/rossiyane-253855041.html>]
- Шведский генерал: «Против России мы не продержимся и нескольких дней» // Комсомольская правда. 2013. 5 февраля // URL: https://www.kp.ru/daily/26026/2945488/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D
- [SHvedskij general: «Protiv Rossii my ne proderzhimsya i neskol'kih dnei» // Komsomol'skaya pravda. 2013. 5 fevralya // URL: https://www.kp.ru/daily/26026/2945488/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D]
- Bergquist M., Heisbourg F., Nyberg R., Tiilikainen T. Arvio suomen mahdollisen. nato-jäsenyyden.vaiikutuksista, 2016 // URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/79159/IP1601374_UM_Nato-arvioFI_13371.pdf?sequence=1&isAllowed=
- Cold Response 2022 // Forsvaret. 1. April 2022 // URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22>
- Dahl A.-S. NORDEFCO and NATO: “Smart Defence” in the North? // NATO Defense College. Rome: Research Division. Research Paper. 2014. № 101. – 12 p.
- Finland is hurtling towards NATO membership // The Economist. April 16th 2022 // URL: <https://www.economist.com/europe/finland-is-hurtling-towards-nato-membership/21808705>
- Finland's PM says NATO membership is «very unlikely» in her current term // Reuters. January 20, 2022 // URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finlands-pm-says-nato-membership-is-very-unlikely-her-watch-2022-01-19/>
- Lehto E., Kauranen A. Finland's PM says NATO membership is «very unlikely» in her current term // Reuters. 2022. January 19 // URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finlands-pm-says-nato-membership-is-very-unlikely-her-watch-2022-01-19/>
- Nordic Defence Cooperation Vision 2025. NORDEFCO. 2018 // URL: <https://www.nordefco.org/Files/nordefco-vision-2025-signed.pdf>

- Nordic ministers respond to Russian 'aggression' // The Local. 2015. 10 April // URL: <http://www.thelocal.se/20150410/defence-ministers-respond-to-Russian-aggression>
- Prime Minister signs new assurances to bolster European security: 11 May 2022 // Prime Minister's Office // URL: <https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-signs-new-assurances-to-bolster-european-security-11-may-2022>
- Readout of President Biden's Call with President Sauli Niinistö of Finland // The White House. Statements And Releases. January 18, 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/01/18/readout-of-president-bidens-call-with-president-sauli-niinisto-of-finland/>
- Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with Klaus Korhonen (ambassador of Finland accredited to NATO) and Axel Wernhoff (ambassador of Sweden accredited to NATO). 18 May. 2022 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_195472.htm
- Smur T. Russian Anti-Access Area Denial (A2AD) capabilities - implications for NATO // Fundacja im. Kazimierza Pułaskiego. 27 November 2016 // URL: <https://pulaski.pl/en/russian-anti-access-area-denial-a2ad-capabilities-implications-for-nato/>
- UK pledges to back Sweden and Finland against Russian threats // The Guardian. May 11, 2022 // URL: <https://www.theguardian.com/politics/2022/may/11/uk-pledges-to-back-sweden-and-finland-against-russian-threats-nato>

Статья поступила в редакцию 24 мая 2022 г.

Что показывает «Стратегический компас» Европы

Марк НЕЙМАРК

О оборонная концепция «Стратегический компас» Европы вполне наглядно отражает противоречивые процессы, происходящие в самой интегрированной Европе, усложнённые трансформации на её внешнем контуре, которые в совокупности разнонаправленно сказываются на попытках руководства Евросоюза адаптировать его к турбулентно-меняющимся геополитическим условиям.

Меморандум Борреля

В анализируемой версии для печати (с фотографиями) текст документа насчитывает 70 страниц. Количество повторов, практически текстуальных совпадений, воспроизведений одних и тех же положений и установок таково, что без малейшего ущерба для содержательного наполнения можно было его сократить как минимум на две тре-

ти. Сама структура документа предполагает чрезмерно завышенный объём и ничем не оправданное многословие. Ровно 10% текста занимает предисловие главы дипломатии Евросоюза Ж. Борреля, затем следует краткий «Синтез» и только на 15-й странице – в подтверждение размытости логики изложения – появляется «Введение» к тексту.

НЕЙМАРК Марк Афроимович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код:* 2491-0280, *E-mail:* mark.neimark@mail.ru

Ключевые слова: Евросоюз, геополитика, США, НАТО, Россия.

В предисловии Борреля, задающего тональность всему документу, можно выделить ряд особенностей.

Главная из них – жёстко акцентированная адаптационная привязка к украинскому кризису и форсированный обвинительный уклон в адрес России, т. е. то, что кардинально изменило суть и характер «Стратегического компаса» Европы.

Документ постоянно подвергался концептуальной политической редактуре в отношении России.

Если в проекте документа от 9 ноября 2021 г. говорилось, что «ЕС и Россию на самом деле связывают многие общие интересы и общая культура и, соответственно, стратегия ЕС направлена на вовлечение России в решение некоторых конкретных задач» [1], то из окончательного варианта эта констатация исчезла.

Примечательно, однако, что, фиксируя резко возросшее применение силы в её самых разнообразных формах и проявлениях в современном мире, Боррель был вынужден признать, что «все эти тенденции наблюдались до [специальной операции] на Украине, которая их лишь усугубила».

Другое его откровение касается отказа руководства Европейского союза от действий, которые оно старалось ранее не доводить до критических уровней и масштабов:

– теперь возведены в систему беспрецедентные санкции против России;

– принято решение о всесторонней поддержке Украины и впервые – о прямых поставках ей вооружений как воюющей стране.

Кризисное развитие ситуации на Украине адресно перефокусировало исходные политико-методологические обоснования документа.

Укрупняя и европеизируя их концептуальный формат, Боррель призвал «по-серьёзному относиться к угрозам стратегическим интересам Евросоюза, которые мы зачастую осознавали, но на которые не всегда реагировали» [2] (далее цитаты даются по документу).

Из предисловия Борреля отчётливо явствует, что стремление ЕС к военно-политической суверенизации отнюдь не означает её замкнутости в своих региональных границах. Наоборот, об этом им заявлено прямо и недвусмысленно: «Наши интересы безопасности задействованы на Западных Балканах, в Африке, расширенном Ближнем Востоке и в Индо-Тихоокеанском регионе».

Пожалуй, впервые глава дипломатии ЕС столь откровенно подчеркнул приоритетное значение силы в решении мирополитических проблем: «Если хотеть, чтобы диалог, дипломатия и мультилатерализм были успешными, надо мобилизовать силу. В этом смысл выражения “говорить на языке силы”».

¹ A Strategic Compass for Security and Defence. For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. Working document of the European External Action Service. Brussels: European External Action Service; 2021 // URL: https://i2.res.24o.it/pdf2010/Editrice/ILSOLE24ORE/ILSOLE24ORE/Online/_Oggetti_Embedded/Documenti/2021/11/11/st13638_en21%20SC%20DRAFT%200.pdf

² A Strategic Compass for Security and Defence. European External Actions Service. 24.03.2022 // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en

В тени стратегической автономии

Документ отразил особенности кризиса адаптации интегрированной Европы к кардинально изменившимся геополитическим условиям, усугублённого большим массивом постбрекзитных проблем. Внутренних и внешних конфликтогенных факторов в Евросоюзе становится всё больше. Жизненная практика убедительно подтверждает истину: ничто так не множит проблемы, как половинчатые решения. Особенно это касается комплекса вопросов суверенной субъектности ЕС, стратегические перспективы развития которого зависят сегодня и, похоже, чем дальше, тем больше от преодоления геополитических диссонансов в отношениях с ключевыми центрами силы и эффективности взаимодействия с ними. Стратегическое мышление и адаптационная гибкость в императивной сопряжённости с реальной, а не декларируемой готовностью решительно отстаивать свои цели и базовые интересы становится важнейшей предпосылкой для ускользающего, прежде всего усилиями США, суверенного статуса ЕС [3].

Содержательное наполнение документа определяют следующие базовые политико-методологические подходы:

- прежде всего это формирование общей стратегической культуры интегрированной Европы в области безопасности и обороны с целью заполнить существующие пробелы;

- это, далее, укрепление трансатлантического партнёрства. Важнейшее значение придаётся согласованию общего союзнического страте-

гического партнёрства в отношении Индо-Тихоокеанского региона;

- стратегический диалог Евросоюза с Китаем должен опираться на концептуальное триединство «партнёр – конкурент – соперник»;

- курс на сдерживание России органично сочетается/переплетается с антироссийской стратегией США и НАТО.

Главная целевая установка документа – дать ответы на ключевые вопросы:

- каковы сегодня наиболее опасные для ЕС вызовы и угрозы;

- как в интегрированной Европе наиболее эффективно использовать имеющиеся силы и потенциалы и улучшить их взаимодействие;

- как ей добиться усиления влияния в качестве регионального и глобального игрока.

Первопричину разработки «Стратегического компаса» Европы в ЕС объясняют тем, что Евросоюзу грозит «стратегическое уменьшение». Прежде всего, экономическая роль ЕС становится всё более ограниченной: 30 лет назад на его долю приходилась четверть мирового богатства, а через два десятилетия она будет едва превышать 10%. Происходит и демографическое сжатие интегрированной Европы, в результате которого к концу нынешнего века на её долю будет приходиться менее 5% населения мира.

Отсюда – ставка на резкое усиление её геоэкономического статуса в плотной увязке с расширением её геополитического потенциала. Конкретизируется это тем, что некоторые

³ Неймарк М. А. «Хищники» в геополитике и Европа // Современная Европа. 2021. № 7.

экономические конкуренты ЕС придерживаются отличающихся от него ценностей, что «создаёт угрозу его нормативной власти». И это обстоятельство ЕС «обязан учитывать в своих политических решениях», принимая во внимание растущую конкуренцию за мировые стандарты в гонке за господство в сфере искусственного интеллекта, облачных вычислений, полупроводников и биотехнологий.

В центре тревожных озабоченностей оказалась и вся политическая сфера ЕС в целом, которая, как признаёт его руководство, подвергается сжатию, а либеральные ценности Европы всё чаще оспариваются.

Разработке этого документа предшествовало также осмысление вызовов со стороны «новых амбициозных игроков», стратегий по дестабилизации с использованием кибероружия и дезинформации. Прошли времена, считают в руководящих инстанциях ЕС, когда мир и война представляли собой два чётко различимых состояния.

В приоритетном порядке ставится задача способствовать формированию нового мирового порядка, действуя не только в региональных рамках ЕС, но и за его пределами.

«Мы должны быть в состоянии отвечать на возникающие угрозы и быстро реагировать на кризисные ситуации вне ЕС, причём на всех стадиях того или иного конфликта».

Обращает на себя внимание указание на императивную необходимость расширить координируемое морское присутствие ЕС в самых различных зонах мира, где у него есть ключевые стратегические интересы.

Уточним: речь идёт не об обеспечении полноценной автономии ЕС, а о его **стремлении попросту играть более значимую роль в европейской и глобальной политике**.

Заявление Совета ЕС расставляет все точки над геополитическим: «Более враждебная среда безопасности требует от нас сделать качественный скачок вперёд и увеличить наши возможности и готовность действовать, укреплять нашу устойчивость, а также больше и лучше инвестировать в наши оборонные возможности» [4]. При том что военные расходы ЕС составляют 200 млрд евро, что практически в 4 раза превышает оборонный бюджет России.

Дилеммы трансатлантического партнёрства

Первостепенное стратегическое значение в документе придаётся союзническим связям ЕС с США. Несмотря на отдельные геополитические диссонансы, контрастно про-

явившиеся в период президентства Д. Трампа, «стратегический диалог ЕС – США в области безопасности и обороны представляет важный этап консолидации трансатлантического

⁴ UN – EU strategic partnership on peace operations and crisis management: Council conclusions on priorities for 2022–2024. Council of the European Union. 24.01.2022 // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/01/24/un-eu-strategic-partnership-on-peace-operations-and-crisis-management-council-conclusions-on-priorities-for-2022-2024/>

партнёрства». Это, по сути, означает неафишируемый отход лидеров ведущих стран – членов ЕС от прежних более выраженных и громких деклараций, призывающих последовательно следовать курсу на обеспечение суверенной самостоятельности Евросоюза, в котором отнюдь не единичные политики понимали: в отношениях США – ЕС и параллельные союзнические линии могут пересекаться.

Так, в ноябре 2018 г. французский президент Э. Макрон в ответ на жёстко-критическую реакцию Д. Трампа на его инициативу по ускорению создания общеевропейской армии заявил: «США наш союзник, такова история наших отношений, и мы всегда останемся союзниками. Но быть союзником не означает принимать положение вассала. Чтобы не быть вассалом США, нужно не зависеть от Америки в ряде позиций, а сохранять суверенность и идентичность как французам и как европейцам» [5].

Евроскептики неоднократно подчёркивали, что властную благосклонность США по отношению к интегрированной Европе жёстко определяют их государственные интересы и геополитические цели и задачи. При разработке «Стратегического компаса» Европы необходимость обновления самого подхода к оборонной политике и к сфере безопасности в целом стала увязываться с осмыслением последствий поспешного бегства американских войск из Афганистана. В ЕС в полной мере осознали геополитическую значимость этого события:

во-первых, то, что конфронтационная острота ситуации в этой стране опасно раскачивает более или менее устоявшийся баланс сил в Центральной Азии, и, *во-вторых*, что интернационализация борьбы за влияние на Кабул усиливает в целом конкурентно-конфликтное противостояние региональных и глобальных игроков.

От руководства ЕС всё чаще звучали призывы действовать более решительно, если интегрированная Европа не хочет жить в мировом порядке, в формировании которого она не участвует.

Смысл растущей озабоченности заключается в том, что в конечном счёте *вместо глобального игрока Евросоюз рискует стать объектом международной политики, только реагирующим на решения других, но не влияющим на ход событий.*

После уничижительных действий США и Великобритании по отношению к Евросоюзу, который они оставили в неведении об их намерении сформировать новый военно-политический союз AUKUS, Ж. Боррель, пытаясь задним числом освежить явно потускневший облик европейской дипломатии, заявил: «Как показали недавние события, в том числе вывод войск из Афганистана и создание альянса AUKUS, наши американские друзья ожидают, что Европа возьмёт на себя большую часть ответственности – как за собственную, так и мировую безопасность».

На заключительном этапе разработки документа его концептуальный стержень подвергся адаптационному переосмыслению, свя-

⁵ Macron says France is U.S. ally, not a vassal state. Reuters. 14.11.2018 // URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-usa-macron-interview-idUSKCN1NJ2TH>

занному с интернационализацией украинского кризиса. В результате в ЕС сработал принцип интеграционной солидарности, контрольно-гасящий амплитуду антиамериканских настроений.

Документ постулирует, что стратегическое партнёрство ЕС с НАТО является главным фактором обеспечения евро-атлантических связей. Особо оговаривается, что заявленная готовность стран – членов ЕС больше инвестировать в обеспечение безопасности и обороны должна реализовываться не в национальных фрагментированных рамках, а аккумулироваться по-новому в автономных границах интегрированной Европы. Налицо осторожно сформулированная заявка на её военно-политическую суверенизацию, за которой тут же следует упреждающий реверанс в сторону Североатлантического альянса: «Тем самым ЕС будет способствовать усилению НАТО, становясь её более сильным трансатлантическим партнёром и готовым, следовательно, разделять с ней расходы по поддержанию мира и международной безопасности». И в очередной увязке с событиями на Украине и с Россией пиететно подчёркивается главенствующая роль НАТО в коллективной защите стран-членов, а также значительная роль ЕС в целом в сфере безопасности и обороны. «Более сильный ЕС с большими возможностями в сфере безопасности и обороны будет позитивно способствовать обеспечению глобальной и трансатлантической безопасности, дополняя НАТО, которая остаётся основой коллективной

защиты стран-членов» (выд. – *Авт.*). Разъясняется, что трансатлантические отношения между ЕС и НАТО опираются на принципы инклюзивности, взаимности и автономии ЕС в принятии решений. Тем не менее в одном из разделов документа внесено уточнение, что в случае появления кризисной ситуации Евросоюз должен действовать совместно с партнёрами – «если возможно» и самостоятельно – «если необходимо».

Примечательный момент: по образцу и подобию ст. 5 Вашингтонского договора странам – членам Евросоюза предлагается использовать все имеющиеся силы для защиты одной из них в случае вооружённого вторжения на её территорию. Правда, невнятно оговаривается, что это условие не распространяется на страны, оборонная политика которых «имеет специфический характер».

Боррель разъясняет, что приверженность интегрированной Европы натовскому альянсу, который остаётся в центре её территориальной обороны, не должна мешать Евросоюзу развивать собственный военный потенциал и «проводить независимые операции в соседних регионах и за их пределами, особенно в период, когда внимание американских властей может быть отвлечено на другие регионы мира и не в последнюю очередь Индо-Тихоокеанский (выд. – *Авт.*)» [6].

Этим беспрецедентным заявлением Ж. Боррель фактически американизировал внешнеполитический курс Евросоюза, воспроизведя важнейший принцип США, которые

⁶ Borrell J. A Strategic Compass for Europe // Project Syndicate. 12.11.2021 // URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eu-strategic-compass-by-josep-borrell-2021-11>

издавна объявляют зоной своих стратегических интересов любой уголок земного шара.

Впервые поставлена конкретная задача:

- создать европейские силы быстрого реагирования численностью до 5 тыс. чел.;

- одновременно акцентируется внимание на укреплении структур военного командования и контроля Евросоюза, усилении военной мобильности, проведении регулярных учений;

- предусмотрено расширить возможности разведывательных служб ЕС для обеспечения адекватного

стратегического анализа рисков и наиболее опасных вызовов для интегрированной Европы;

- подчёркнута необходимость создания инновационного комплекса механизмов и инструментов для противодействия гибридным угрозам, дезинформации и вмешательству извне.

Важнейшим императивом ЕС становится проведение эффективной политики киберзащиты. Однако идея создания единой европейской армии, которая в последние годы активно продвигалась лидерами Франции и Германии, в документе даже не упомянута.

Евросоюз и Россия

Кризисное развитие современных мирополитических процессов чрезвычайно актуализирует вопрос о ресурсном потенциале, практических возможностях и перспективах партнёрских отношений и сотрудничества России и Евросоюза. С момента установления формализованных связей России и ЕС колебательный контур их отношений варьировался в самом широком диапазоне: от приближения к высотам прагматичного сотрудничества к стагнации до нынешней низшей точки санкционного заморозки. В глобально изменившемся международном контексте будущее как прошлое в отношениях между ЕС и Россией вряд ли возможно. Это явствует из «Стратегического компаса». Хотя объективная стратегическая потребность в партнёрстве с обеих сторон остаётся неизменной.

Украинский кризис и его интернационализация рассматривается в

документе прежде всего и главным образом через американскую призму восприятия России и, соответственно, в американоцентричном фокусе европейской и глобальной системы безопасности. В стратегическом сдерживании России коллективным Западом во главе с США геополитические ставки подняты до беспрецедентного уровня.

Концептуальное реформатирование документа произошло сразу же после начала специальной военной операции России на Украине. Интернационализация украинского кризиса контрастно, со всей очевидностью обнажила суть геополитического противостояния России и НАТО во главе с США, практически вплотную приблизившейся к российским границам. Ещё более укрупнёнными и резко обозначенными стали различия в концептуальных и практико-политических подходах России и коллективного

Запада по ключевым вопросам мировой экономики и политики, европейской и глобальной безопасности.

Отнюдь не единичные эксперты-международники и в России и за рубежом стали рассматривать Украину как едва ли не самую глубокую геополитическую трясину в современном мире. Тесное сопряжение внутренних противоречий и конфликтов и стремление западных, прежде всего американских правящих кругов, превратить Украину в форпост противостояния с Россией сформировали базовые предпосыл-

ки для использования ими этой сугубо конфронтационной модели в отношениях с ней и, соответственно, для усиления в свою пользу дисбаланса в структуре стратегической безопасности, создавая тем самым конфликтную зону геополитического отчуждения и маргинализации России. Демонизация России в западном мире вышла на новый, беспрецедентный уровень. Судя по документу, окно возможностей для равноправного и равноценного диалога сузилось, образно говоря, до скрипучей форточкой.

Таким образом, заявленное «пробуждение» интегрированной Европы не состоялось. «Стратегический компас» вряд ли может стать полноценной основой для проведения автономной политики Евросоюза в области обороны, региональной и глобальной безопасности.

По оценке самого Ж. Борреля, «Стратегический компас» – «это не волшебная палочка». От самих стран ЕС будет зависеть, «станут ли нынешние геополитические сдвиги ещё одним пропущенным звонком, а дискуссии о европейской обороне очередным фальстартом» [6].

Поднять наиболее важные стратегические вопросы до уровня реально перспективных ответов ЕС, судя по всему, не удалось. Новые геополитические горизонты Евросоюза – это никак не забытые старые.

Между тем накопилась такая критическая масса турбулентных процессов в мировой политике, что глубинного переосмысления требуют суть и степень подвижности самой шкалы «притяжение – противостояние», «столкновение интересов – сотрудничество/партнёрское взаимодействие». Отсюда – практико-политическая значимость принципиально новых оценок, обозначения чётких позиций, установок и ориентиров.

В этой связи отметим, что статусный формат «Стратегического компаса» среди других основополагающих документов ЕС никак не определён. Его можно рассматривать и как стратегию, развивающую и дополняющую Глобальную стратегию ЕС, и как военную концепцию, и как оборонную доктрину. Не учтены в должной мере центробежные процессы в ЕС, мешающие тесной координации действий стран-членов.

В «Стратегическом компасе» нет главного – фиксации того, что **едиственно надёжной страховкой от возможных потрясений и угроз является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евро-атлантическому, евро-азиатскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам.**

Пройгнорирована принципиальная позиция России, которая последовательно выступает за перевод в юридически обязывающую форму политиче-

ских деклараций о неделимости безопасности вне зависимости от членства государства в каких-либо военно-политических союзах.

Новый глобальный мегакризис, многие проявления которого имеют все признаки долгосрочно-системного, исключительно и заужено связываются в документе с обострением ситуации на Украине и особенно вокруг неё.

Растущая интернационализация украинского кризиса минимизирует качество отношений России и Запада, которые оказались сегодня близки к точке невозврата.

Не будет оценочным преувеличением утверждать, что на карту поставлено не только будущее суверенной России, но и оптимистичные варианты построения нового мирового порядка. На наших глазах возникает новая геополитическая реальность, уплотнённая характеристика которой – переломный момент в мировой политике и международных отношениях. Меняется сам ход мировой истории. Формируется новая система сдержек и противовесов.

Затянувшаяся негативная динамика кризисных отношений США и коллективного Запада с Россией теперь уже инерционно воспроизводит предпосылки для размывания оптимистических перспектив формирования нового мирового порядка на взаимоприемлемых основах конструктивного стратегического взаимодействия. Растущая неопределённость этих перспектив становится долгосрочным фактором мировой политики и международных отношений.

И что особенно важно для России: из «Стратегического компаса» отчётливо следует, что руководящие инстанции Евросоюза принципиально не настроены на преодоление столь укоренившегося в них синдрома «презумпции виновности» нашей страны во всех сколько-нибудь значимых вопросах международной жизни.

Как актуально звучит сегодня из XVII в. максима мудрого Ларошфуко: «Не так благотворна истина, как зловердна её видимость».

Библиография • References

Неймарк М. А. «Хищники» в геополитике и Европа // Современная Европа, 2021. № 7. С. 152–161.

[Nejmark M. A. «Hishhniki» v geopolitike i Evropa // Sovremennaja Evropa. 2021. № 7. S. 152–161]

A Strategic Compass for Security and Defence. For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. Working document of the European External Action Service. Brussels: European External Action Service; 2021 // URL: https://i2.res.24o.it/pdf2010/Editrice/ILSOLE24ORE/ILSOLE24ORE/Online/_Oggetti_Embedded/Documenti/2021/11/11/st13638_en21%20SC%20DRAFT%200.pdf

A Strategic Compass for Security and Defence. European External Actions Service. 24.03.2022 // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en

Borrell J. A Strategic Compass for Europe // Project Syndicate. 12.11.2021 // URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eu-strategic-compass-by-josep-borrell-2021-11>

Macron says France is U.S. ally, not a vassal state. Reuters. 14.11.2018 // URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-usa-macron-interview-idUSKCN1NJ2TH>

UN – EU strategic partnership on peace operations and crisis management: Council conclusions on priorities for 2022–2024. Council of the European Union. 24.01.2022 // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/01/24/un-eu-strategic-partnership-on-peace-operations-and-crisis-management-council-conclusions-on-priorities-for-2022-2024/>

Статья поступила в редакцию 16 мая 2022 г.

Проблемы и перспективы американо-иранских отношений при администрации Джозефа Байдена

Александр САФОНОВ

Формирование и развитие современной политической тенденции в США как основы американо-иранских отношений в XXI веке

Первые действия Джозефа Байдена на президентском посту свидетельствовали о том, что он следовал в русле практико-политической тенденции, оформившейся в США в начале XXI в., особенность которой состояла в демонстративном, акцентирующем внимании общественно-го мнения и СМИ, целенаправленном отмежевании победившего кандидата от политического курса предшественника, ранее занимавшего Овальный кабинет Белого дома. Иными словами, в первую очередь проводились в жизнь те наиболее выигрышные с информационно-

пропагандистской точки зрения положения предвыборной кампании, которые для своей реализации не требовали значительных усилий и затрат политических ресурсов.

На выборах 2008 г. кандидат от демократов Барак Обама строил предвыборную кампанию на противопоставлении себя действующему президенту Джорджу Бушу-младшему, позиционируя себя как его политический антипод. Особое внимание электората концентрировалось на демонстрации намерения и готовности Б. Обамы в первую очередь к отказу от провальной внешней по-

САФОНОВ Александр Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* sasdipacademy@gmail

Ключевые слова: США, Иран, ядерная программа, Совместный всеобъемлющий план действий.

литики США, формировавшейся и проводимой под заметным влиянием неоконсервативной идеологии. В конечном счёте, несмотря на сохранение фундаментальных основ внешнеполитического курса страны, основывавшихся неизменно на сохранении двухпартийного консенсуса, демократическая администрация Б. Обамы своей деятельностью практически подтвердила изменение подхода.

«Унилатерализм» республиканцев сменил принцип как «лидерство из-за спины», сформулированный экспертами-политологами. Данный принцип предполагал смещение акцента в пользу многосторонности, нацеленность на диалог и дипломатические средства разрешения противоречий. В контексте намерения улучшить отношения с мусульманским миром тональность «каирской речи» Б. Обамы подчёркивала, что новый американский лидер намерен выстраивать отношения со всеми руководителями стран региона на взаимоуважительной основе. Это заметно контрастировало с подходом его предшественника, который позже в своих мемуарах резко негативно охарактеризовал президента Исламской Республики Иран (ИРИ) Махмуда Ахмадинежада. «Я начинал беспокоиться, что мы имеем дело с не просто опасным лидером, а психически больным человеком», – писал Дж. Буш-младший [1].

Президент Б. Обама подобных оценок себе не позволял. Не вызывает сомнений, что на иранском внеш-

неполитическом треке подобный сдвиг в то время позволил завершить переговоры по иранской ядерной программе. В 2015 г. был подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), который, без сомнения, мог быть занесён в актив второй администрации Б. Обамы и позволял объективно мыслящим экспертам оценивать это международное событие как одно из её внешнеполитических достижений.

В период президентской кампании 2016 г. кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп, осознавая, что так называемая ядерная сделка с Ираном представляет собой очевидный козырь демократов, стремился максимально дискредитировать достигнутые результаты действовавшей в то время администрации, жёстко критикуя их политику. СВПД был охарактеризован Д. Трампом как «худшая сделка, которую когда-либо заключали Соединённые Штаты» [2].

После победы на выборах и вступления в должность президент Д. Трамп на иранском направлении последовательно проводил линию на отход от курса Б. Обамы, безосновательно в одностороннем порядке выйдя из СВПД и предприняв ряд откровенно враждебных действий, направленных на усиление политико-дипломатического давления на Тегеран.

В перечень таковых можно включить признание Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) террористической организацией, ужесто-

¹ Буш Дж. Ключевые решения. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 473.

² The first Trump-Clinton presidential debate transcript, annotated // The Washington Post. 2016. September 27 // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/>

чение «санкционной дипломатии» и, что представляется наиболее значимым и резонансным, санкционированное Белым домом убийство в январе 2020 г. высокопоставленного должностного лица ИРИ, генерала – командующего силами специального назначения КСИР «Аль-Кудс» Касема Сулеймани.

Осуществление подобных актов агрессии в такой откровенной и вызывающей форме предшественники Д. Трампа себе не позволяли. Таким образом, к концу президентства Трампа американо-иранские отношения находились на весьма низком уровне. Советник Д. Трампа по национальной безопасности Джон Болтон позже писал в своих мемуарах, что «максимальное давление» на Тегеран «осуществлялось не только из-за ядерной и ракетной программ Ирана, но и из-за его сохраняющейся роли главного спонсора терроризма и его агрессивного военного присутствия на Ближнем Востоке» [3].

Президент США Дж. Байден в свою очередь во время предвыборной кампании 2020 г. также остро критиковал решения и действия своего предшественника, выступая в качестве своеобразного «анти-Трампа». Однако в данном случае такая тактика представлялась в качестве необходимой политической целесообразности, поскольку выступавший от лица объединённой либерально-демократической оппозиции кандидат Дж. Байден решал вполне конкретно поставленную за-

дачу – свалить президента Д. Трампа и всеми возможными способами не допустить его переизбрания на второй срок.

Главным событием первого дня работы новой администрации стало подписание президентом Дж. Байденом ряда указов, придавших обратную силу наиболее резонансным волюнтаристским решениям предыдущего главы Белого дома в международной сфере:

- США вернулись во Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и Парижское соглашение по климату;

- был отменён режим чрезвычайного положения на границе с Мексикой;

- снят запрет на въезд в США граждан ряда мусульманских стран;

- блокирована предполагавшаяся прокладка нефтепровода между США и Канадой.

В области внутренней политики был представлен диаметрально противоположный Д. Трампу подход к борьбе с пандемией COVID-19 внутри страны, что, в свою очередь, также сопрягалось с международными отношениями, учитывая глобальный характер пандемии. Немногим позже Вашингтон официально исключил йеменское движение хуситов «Ансар Аллах»^{*} из своего списка террористических организаций.

Безусловно, предпринятые президентом Дж. Байденом отмеченные выше практические шаги могли свидетельствовать о некоторой коррек-

³ Bolton J. The Room Where It Happened: A White House Memoir. N.Y.: Simon and Schuster, 2020. P. 363.

^{*} Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации на законодательном уровне.

тировке внешнеполитического курса США. Однако эти действия носили в значительной степени символический характер. С практико-политической точки зрения они не были сложными для исполнения и не требовали серьёзной подготовительной политической работы. Однако действительно значимым на данный момент внешнеполитическим действием первых месяцев президентства Дж. Байдена, вызвавшим позитивную реакцию мирового сообщества, стало оперативное решение проблемы в сфере стратегической стабильности и безопасности – согласие на продление договора СНВ-3 с Россией. По сути, новая американская администрация проявила политическую волю и продемонстрировала готовность работать над проблемами, общими для двух стран.

Таким образом, администрация Байдена показывала стремление на

возврат к многосторонней дипломатии, предполагающей готовность США к большему взаимодействию с ведущими международными акторами в решении актуальных международных проблем.

В этой связи представляется, что действия, предпринятые президентом Дж. Байденом, и результаты, к которым они привели на первоначальном этапе, говорили о тенденции в политике, которую Белый дом намеревался проводить, что сформировало соответствующую политическую атмосферу. Из этого вытекало, что на иранском направлении и в отношении ядерной программы ИРИ в частности Белый дом при Байдене будет вести политическую линию, по своему характеру схожую с той, которая была у демократической администрации Б. Обамы, где Байден занимал должность вице-президента.

Ядерная сделка с Ираном: проблема переговоров при администрации Дж. Байдена

Договор СНВ-3, подписанный 8 апреля 2010 г., Дж. Байден решил продлить. Сказалось понимание, что это событие относится к внешнеполитическим достижениям первой администрации президента Б. Обамы, потенциал которого можно и стоит использовать и развивать. Логика политической целесообразности подсказывала, что СВПД – внешнеполитическое достижение второй администрации Б. Обамы, стоит рассматривать с аналогичных позиций. Поэтому переговоры администрации Дж. Байдена по возобновлению действия ядерной сделки представ-

лялись вполне естественными и ожидаемыми.

СВПД 2015 г. представляет собой своеобразный политический фундамент, вокруг которого можно было бы впоследствии наиболее оптимально выстраивать основополагающие принципы и содержание иранской политики США при новой администрации.

Вместе с тем было очевидно, что бывший президент США Д. Трамп своей политикой максимального давления на Иран способствовал заметному ослаблению исходных переговорных позиций своего преемника, осложнив таким образом формирова-

ние и реализацию иранского направления внешней политики США. Действия Белого дома при Трампе показали, что в отношении достигнутых договорённостей, ко всему прочему юридически зафиксированных в полном соответствии с нормами международного права, США могут действовать, руководствуясь исключительно интересами конъюнктурной политической целесообразности, и не придерживаться своих обязательств, закреплённых в соглашениях. Всё это не осталось без внимания со стороны ведущих международных акторов.

Соответственно, к новой администрации США, как минимум на неофициальном уровне, предъявляются уже несколько иные, более жёсткие требования к ведению ею переговоров и их содержанию. В первую очередь по вопросу гарантий соблюдения договорённостей и механизмов их поддержания.

Таким образом, те моменты, связанные с переговорной позицией США, которые нормально воспринимались при Б. Обаме в период работы в рамках переговоров, завершившихся подписанием СВПД, в настоящее время, возможно, окажутся недостаточными для достижения взаимоприемлемого результата. Контрагенты Вашингтона могут и, важно подчеркнуть, имеют право требовать от США гарантий выполнения условий соглашения в случае, если переговоры завершатся его подписанием. «Нам нужны действия, а не обещания. Мы хотим видеть перемены в поведении (администрации США. – Авт.), чтобы не повторилось

беззаконие, как при Дональде Трампе», – заявлял занимавший должность министра иностранных дел Ирана при президенте Хасане Рухани Мохаммад Джавад Зариф [4].

Однако американцы, судя по всему, изначально не намеревались возвращаться строго к тексту соглашения 2015 г. В Белом доме при Байдене сформировалось не подкреплённое реальным положением дел мнение, что сложившаяся международная расстановка сил и политическая ситуация предоставляют США возможность изменить содержательный баланс будущего документа в пользу Вашингтона. Примечательна в этой связи статья, опубликованная в газете *The New York Times* видными американскими дипломатами Уильямом Бернсом и Джейком Салливаном в 2019 г. Учитывая тот факт, что впоследствии авторы заняли ключевые посты в демократической администрации Дж. Байдена, статья, безусловно, носила программный характер.

Главный тезис статьи состоял в том, что политика «максимального давления» на Иран, проводимая Трампом, оказалась провальной, не достигнув заявленных целей. Более того, она подталкивала Тегеран к асимметричному ответу, возможности для которого у иранцев сохранялись, что в итоге создало угрозу опасной, в первую очередь для союзников США, эскалации конфликта в зоне Персидского залива, чреватой региональной дестабилизацией с катастрофическими последствиями.

⁴ Цит. по: Белый дом: Байден готов к переговорам с Ираном // Российская газета. 2021. 21 февраля // URL: <https://rg.ru/2021/02/21/belyj-dom-bajden-gotov-k-peregovoram-s-iranom.html>

«Политические вопросы, обсуждаемые в Вашингтоне, очень часто о том, стоит или нет пристёгивать ремни безопасности, – писали авторы, подразумевая дискуссии в политических кругах США по вопросу, насколько оправданно и целесообразно при решении ключевых проблем внешнеполитической повестки повышать ставки и допускать риск неуправляемого развития событий. – Вместо этого мы должны вновь положить руки на колесо дипломатии и вернуться на основной маршрут, пока не стало очень поздно» [5].

Таким образом, общая установка для выстраивания американо-иранских отношений, безусловно, содержала позитивный посыл.

Однако предлагаемый в статье механизм реализации обозначенного курса содержал моменты, которые могли затруднить данный процесс. Дело в том, что идея состояла в возвращении к диалогу для последующего заключения некоего соглашения, по содержанию отличающегося от СВПД. «Иранцам придётся стать более реалистичными, – писали У. Бернс и Дж. Салливан. – Просто нецелесообразно думать, что США предоставят существенное ослабление санкций без гарантий того, что Иран немедленно начнёт переговоры о последующем соглашении, которое как минимум продлит сроки сделки и решит вопросы верификации и межконтинентальных баллистических ракет» [5].

Разумеется, Тегеран в принципе не могло устроить какое-либо предварительное условие для возобновления переговоров, поскольку СВПД

представлял собой тщательно выверенный с точки зрения содержания и баланса интересов сторон документ. Работавший ранее в должности вице-президента при президенте Б. Обаме Дж. Байден (несмотря на вызывающее озабоченности психофизиологическое состояние, обусловленное возрастными факторами) не мог не понимать, что Иран не устроит вариант переговоров исключительно ради факта самого процесса. Восточному обществу присущ символизм, но по вопросу национальных интересов и национальной безопасности позиция руководства ИРИ однозначна, тверда и непоколебима: на переговорах необходимо добиваться конкретных результатов, основанных на взаимовыгодных двусторонних уступках, закреплённых юридически и обязательных для исполнения в последующем. Представляется, что в настоящее время это основа переговорной позиции иранской стороны при обсуждении проблемы СВПД в контексте ирано-американских отношений. Оговорками о необходимости переговоров для возвращения США к выполнению условий соглашения американцы дают понять, что они изначально настроены на рассмотрение определённого предмета, предполагающего общее изменение или точечную корректировку условий соглашения. Объективно же предмет для обсуждения в принципе отсутствует, и условия СВПД не подлежат пересмотру. В таком шаге нет необходимости.

Представители Дж. Байдена ещё до инаугурации избранного прези-

⁵ Burns W., Sullivan J. It's Time to Talk to Iran // The New York Times. 2019. October 14 // URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/14/opinion/iran-nuclear-deal.html?smid=nytcore-ios-share>

дента уведомили Израиль, позиция которого в отношении ядерной программы ИРИ долгое время была однозначно отрицательной, о том, что начали поиск возможностей вернуться к ядерной сделке с Ираном. Смена главы правительства (июнь 2021 г.) не позволяла рассчитывать на корректировки в отношении данного вопроса, поскольку новый премьер-министр Израиля Нафтали Бенет был соратником и единомышленником своего предшественника Беньямина Нетаньяху. Он заявил (сентябрь 2021 г.), что «Израиль сделает всё, чтобы не дать Ирану получить ядерное оружие. Отчёт МАГАТЭ является предупреждением о том, что пора действовать. Наивное ожидание, что получится добиться от Ирана смены его курса путём переговоров, оказалось безосновательным» [6].

Однако скептическое отношение израильтян к переговорам с Ираном не означало, что Тель-Авив готов торпедировать дипломатические усилия посредников на переговорах в Вене. На встрече с канцлером Германии Ангелой Меркель Н. Беннет заявил: «Иранская ядерная программа находится на наиболее продвинутой стадии за всю историю. Ответственность Израиля состоит в том, чтобы убедиться на деле, а не на словах, что у Ирана никогда не будет ядерного оружия. Ядерное оружие в руках столь экстремистского и жестокого режима изменит лицо региона и мира. Для нас [Израиля] это не стратегическая,

а экзистенциальная проблема. ...В дни мир ждёт решения Тегерана, возвращаться ему или нет за стол переговоров в Вене и вступать ли вновь в соглашение по ядерной программе СВПД. К сожалению, за последние три года иранцы сделали огромный шаг вперёд в развитии своих возможностей по обогащению урана. Мир ждёт, иранцы тянут время, а центрифуги крутятся» [7].

Стоит отметить, что сама постановка вопроса изначально содержала в себе проблему. Общеизвестно, что первой стороной, покинувшей соглашение по инициативе бывшего президента Д. Трампа, стали США. С точки зрения формальной логики, на которой основана позиция остальных участников соглашения, в первую очередь Ирана и России, для возобновления действия соглашения достаточно лишь факта возвращения Вашингтона к выполнению условий сделки. Дополнительного обсуждения для совершения этого шага не требуется, так как отдельно процедура не прописана. Иными словами, Вашингтону необходимо проявить политическую волю, отменив противоречащие СВПД односторонние ограничительные меры. И этого шага достаточно для того, чтобы соглашение вновь заработало в полном объёме.

Условия СВПД относились исключительно к иранской ядерной программе. Соответственно, США обязались снять ограничения, наложенные на ИРИ именно из-за неё. Эти ограни-

⁶ Цит. по: Беннет Н.: Израиль не допустит появления у Ирана ядерного оружия // Официальный сайт RT. 2021. 10 сентября // URL: <https://russian.rt.com/world/news/905554-bennet-izrail-yadernoe-oruzhie>

⁷ Цит. по: Беннет Н.: на Израиле лежит ответственность за то, чтобы Иран не разработал ядерное оружие // Официальный сайт ТАСС. 2021. 10 октября // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12623725?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

чения рассматриваются иранской стороной в качестве наиболее существенных. Поэтому данная категория санкций являлась предметом торга на переговорах, завершившихся подписанием СВПД. Речь шла не о единовременной отмене всех наложенных санкций, а об отмене наиболее болезненных для страны рестрикций. Хотя с точки зрения международного права все односторонние ограничения, установленные США, изначально нелегитимны и подлежат отмене. Однако введение администрацией Байдена новых санкций в отношении Ирана в связи с якобы поддержкой терроризма и ракетной программой страны, представляя собой недружественный акт, не способствует поддержанию позитивного характера политической атмосферы возможных переговоров, так как указывает на сохранение Вашингтоном курса на сдерживание Тегерана.

«Санкционная дипломатия» – основополагающий подход США в политике «смены режимов». В отношении Ирана данный подход рассматривается как наиболее действенная альтернатива военному удару. В американских правящих и экспертных кругах до настоящего времени строят расчёты на том, что ухудшение экономической ситуации внутри Исламской Республики способно спровоцировать социальное недовольство такого уровня, которое в итоге приведёт к трансформации теократического режима и его курса.

«Вашингтон не может изменить иранские ожидания противостоять американскому влиянию или покончить с существованием Израиля, но он может с помощью других стран сдерживать Тегеран до того времени, пока страна не получит правительство, которое ищет, чтобы сделать, что хорошо для Ирана, а не то, что плохо для его идеологических соперников. В конце концов великую стратегию Исламской Республики победят не Соединённые Штаты и Израиль, а народ Ирана, который уже заплатил за неё высочайшую цену», – писал американский политолог К. Саджадпур [8].

В аналогичном ключе стоит оценивать и серию американских авиаударов по территории Восточной Сирии, целью которых, согласно Пентагону, были объекты шиитских военизированных формирований, которые, по информации США, пользуются поддержкой Ирана. Шаг в первую очередь символический, поскольку, таким образом, демократы продемонстрировали свою жёсткость в отстаивании региональных интересов США. Действующий хозяин Овального кабинета фактически повторил шаг своего предшественника Д. Трампа, получив весомый аргумент в дискуссиях с республиканцами, обозначив, что его администрация «будет вынуждена соперничать с ИРИ в Леванте и решать угрозу безопасности для своих союзников в регионе, в большей степени для Израиля и Саудовской Аравии» [9].

⁸ Sadjadpour K. Iran's Hollow Victory. The High Price of Regional Dominance // Foreign Affairs. 2022. № 2. Vol. 101. March/April. P. 39.

⁹ Поляков Д. С. Внешнеполитический курс администрации Дж. Байдена на Ближнем Востоке: от пересмотра отношений до инерционной политики // Российский совет по международным делам // Блог Дмитрия Полякова. 2021. 25 марта // URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Dmitry_Polyakov/vneshnepoliticheskiy-kurs-administratsii-dzhbaydena-na-blizhnem-vostok/

Нельзя исключать, что Белый дом совершил это действие для создания более благоприятной для себя внутривластной атмосферы в преддверии возможных переговоров по поводу возвращения США к выполнению условий СВПД. Традиционное для демократов педалирование темы прав человека, конвертируемое в конкретные действия, также укладывается в общую линию Вашингтона. В частности, государ-

ственный секретарь США Э. Блинкен объявил о санкциях в отношении представителей КСИР Али Хемматяна и Масуда Сафдари «за их причастность к грубым нарушениям прав человека, а именно ...политических заключённых и лиц, задержанных во время протестов в 2019 и 2020 годах в Иране». Этим людям и их ближайшим родственникам запрещён въезд в Соединённые Штаты [10].

Политика США в отношении Ирана после президентских выборов 2021 года

Избрание в июне 2021 г. президентом ИРИ консерватора Ибрагима Раиси принципиально не отразилось на позиции страны в отношении переговоров и двусторонних американо-иранских взаимоотношений. Выходившее за обозначенные СВПД параметры наращивание Ираном количества урана, обогащённого до уровня 60%, о чём в ноябре 2021 г. заявил официальный представитель Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) Бехруз Камальванди, одной из целей ставило расширение предмета переговоров.

Таким образом, иранцы при новом президенте-консерваторе намеревались укрепить и усилить переговорные позиции в качестве ответной реакции на аналогичный подход американской стороны. Идеологическая позиция президента И. Раиси ограничивала пространство для дипломатического манёвра, хотя уровня конфронтации времён президент-

ства Махмуда Ахмадинежада ожидать не приходилось, и достижение договорённостей было возможно. Результатом могло стать обновлённое соглашение, а возможные уступки со стороны США на фоне расширения параметров по сравнению с настоящими условиями СВПД с точки зрения международного имиджа и влияния на внутривластную ситуацию для администрации Дж. Байдена оказались бы вполне приемлемыми.

Во второй половине марта 2022 г. появилась информация о том, что специальный представитель США по Ирану Роберт Малли обсуждает вопрос о возможности исключения КСИР из американского списка террористических организаций. Представляется, что обсуждение выходило за рамки работы по восстановлению СВПД. Это вопрос в большей степени относится к проблематике двусторонних отношений, хотя пере-

¹⁰ Blinken A. J. Designation of Iranian Officials Due to Involvement in Gross Violations of Human Rights Press Statement // Department of State official website. 2021. March 9 // URL: <https://www.state.gov/designation-of-iranian-officials-due-to-involvement-in-gross-violations-of-human-rights/>

говоры велись опосредованно через заместителя генерального секретаря по политическим вопросам Европейской службы внешних связей. Таким образом, переговоры не носили официального характера и представляли собой зондаж на предмет возможности достижения договорённостей по некоторым проблемам, способных, с точки зрения американцев, ослабить напряжённость в регионе Ближнего Востока и двусторонних отношениях. По сути, наблюдалась отчётливо выраженная специфика политико-дипломатического трека курса США в отношении Ирана при президенте Дж. Байдене. Предметом обсуждения был определён размен: исключение КСИР из списка террористических организаций при обязательстве Ирана по деэскалации в регионе.

В Тегеране отвергли предлагаемый американцами вариант, так как в случае его принятия региональные позиции ИРИ оказались бы дискредитированы. Внося в 2019 г. КСИР в список террористических организаций, президент Д. Трамп обосновывал свой шаг тем, что «это действие существенно расширит объём и масштаб нашего максимального давления на режим в Иране» [11]. Администрация Дж. Байдена, таким образом, продолжила этот курс. Предварительное условие, выдвинутое Белым домом Тегерану в качестве основания для исключения КСИР из списка террористических

организаций, означало сохранение стремления к сдерживанию ИРИ через навязывание выполнения определённых, выгодных США внешнеполитических действий. Принятие Исламской Республикой поставленного условия в первую очередь означало бы де-факто согласие со статусом КСИР как террористической организации, поскольку уступка предполагала негласное признание факта наличия причины для включения в список. В таком случае статусные потери Ирана оказались бы ощутимыми.

Кроме того, региональные возможности, которыми обладала Исламская Республика, считались Белым домом потенциалом для асимметричного ответа в противостоянии с США. Таким образом, со стороны Тегерана согласие на выдвинутые условия означало бы добровольное ограничение собственных возможностей в регионе и непропорциональную уступку Вашингтону.

Ко всему прочему, категорически против исключения КСИР из списка террористических организаций выступал Израиль.

Премьер-министр страны Н. Беннет заявил, что Израиль «очень беспокоит намерение США удовлетворить иранское требование и исключить КСИР из списка террористических организаций. ...КСИР – крупнейшая террористическая организация в мире» [12].

¹¹ Statement from the President on the Designation of the Islamic Revolutionary Guard Corps as a Foreign Terrorist Organization. 2019. April 8 // The White House official website // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-designation-islamic-revolutionary-guard-corps-foreign-terrorist-organization/>

¹² Цит. по: Израиль намерен продолжить считать Корпус стражей исламской революции террористами // Официальный сайт ТАСС. 2022. 26 апреля // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14128289?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

Однако нельзя исключать, что выдвинутые Ирану условия американцы оговорили с Тель-Авивом. Следовательно, с этой точки зрения принятие условий США означало бы уступку не только Вашингтону, но и Израилю. Это также нанесло бы Тегерану значительный имиджевый урон.

В конце апреля 2022 г. государственный секретарь США Э. Блинкен в своём выступлении в сенате признал, что на ИРИ оказывалось максимальное давление, которое, однако, «наоборот, породило более опасную ядерную программу: в то время, как раньше Ирану требовалось больше года, чтобы получить необходимые для создания ядерного оружия материалы, после выхода из СВПД он сократил этот срок до нескольких недель» [13]. Замечание главы Государственного департамента США примечательно, поскольку фактор оценки сроков, в рамках которых Иран гипотетически способен создать ядерное оружие, использовался в качестве аргумента для усиления политико-дипломатического нажима на Тегеран и предыдущими администрациями. Сторонники жёсткого давления в Вашингтоне традиционно действовали подобным образом. Особенно «ястребы» из числа неоконсерваторов в администрации Дж. Буша-мл.

Подобная позиция Вашингтона всегда была тесно связана с фактором Израиля, который перманентно выражает озабоченности по поводу перспектив ядерной деятельности Ирана. Позиция Тель-Авива одно-

значна: Иран стремится к обладанию ядерным оружием, и данную перспективу необходимо предотвратить. Израиль при этом отрабатывает тезис о возможности нанесения одностороннего удара по ядерным объектам ИРИ.

В настоящее время подобных заявлений не наблюдается, но высказывания Э. Блинкена указывают на сдвиг переговорной позиции Вашингтона в сторону ужесточения. Это отличает подход администрации Дж. Байдена от курса администрации Б. Обамы. В пользу таких выводов свидетельствует выдержка из упомянутого выше выступления Э. Блинкена о том, что «США решительно продолжают совместно с союзниками и партнёрами противостоять “дестабилизирующему поведению” Ирана вне зависимости от достижения соглашения по СВПД» [13].

Подобного рода заявления высокопоставленных представителей действующей американской администрации не могут способствовать продвижению переговоров. Понятие «деструктивное поведение» в риторике руководства США предполагает расширительную трактовку, основанную исключительно на собственной интерпретации международных реалий и действий отдельных государств, включая легитимное стремление государств к отстаиванию своих национальных интересов и реализацию своего внешнеполитического курса по укреплению собственных позиций в качестве «центра силы» и регионального актора.

¹³ Цит. по: Blinken defends Iran deal talks against congressional criticism // Al Jazeera official website. 2022. April 26 // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/26/blinken-defends-iran-deal-talks-against-congressional-criticism>

В условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине, обусловленной необходимостью защиты российских национальных интересов, коллективный Запад под руководством США объявил фактическую войну России. Решительные действия российского руководства стали своеобразным индикатором, лакмусовой бумажкой для оценки того, насколько далеко в своих действиях готовы пойти так называемые западные партнёры, а по факту – противники, для того чтобы сдерживать укрепление своих геополитических конкурентов. Масштабы нелегитимных односторонних санкций и откровенно враждебных действий беспрецедентны. В сложившихся условиях все, кто стремятся к взаимодействию с Москвой, становятся объектами жёсткого политико-психологического и дипломатического давления.

Иран уже предложил России варианты обхода западных, в первую очередь американских, санкций. Теоретически это повод и основание для США действовать более агрессивно в отношении Ирана, не оглядываясь на достигнутые ранее договорённости. Политика Запада показывает, что они готовы пренебречь международным правом для того, чтобы максимально ослабить своего геополитического соперника. Прецедент создан. Иран, безусловно, за этим внимательно наблюдает. Заявление Э. Блинкена в определённой степени подтверждает наличие таких перспектив, по-

нимание которых усиливается, по сути, аналогичным заявлением Белого дома о том, что американская администрация «определённо обеспокоена» возможностью создания Ираном ядерного оружия «за несколько недель или даже меньше». «И, конечно же, это прямое влияние выхода из ядерной сделки, делающее нас менее защищёнными, ограничивающее наше видение. И это одна из причин, почему мы снова пошли по дипломатическому пути после вступления президента в должность» [14].

В этой связи достижение соглашения по СВПД в прежнем или изменённом виде не станет для ИРИ фактом обеспечения себя гарантией защиты от продолжения политико-дипломатического и военнополитического давления, наложения на страну дополнительных ограничений, усиления и расширения рестрикций. Тем более что противники Исламской Республики актуализируют проблему ракетных технологий и упомянутая выше программная статья У. Бернса и Дж. Салливана может служить тому подтверждением.

«Тема ракетных технологий Ирана, в принципе, не нова, но, судя по всему, она может быть сейчас выдвинута в качестве нового стержневого направления “воздействия” на Иран. К этой теме по нарастающей подключаются США. В израильской прессе, по-видимому, готовят специальное “ракетное досье” для предъявления Тегерану в качестве “дока-

¹⁴ Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki and White House COVID-19 Response Coordinator Dr. Ashish Jha. 2022. April 26 // The White House official website // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/04/26/press-briefing-by-press-secretary-jen-psaki-and-white-house-covid-19-response-coordinator-dr-ashish-jha/>

зательства” агрессивной сущности иранского режима», – пишет российский дипломат А. Г. Бакланов [15].

Всё это в совокупности заметно нивелирует факт и значимость переговоров, девальвирует его и в перспективе лишает смысла. Хотя полностью прекращать его не представляется целесообразным, поскольку

проблема стратегической стабильности и нераспространения ядерного оружия является одной из ключевых в международно-политической повестке. Если рассматривать переговоры по СВПД в данном аспекте, то его, безусловно, необходимо продолжать и завершить заключением соглашения.

Представляется, что на переговорах в Вене стороны практикуют следующий подход: переговорной основой считается базисный текст СВПД от 2015 г. Однако изначально американцы показали, что предпочтительным вариантом развития событий стал бы приход к новому соглашению. Степень отличия вариантов содержания при этом не оговаривалась, но некоторые позиции, которые предполагалось обсудить и включить в текст будущего документа, были ранее обозначены.

Таким образом, в ходе переговоров стороны периодически повышают ставки.

По всей видимости, иранцы, в общем, готовы обсуждать изменения в содержании соглашения. Однако принципиальным условием с их стороны выдвигается взаимовыгодность результатов, взаимоприемлемость и сбалансированность уступок.

По данному вопросу, очевидно, ведётся политический торг, следствием чего периодически стороны выступают с заявлениями о том, что на переговорах выдвигаются требования, которые выходят за рамки СВПД. В частности, постоянный представитель США при ООН Линда Томас-Гринфилд заявляла, что «Иран приурочил к возобновлению переговоров новые провокации и представил новые нереалистичные, максималистские и неконструктивные позиции по ядерным вопросам и по санкциям» [16].

В настоящее время работа идёт активно. Заявление о том, что стороны близки к подписанию соглашения, пока стоит воспринимать преимущественно как дипломатическую риторику, отражающую общий настрой переговорщиков.

На это указывает посол России в Иране Л. С. Джагарян: «В Вене сейчас пауза, переговоры пока не идут, потому что в основном параметры сделки предстоящей уже согласованы, но есть ряд важных вопросов, которые необходимо разрешить Ирану с США, – эти вопросы разрешить пока ещё не просто. Есть ряд вопросов у МАГАТЭ к Ирану, они должны эти вопросы про-

¹⁵ Бакланов А. Г. Иран: новые конфликтные сопряжения // Международная жизнь. 2021. № 8. С. 40.

¹⁶ Цит. по: Постпред при ООН: США готовы снять санкции с Ирана в рамках СВПД, что принесёт ему выгоду // Официальный сайт ТАСС. 2021. 14 декабря // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13200679?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

яснить. То есть остаются и технические проблемы, и некоторые проблемы, касающиеся двусторонних ирано-американских отношений» [17].

На данный момент прогресс на переговорах зависит от позиции США, их способности первыми сделать шаг навстречу, выступив инициаторами политического движения. Стоит согласиться с мнением российского политика Р. Сафарова, который отмечал, что «в этой ситуации США имеет смысл снять все свои санкции, введённые после выхода Трампа из СВПД. Взамен Иран возвращается к выполнению обязательств по сделке. После этого США вновь становятся участником СВПД. В итоге никто не потеряет лицо» [18].

Администрация Дж. Байдена, однако, тональностью исходящих сигналов показывает, что намерена в диалоге с Тегераном занимать более выгодную для себя позицию и руководствоваться в большей степени собственными соображениями и установками, предпочитая диктовать условия.

«Как мы уже говорили, президент снова вступит в СВПД, если это будет в интересах национальной безопасности Америки и полностью вернёт Иран к его ядерным обязательствам. В этих переговорах остаётся ряд нерешённых пробелов. Ответственность за устранение этих пробелов лежит на Иране», – заявили в Совете по национальной безопасности США [19].

Исламская Республика не готова к непропорциональным уступкам, поэтому перспективы достижения соглашения по СВПД в настоящее время неопределённые. Прорыва ожидать не стоит. Американо-иранские отношения при администрации Дж. Байдена, таким образом, по своему характеру принципиально не изменились.

Библиография • References

Бакланов А. Г. Иран: новые конфликтные сопряжения // Международная жизнь. 2021. № 8. С. 36–41.

[Baklanov A. G. Iran: novye konfliktnye sopryazheniya // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2021. № 8. S. 36–41]

Белый дом: Байден готов к переговорам с Ираном // Российская газета. 2021. 21 февраля // URL: <https://rg.ru/2021/02/21/belyj-dom-bajden-gotov-k-peregovoram-s-iranom.html>

[Belyj dom: Bajden gotov k peregovoram s Iranom // Rossijskaya gazeta. 2021. 21 fevralya // URL: <https://rg.ru/2021/02/21/belyj-dom-bajden-gotov-k-peregovoram-s-iranom.html>]

¹⁷ Джагарян Л. С. Надеюсь, наши туристы не будут ездить в недружественные государства. Интервью Посла России в Тегеране // Известия. 2022. 4 мая // URL: <https://iz.ru/1328399/elmar-bainazarov/nadeius-nashi-turisty-ne-budut-ezdit-v-nedruzhestvennye-gosudarstva>

¹⁸ «Противоречивые шаги»: как администрация Байдена пытается выстроить новый курс в отношении Ирана // Официальный сайт RT. 2021. 6 марта // URL: <https://russian.rt.com/world/article/839681-baiden-iran-sankcii-prodlenie-udar>

¹⁹ Ravid B. Iran hasn't agreed to U.S. conditions for removing IRGC from terror list // Axios. 2022. March 23 // URL: <https://www.axios.com/2022/03/23/us-position-designation-iran-irgc-terror-list>

- Беннет Н.: Израиль не допустит появления у Ирана ядерного оружия // Официальный сайт RT. 2021. 10 сентября // URL: <https://russian.rt.com/world/news/905554-bennet-izrail-yadernoe-oruzhie>
- [Bennet N.: Izrail' ne dopustit poyavleniya u Irana yadernogo oruzhiya // Oficial'nyj sajt RT. 2021. 10 sentyabrya // URL: <https://russian.rt.com/world/news/905554-bennet-izrail-yadernoe-oruzhie>]
- Беннет Н.: на Израиле лежит ответственность за то, чтобы Иран не разработал ядерное оружие // Официальный сайт ТАСС. 2021. 10 октября // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12623725?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
- [Bennet N.: na Izraile lezhit otvetstvennost' za to, chtoby Iran ne razrabotal yadernoe oruzhie // Oficial'nyj sajt TASS. 2021. 10 oktyabrya // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12623725?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru]
- Буш Дж. Ключевые решения. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 543 с.
- [Bush Dzh. Klyuchevye resheniya. M.: OLMA Media Grupp, 2011. – 543 s.]
- Джагарян Л. С. Надеюсь, наши туристы не будут ездить в недружественные государства. Интервью Посла России в Тегеране // Известия. 2022. 4 мая // URL: <https://iz.ru/1328399/elmar-bainazarov/nadeius-nashi-turisty-ne-budut-ezdit-v-nedruzhestvennye-gosudarstva>
- [Dzhagaryan L. S. Nadeyus', nashi turisty ne budut ezdit' v nedruzhestvennye gosudarstva. Interv'y u Posla Rossii v Tegerane // Izvestiya. 2022. 4 maya // URL: <https://iz.ru/1328399/elmar-bainazarov/nadeius-nashi-turisty-ne-budut-ezdit-v-nedruzhestvennye-gosudarstva>]
- Израиль намерен продолжить считать Корпус стражей исламской революции террористами // Официальный сайт ТАСС. 2022. 26 апреля // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14128289?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
- [Izrail' nameren prodolzhit' schitat' Korpus strazhej islamskoj revolyucii terroristami // Oficial'nyj sajt TASS. 2022. 26 aprelya // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14128289?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru]
- Поляков Д. С. Внешнеполитический курс администрации Дж. Байдена на Ближнем Востоке: от пересмотра отношений до инерционной политики // Российский совет по международным делам // Блог Дмитрия Полякова. 2021. 25 марта // URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Dmitry_Polyakov/vneshnepoliticheskij-kurs-administratsii-dzhbaydena-na-blizhnem-vostok/
- [Polyakov D. S. Vneshnepoliticheskij kurs administracii Dzh. Bajdena na Blizhnem Vostoke: ot peresmotra otnoshenij do inercionnoj politiki // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam // Blog Dmitriya Polyakova. 2021. 25 marta // URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Dmitry_Polyakov/vneshnepoliticheskij-kurs-administratsii-dzhbaydena-na-blizhnem-vostok/]
- Постпред при ООН: США готовы снять санкции с Ирана в рамках СВПД, что принесёт ему выгоду // Официальный сайт ТАСС. 2021. 14 декабря // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13200679?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
- [Postpred pri OON: SSHA gotovy snyat' sankcii s Irana v ramkah SVPD, chto prinesyot emu vygodu // Oficial'nyj sajt TASS. 2021. 14 dekabrya // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13200679?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru]

- «Противоречивые шаги»: как администрация Байдена пытается выстроить новый курс в отношении Ирана // Официальный сайт RT. 2021. 6 марта // URL: <https://russian.rt.com/world/article/839681-baiden-iran-sankcii-prodlenie-udar>
- [«Protivorechivye shagi»: kak administraciya Bajdena pytaetsya vystroit' novyj kurs v otnoshenii Irana // Oficial'nyj sajt RT. 2021. 6 marta // URL: <https://russian.rt.com/world/article/839681-baiden-iran-sankcii-prodlenie-udar>]
- Blinken A. J.* Designation of Iranian Officials Due to Involvement in Gross Violations of Human Rights Press Statement // Department of State official website. 2021. March 9 // URL: <https://www.state.gov/designation-of-iranian-officials-due-to-involvement-in-gross-violations-of-human-rights/>
- Blinken defends Iran deal talks against congressional criticism // Al Jazeera official website. 2022. April 26 // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/26/blinden-defends-iran-deal-talks-against-congressional-criticism>
- Bolton J.* The Room Where It Happened: A White House Memoir. N.Y.: Simon and Schuster, 2020. – 593 p.
- Burns W., Sullivan J.* It's Time to Talk to Iran // The New York Times. 2019. October 14 // URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/14/opinion/iran-nuclear-deal.html?smid=nytcore-ios-share>
- Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki and White House COVID-19 Response Coordinator Dr. Ashish Jha. 2022. April 26 // The White House official website // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/04/26/press-briefing-by-press-secretary-jen-psaki-and-white-house-covid-19-response-coordinator-dr-ashish-jha/>
- Ravid B.* Iran hasn't agreed to U.S. conditions for removing IRGC from terror list // Axios. 2022. March 23 // URL: <https://www.axios.com/2022/03/23/us-position-designation-iran-irgc-terror-list>
- Sadjadpour K.* Iran's Hollow Victory. The High Price of Regional Dominance // Foreign Affairs. 2022. № 2. Vol. 101. March/April. P. 30–39.
- Statement from the President on the Designation of the Islamic Revolutionary Guard Corps as a Foreign Terrorist Organization. 2019. April 8 // The White House official website // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-designation-islamic-revolutionary-guard-corps-foreign-terrorist-organization/>
- The first Trump-Clinton presidential debate transcript, annotated // The Washington Post. 2016. September 27 // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/>

Статья поступила в редакцию 9 мая 2022 г.

Информационно-коммуникационные технологии и информационная безопасность России

Владимир ШТОЛЬ
Александр ЗАДОХИН

Начало XXI столетия ознаменовалось стремительным развитием систем телекоммуникации и программного обеспечения. Появление глобального Интернета не только объединило пользователей компьютеров, но обеспечило свободный обмен разнообразной информацией в режиме реального времени и способствовало стиранию границ между государствами в информационном пространстве.

Помимо удобств и благ для пользователей современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) несут вызовы и угрозы. Поэтому объективно стоит задача ослабить уязвимость их вредоносного использования и уж тем более не допустить перерастания угроз в цифровой сфере в серьёзный вооружённый конфликт.

Пандемия новой коронавирусной инфекции, заставившая перевести в онлайн целые кластеры нашей жизнедеятельности – от проведения деловых встреч до приобретения товаров, наглядно продемонстрировала мировую зависимость и уязвимость от ИКТ.

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* v.shtol@gmail.com

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, Почётный профессор Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, национальная безопасность, терроризм, Россия, США.

Перечисляются угрозы в сфере международной информационной безопасности (МИБ): использование ИКТ и самих ИКТ в военно-политических, преступных и террористических целях.

Военно-политическое измерение угроз в сфере МИБ включает:

- использование ИКТ для подрыва суверенитета и нарушение территориальной целостности государств;
- подготовку и реализацию планов по проведению информационных операций и войн;
- вмешательство во внутренние дела государства;
- разжигание межэтнических, межрасовых и межконфессиональных конфликтов.

Преступность в информационном пространстве имеет глобальный характер и затрагивает все страны. Киберпреступники наносят значительный ущерб экономической деятельности государств, благополучию миллионов людей. Речь идёт о потерях, сопоставимых с эффектом от военных действий. Киберкриминал всё чаще используется в качестве маскировки для подрыва общественно-политической и социально-экономической обстановки внутри государств, несёт угрозу их суверенитету.

Широкое распространение таких противоправных практик, как фишинг, *DDoS-атаки*, различные вирусы-вымогатели, наносят колоссальный вред как технологически развитым, так и особенно развивающимся странам.

Большой опасностью для мира является использование ИКТ в качестве инструмента для пропаганды идеологии терроризма, привлечения к экстремистской и террористической деятельности новых сторонников, а также для организации коммуникации между ячейками этих организаций, планирования терактов, сбора финансовых средств и т. д.

Новые цифровые технологии

Новые цифровые технологии, создавая трансграничные коммуникации, бросают вызов национальному государству и исторически сложившемуся мировому порядку, основанному на принципах международного права, в том числе на принципе государственного суверенитета и территориальной целостности государств, а также культурной идентичности.

Более того, создание всё новых и новых цифровых технологий оказывает своё влияние на социальные отношения. Возникла новая виртуальная окружающая человека среда,

которая не фиксируется его физическими рецепторами, но как чёрные дыры в космосе втягивает его в себя.

Пока футурологи размышляют о будущем развития цифровых технологий, бизнес-структуры осваивают новое рыночное пространство – производство мощных компьютеров, мобильных средств связи, машин с искусственным интеллектом, новейших роботов-андроидов, блокчейн-технологий и криптовалюты. Современный бизнес, прочно встав на цифровые рельсы, не способен себя защитить самостоятельно от действия киберпреступников.

Ущерб мировому бизнесу только от кибератак увеличивается из года в год.

В 2016 г. он составил 445 млрд долл., в 2017 г. – 1 трлн долл., в 2019 г. – более 2,5 трлн долл. [1], а в 2022 г., по прогнозу Всемирного экономического форума, сумма может вырасти до 8 трлн долл.

По данным Лаборатории Касперского, количество киберинцидентов в российских компаниях в первом квартале 2022 г. увеличилось в 4 раза. Такой рост связан в первую очередь с постоянным усложнением ландшафта угроз и расширением поверхности атак: злоумышленники используют разные тактики и техники, в том числе комбинированные.

Появились и активно действуют сообщества хакеров, куда могут входить как самоутверждающиеся хакеры-альтруисты, так и хакеры с определёнными, часто антигуманными целями, находящиеся на службе частных компаний и спецслужб. Исследователи квалифицируют кибератаку как информационно-коммуникационный акт, предпринимаемый с определёнными преступными целями, а именно для:

- проникновения в информационно-компьютерную систему государственных и негосударственных структур;

- проникновения в информационно-компьютерную систему частного лица;

- внедрения вируса в информационно-компьютерную систему государственных, негосударственных структур и частных лиц;

- создания информации с целью монетизации и шантажа;

- ведения кибервойн и т. д. [2].

Зафиксировано, что большинство современных кибератак исходит из стран Восточной Европы и осуществляется хакерами-одиночками просто ради самореализации [3]. В результате колоссальный ущерб наносится мировой экономике. Кроме того, на его ликвидацию и обеспечение информационной безопасности требуются значительные ресурсы. При этом обеспечить безопасность в цифровом пространстве самостоятельно неспособно ни одно государство.

В частности, российская экономика потеряла от преступной деятельности хакеров только в 2020 г. 3,5 трлн руб. [4], и такие потери ежегодно растут.

Научные разработки в сфере кибертехнологий продолжают идти всё возрастающими темпами. Параллельно с использованием и развитием обычных вооружений разворачивается производство автономных средств на основе технологий искусственного интеллекта, что увеличивает соответствующие вызовы.

Хотя большинство государств осознаёт реальную опасность вызовов и угроз в цифровой среде и необходимость установления универсальных

¹ Мельникова О. А. Способно ли бизнес-сообщество внести свой вклад в активизацию переговорного процесса по вопросам международной информационной безопасности? // Международная жизнь. 2021. № 3.

² Туктамышев Б. В. Международно-правовое регулирование кибератак // URL: <http://www.oboznik.ru/?p=54277>

³ Степанова Ю., Тишина Ю. Тёмная сторона даркнета // Коммерсантъ. 2021. 19 марта.

⁴ Коммерсантъ. 2021. 30 июля.

международных регламентов использования информационно-коммуникационных технологий, но до сих пор

отсутствуют всеобъемлющие международно-правовые договорённости в этой сфере.

Информационная безопасность

Внастоящий момент просматривается тенденция разнонаправленной и хаотичной эволюции системы международных и национальных коммуникаций. В этом процессе, как отмечают исследователи, происходит значительное ограничение возможностей государства как регулятора, защитника своей инфраструктуры и своего информационного суверенитета. Это связано с появлением новых субъектов мировой политики, представленных различными общественными и политическими движениями, а также отдельными акторами.

При этом у целого ряда государств, и прежде всего постоянных членов Совета Безопасности ООН, обозначились разные подходы к вопросу о возможности регламентации использования ИКТ с учётом того, что в глобальном киберпространстве развернулась конкуренция национальных информационных стратегий, не учитывающая объективной необходимости укрепления глобальной безопасности.

США, как лидер коллективного Запада, пытаются навязать свои правила игры в вопросах организации информационного пространства, когда не принимаются во внимание, а порой и просто игнорируются интересы других государств и международное право.

Западные страны стремятся закрепить своё технологическое лидерство, узурпировать право самостоятельно и бездоказательно назначать

ответственных в киберинцидентах, а также предпринимать односторонние силовые шаги в сфере ИКТ. Продвигаемые ими механизмы размывают ключевую роль ООН, становятся помехой для выстраивания системы международных отношений, отвечающей требованиям современной реальности, а при неблагоприятном стечении обстоятельств могут превратить мировое информпространство в новый театр военных действий.

При этом надо понимать, что глобальное по своей сути цифровое пространство не имеет границ. В силу этих причин ни одно государство не способно в одиночку защитить себя от подобных угроз.

Одними из важных проблем политики международной безопасности являются вопросы управления Интернетом.

Составной частью интернет-среды стало сообщество активных и пассивных, профессиональных и бытовых пользователей сетей Интернета со своим опытом и институтами, которые сформировали глобальное сетевое сообщество со специфической субкультурой и правилами, нередко идущих вразрез с общепринятыми традициями и ценностями.

Нельзя отрицать, что глобальные кибернетические сети обеспечили доступ широкого круга пользователей к разнообразной информации и новым ИКТ по всему миру. Именно появление сети Интернет наряду со

всеобщим распространением персональных компьютеров и телефонных приложений стало определяющим фактором в формировании и расширении трансграничного киберпространства при экспоненциально увеличивающемся числе его пользователей.

Из пространства коммуникации и обмена информации Интернет превращается в среду для тиражирования опасного и вредоносного контента, фишинговых программ, запрещённых и экстремистских материалов, сетевых вирусов. В настоящее время Интернет стал главной платформой как для распространения информации, так и политических манипуляций. Основным инструментом в этом являются уже не классические СМИ, а социальные сети и мессенджеры, которые при определённых условиях могут выступить источником дестабилизации любого общества и ресурсом давления на государственную власть [5].

Поэтому объективно возникла необходимость упорядочивания процессов в сетях Интернета, так как в определённой степени это стало вызовом национальным государствам и существующей модели организации мирового социума, не говоря уже о том, что Интернет стал использоваться в преступных целях, в частности, ИКТ способствовали началу своеобразной «нанотехнологической гонки вооружений».

При этом используются всё более совершенные инструменты информационного и психологического воз-

действия на пользователей Всемирной сети. Соответственно, актуален вопрос о разработке и создании механизма управления Интернетом. Очевидно, что речь может идти о международном формате под началом Организации Объединённых Наций.

Под эгидой ООН в Женеве (2003 г.) и Тунисе (2005 г.) прошли Всемирные встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества. Для создания условий многостороннего политического диалога с участием всех заинтересованных сторон в рамках ООН в 2006 г. был создан Форум по управлению Интернетом (*Internet Governance Forum – IGF*).

Одним из вариантов могла бы стать передача прерогатив по управлению Интернетом Международному союзу электросвязи, который имеет необходимую экспертизу в этих вопросах. Но такой вариант противоречит подходам США, претендующим на свой контроль над Сетью.

Российская Федерация последовательно выступает за интернационализацию управления сетью Интернет, а также повышение роли государств в данном процессе. Нынешняя модель управления Интернетом, в которой нивелирована роль государств, являющихся гарантами прав и свобод своих граждан и играющих основную роль в вопросах его экономики, безопасности и стабильности критической информационной инфраструктуры, давно показала свою неэффективность и не обеспечивает гарантий безопасно-

⁵ Замглавы МИД РФ Сыромолотов: Интернет стал большой платформой политических манипуляций. ТАСС. 5 февраля 2021 г. // URL: https://tass.ru/interviews/10631379?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

сти пользователей Всемирной сети, а потому требует кардинального реформирования [5].

Возникшее интернет-пространство практически сразу превратилось в арену противоборства различных геополитических интересов и ценностей. Глобальные сети стали использоваться для вмешательства во внутренние дела государства, идеологического и психологического воздействия на общество и человека, размывания национальной культуры и распространения экстремистских идей.

В настоящее время в ряде стран осуществляется юридическая регламентация пользования Интернетом в границах национального пространства. В то же время сторонники либерального подхода и американские сетевые гиганты выступают за сохранение в Интернете существующего с момента его возникновения режима *free space*, объясняя это необходимостью якобы «соблюдения прав человека, свободы слова и самовыражения, свободы информации». Этой точки зрения придерживаются США, так как используют возможности социальных сетей (*Facebook*, *Twitter*), а также ресурсов типа *WikiLeaks*) для осуществления своей политики, вмешиваясь во внутренние дела суверенных государств и организуя различные «цветные революции» с целью свержения законных правительств под лозунгом «внедрения демократии».

При непосредственном участии Запада на Украине с начала 90-х годов, т. е. с провозглашением ею суверенитета, проводятся информационные провокационные акции, направленные на дискредитацию России и

на формирование её негативного образа. В этой деятельности участвуют и западные СМИ, и интернет-каналы. Масштабы и интенсивность информационной войны вокруг украинского вопроса постоянно усиливаются с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и использованием всё более изощрённых схем совершения киберпреступлений. С началом спецоперации России по демилитаризации и денацификации Украины резко увеличилось количество кибератак против информационных систем Российской Федерации.

Так, хакеры пытались атаковать сайты Роскосмоса, Роскомнадзора, Минобороны, Минкульту, Минэнерго, ФАС. Были временно недоступны сайты изданий ТАСС, «Коммерсантъ», РБК, «Известий», *RT* и других СМИ.

Была совершена кибератака на информационную инфраструктуру российского Министерства по чрезвычайным ситуациям. Подверглись хакерским атакам официальные сайты МЧС России и других федеральных и региональных структур страны.

Задача недопущения милитаризации информационного пространства становится особенно актуальной на фоне развития отдельными странами наступательных киберпотенциалов и распространения доктрин превентивных киберударов. Предотвращение межгосударственной конфронтации в онлайн-среде становится одним из факторов стратегической стабильности.

США, бесцеремонно и агрессивно продвигающие американские ценности и идеи «демократии» во внешнее пространство, особо озабочены не просто «свободой передачи данных», но, как подчеркнул министр иностранных дел Российской Феде-

рации С. Лавров, стремятся навязать свои «правила игры». Уже звучали угрозы, что «если Москва... не примет изложенные на встрече президентов в Женеве 16 июня 2021 г. «правила игры», то будет подвержена новому давлению» [6], в частности, с использованием военно-политического потенциала НАТО. Поэтому следует напомнить, как альянс относился и относится к безопасности Европы.

Во-первых, стратегический военный потенциал Америки в НАТО изначально был навязан европейцам сразу после окончания Второй мировой войны, чтобы в Европе было «меньше России».

Во-вторых, альянс во второй половине XX в. претендовал на роль защитника Западной Европы от советской угрозы, а начиная с 90-х годов – уже защитника от России не только западно- и восточноевропейских стран, но и всех постсоветских государств, считая их сферой своих национальных интересов. При этом США постоянно требовали от европейских союзников – членов НАТО увеличения своих военных бюджетов.

Нападение в цифровой среде рассматриваются НАТО в качестве неотъемлемой составляющей ведения войны в современных условиях.

В июне 2016 г. на саммите НАТО в Варшаве киберпространство было признано такой же сферой операций.

А в феврале 2017 г. были приняты обновлённый План киберобороны и «дорожная карта» по освоению киберпространства как новой сферы операций.

На сегодняшний день большинство стран – членов альянса имеют собственные стратегии кибербезопасности и некоторые обладают киберкомандованиями с соответствующими подразделениями.

Важная роль в сфере укрепления киберпотенциала НАТО отводится странам, расположенным по периметру границ России, прежде всего Эстонии, Латвии, Литве, где уже не один год функционируют киберцентры, представляющие своего рода цифровые форпосты альянса для отработки стратегии информационно-гибридных войн.

Постбиполярную русофобскую политику Запада во главе с США вполне можно объяснить с помощью необихевиористской теории «фрустрации-агрессии» с возникновением у западных и особенно американских военно-политических элит «чувства неудовлетворённости»: они неудовлетворены тем, что, «встав с колен», Россия не приняла их «правила игры» и отвергла навязываемые ей «ценности».

Понимание информационной безопасности Российской Федерации сформулировано в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, которая «является основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности» [7].

⁶ Лавров С. О праве, правах и правилах // Коммерсантъ. 2021. 28 июля.

⁷ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 5 декабря 2016 г. № 646) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/>

Особого внимания заслуживает утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 обновлённая Стратегия национальной безопасности, которая впервые обозначила информационную безопасность как новый национальный приоритет.

Россия, наследуя миролюбивую внешнюю политику и опираясь на богатый тысячелетний духовно-культурный потенциал исторической России, выступает за мирное решение международных проблем и конфликтов.

Гуманитарные связи с различными странами мира являются основой для укрепления всестороннего сотрудничества.

С 60-х годов прошлого столетия в СССР действуют не только старые учебные заведения, но и создаются новые, где проходят обучение иностранные граждане. Кроме того, создаются культурные центры за рубежом, через которые реализуются разнообразные программы в области русского языка, искусства и литературы для доведения информации по вопросам образования, культуры и спорта, социально-экономической сфере, бизнеса до зарубежной общественности в целях формирования положительного образа нашей страны.

Более чем на 70 языках ведётся иновещание на десятки стран, осуществляются издания на различных языках мира.

Как представляется, у России большие возможности использовать опыт Советского Союза уже в цифровую эпоху для утверждения своей национальной идентичности и в киберпространстве. Это особенно актуально, поскольку коллективный Запад стремится сформировать негативный образ внешней политики России, фальсифицируя и перепиывая итоги Второй мировой войны, стараясь Россию «превратить из страны-победителя в государство-агрессора» [8].

По сути дела, в киберпространстве разворачивается ещё один вид холодной войны против России [9].

Именно пытаясь потеснить Россию на всех мировых площадках, США, стремящиеся к доминированию и в глобальном киберпространстве, саботируют российские инициативы в ООН в области информационной безопасности [10]. И при этом Вашингтон одновременно предлагает «ограничивать развитие международной политико-правовой базы, регулирующей деятельность государств в информационном пространстве, рамками необязывающих политических документов» [11].

⁸ Мельникова О. Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности современных государств (политологический анализ). Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2020. С. 5.

⁹ Черненко Е. В. Холодная война 2.0? Киберпространство как новая арена противостояния // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 1.

¹⁰ Болгов Р. В. Деятельность ООН в области информации и международные аспекты информационной безопасности России // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 1.

¹¹ Батуева Е. В. Американская концепция угроз информационной безопасности и её международно-политическая составляющая. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2014.

Вызовы глобальной информационной безопасности

На информационную кибербезопасность в будущем могут повлиять:

- тенденции развития информационных коммутационных технологий;
- рост числа пользователей компьютерными системами;
- размытие границ между цифровым и физическим миром;
- развитие скрытых сетей подобных «тёмному Интернету» и блокчейн-технологий;
- активное использование технологий искусственного интеллекта и сетевых роботов в военной сфере.

В перечень особых угроз глобальной информационной безопасности следует включить активную кибердеятельность военной организации НАТО.

Альянс считает возможным, что «при проведении всех своих операций и миссий Североатлантический союз в определённой степени будет опираться на гражданский госсектор или частный промышленный сектор, будь то в контексте инфраструктуры связи, логистики, оборудования (техники) или критически важных объектов инфраструктуры принимающей страны» [12], тем самым подвергая опасности жизнь гражданского населения, используя в том числе деятельность различных экстремистских организаций. Имея в своём составе хорошо подготовленных специалистов, эти структуры используют современные ИКТ для со-

вершения различных актов агрессии и диверсий против объектов критической информационной инфраструктуры. Такая преступная деятельность развернулась в последние годы на Украине, с территории которой кибератаки против России осуществлялись одна за другой.

В отношении использования ИКТ западные эксперты занимают двойственную позицию.

Так, когда речь идёт об ответном киберударе, они ссылаются на международное право, а когда о праве государства контролировать национальное киберпространство, то отрицают международно-правовой принцип национального суверенитета и, соответственно, право государства контролировать своё информационное пространство. В частности, немецкий профессор криминологии фон В. Хайнегг считает, что российские исследователи «надеются – будет наложен полный запрет на использование военной силы в киберпространстве», так как сама Россия отстаёт в развитии инновационных технологий [13].

Интересно, что так же отнеслись к предложению Российской империи созвать в 1899 г. в Гааге Первую Всемирную конференцию мира для обсуждения вопросов сохранения мира и сокращения вооружений. Западные государства, начавшие перевооружение своих армий и подготовку к большой войне, объяснили, что инициативы российского императора Николая II вызваны «отставанием России в области вооружений».

¹² Брент Л. Роль НАТО в кибернетическом пространстве // NATO. Review. 2019. 2 февраля.

¹³ Хайнегг В. фон. Международное право и международная информационная безопасность: ответ Крутских и Стрельцову // URL: <http://doc.knigi-x.ru>

Тот факт, что информационные технологии позволяют совершать кибератаки, которые практически невозможно предотвратить, рассматривается рядом государств как необходимость совершения превентивных действий против потенциального и вероятного противника. Причём эксперты этих государств делают ссылку на ст. 51 Устава ООН, где фиксируется «неотъемлемое право государства прибегнуть к военной силе в порядке осуществления права на самооборону в случае вооружённого нападения, до тех пор, пока Совет Безопасности ООН не примет необходимых мер для поддержания международного мира и безопасности» [14]. Речь мо-

жет идти не просто об отдельных кибератаках, а о спланированной кибероперации, когда могут применяться новые виды кибероружия и компьютерные программы, включая искусственный интеллект. Причём государство, решающее совершить этот превентивный шаг нападения, само определяет противника. В результате таких действий высока вероятность возникновения вооружённого киберконфликта. И это в то время, когда отсутствуют какие-либо международно-правовые договорённости о возможности международного контроля над использованием информационно-коммуникационных технологий в военных целях.

В заключение необходимо отметить, что:

- западные государства, обладающие мощным и развитым киберпотенциалом, рассчитывают на абсолютное доминирование в глобальном киберпространстве и приобретении стратегических преимуществ в информационной войне;

- происходит изменение логики глобального противостояния, когда интенсивное применение невоенных методов с использованием ИКТ приводит к достижению целей и без вооружённой борьбы;

- развивается тенденция к исчезновению промежуточных этапов между мирным состоянием международных отношений и переходом их в состояние войны, идёт размывание грани между обороной и нападением, ибо в цифровом информационном пространстве процесс развивается в режиме реального времени – «здесь и сейчас».

Безусловно, что потенциально наиболее тяжёлые последствия несут киберугрозы в области стратегических объектов. Именно поэтому вопрос международной информационной безопасности имеет глобальный характер не только с точки зрения уязвимости одного государства, но и масштаба возможных последствий для мира в целом.

В условиях кризиса постбиполярной системы стратегической стабильности и ликвидации международного контроля над вооружениями отсутствие в ближайшей перспективе возможности заключения договоров по регламентации использования кибертехнологий усугубляет проблемы международной информационной безопасности. Об этом свидетельствует украинский кризис.

¹⁴ <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7.51>

Вызывает беспокойство тот факт, что обострение международных отношений может произойти необязательно из-за действий одного государства. Информационную войну может спровоцировать самоутверждающийся хакер-националист, совершивший кибератаку со своего мобильного компьютера. Данный сценарий, по сути, может быть аналогом прецедента 18 июня 1914 г., когда националист Гавриил Принцип застрелил эрцгерцога Франца Фердинанда, что формально и послужило поводом к началу войны. Реальные военные действия, как известно, начались только через полтора месяца. Но в цифровую эпоху кибернетический «выстрел» может совершить автономный робот-андроид, то ли по «собственной воле», то ли в результате сбоя программы, и последующие катастрофические события будут разворачиваться в режиме реального времени без установленной III Гаагской конвенцией 1907 г. процедуры открытия военных действий или каким-то другим образом.

Именно поэтому главная цель России на международных переговорных площадках – закрепление на международном уровне подхода, основанного на предотвращении конфликтов с использованием ИКТ.

Закрепление чётких и одинаковых для всех «правил цифровой игры» позволило бы обеспечить большую предсказуемость поведения государств в информационном пространстве. Руководствуясь этими соображениями, Россия инициировала разработку под эгидой ООН универсальных правил, норм и принципов ответственного поведения государств в ИКТ-сфере.

Россия как один из инициаторов переговоров по вопросам международной информационной безопасности под эгидой ООН – первоначально в формате Группы правительственных экспертов, а с 2018 г. в рамках полноценного механизма Генеральной Ассамблеи – Рабочей группы ООН открытого состава – приветствует любые инициативы и предложения, направленные на обеспечение неконфликтного и безопасного информационного пространства.

Очевидно, что в дальнейшем потребуются разработка международной конвенции ООН в области цифровых технологий, которая должна определить концептуальные подходы к регулированию использования информационных технологий в военных целях, регламентировать их применение в отношении критически важных объектов инфраструктуры, включая гражданские объекты; а также сформулировать особые требования к разработке, созданию и распространению компьютерных программ обеспечения систем военного назначения или пригодных для подобного использования.

Библиография • References

Батуева Е. В. Американская концепция угроз информационной безопасности и её международно-политическая составляющая. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. – 30 с.

[*Batueva E. V.* Amerikanskaya koncepciya ugroz informacionnoj bezopasnosti i eyo mezhdunarodno-politicheskaya sostavlyayushchaya. Avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk. M., 2014. – 30 s.]

- Болгов Р. В. Деятельность ООН в области информации и международные аспекты информационной безопасности России // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 1. С. 59–69.
- [Bolgov R. V. Deyatel'nost' OON v oblasti informacii i mezhdunarodnye aspekty informacionnoj bezopasnosti Rossii // Sravnitel'naya politika. 2019. T. 10. № 1. S. 59–69]
- Брент Л. Роль НАТО в кибернетическом пространстве // NATO. Review. 2019. 2 февраля.
- [Brent L. Rol' NATO v kiberneticheskom prostranstve // NATO. Review. 2019. 2 fevralya]
- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 5 декабря 2016 г. № 646) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/>
- [Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF 5 dekabrya 2016 g. № 646) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/>]
- Замглавы МИД РФ Сыромолотов: Интернет стал большой платформой политических манипуляций. ТАСС. 5 февраля 2021 г. // URL: https://tass.ru/interviews/10631379?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
- [Zamglavy MID RF Syromolotov: Internet stal bol'shoj platformoj politicheskikh manipulyacij. TASS. 5 fevralya 2021 g. // URL: https://tass.ru/interviews/10631379?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com]
- Коммерсантъ. 2021. 30 июля.
- [Kommersant». 2021. 30 iyulya]
- Лавров С. О праве, правах и правилах // Коммерсантъ. 2021. 28 июля.
- [Lavrov S. O prave, pravah i pravilah // Kommersant». 2021. 28 iyulya]
- Мельникова О. А. Способно ли бизнес-сообщество внести свой вклад в активизацию переговорного процесса по вопросам международной информационной безопасности? // Международная жизнь. 2021. № 3. С. 12–19.
- [Mel'nikova O. A. Sposobno li biznes-soobshchestvo vnesti svoj vklad v aktivizaciyu peregovornogo processa po voprosam mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti? // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2021. № 3. S. 12–19]
- Мельникова О. Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности современных государств (политологический анализ). Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2020. – 31 с.
- [Mel'nikova O. Informacionnoe obespechenie vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti sovremennyh gosudarstv (politologicheskij analiz). Avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk. M., 2020. – 31 s.]
- Степанова Ю., Тишина Ю. Тёмная сторона даркнета // Коммерсантъ. 2021. 19 марта.
- [Stepanova YU., Tishina YU. Tyomnaya storona darkneta // Kommersant». 2021. 19 marta]
- Туктамышев Б. В. Международно-правовое регулирование кибератак // URL: <http://www.oboznik.ru/?p=54277>
- [Tuktamyshev B. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie kiberatak // URL: <http://www.oboznik.ru/?p=54277>]

- Хайнегг В. фон.* Международное право и международная информационная безопасность: ответ Крутских и Стрельцову // URL: <http://doc.knigi-x.ru>
- [*Hajnegg V. fon.* Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnaya informacionnaya bezopasnost': otvet Krutskih i Strel'covu // URL: <http://doc.knigi-x.ru>]
- Черненко Е. В.* Холодная война 2.0? Киберпространство как новая арена противостояния // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 1. С. 162–170.
- [*CHernenko E. V.* Holodnaya vojna 2.0? Kiberprostranstvo kak novaya arena protivostoyaniya // Rossiya v global'noj politike. 2013. T. 11. № 1. S. 162–170] <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7.51>

Статья поступила в редакцию 29 марта 2022 г.

Кризис двухполюсных партийных систем в странах Западной Европы

Александр ОРЛОВ

Многопартийность как форма реализации демократии и идеологического плюрализма традиционно являлась и продолжает оставаться квинт-эссенцией либерально-капиталистической политической модели. Подобная теоретическая установка никогда не подвергалась серьёзному сомнению и воспринималась как нечто само собой разумеющееся. При этом необходимо подчеркнуть, что ничего предосудительного в многопартийности как таковой нет. Действительно, эта модель позволяет различным политическим силам презентовать общественности свой политический проект и по мере сил и возможностей добиваться его воплощения в жизнь.

Постулат – «по мере сил и возможностей» – как понимает читатель, отнюдь не случайный. Между понятием «право» на что-то и реализацией этого права пролегает огромная дистанция. Для того чтобы в полном объёме воспользоваться своим правом, нужно обладать целым сонмом возможностей, которые обычно сильно различаются у субъектов правоотношений. Эта маленькая философская прелюдия имеет прямое отношение к специфике политической борьбы в целом и конкуренции между политическими партиями в особенности.

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО(У), Почётный работник МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. *E-mail:* al.or-2012@yandex.ru

Ключевые слова: многопартийность, двухполюсная модель, «левый – правый» центр, Германия, Испания, Италия, Франция, Великобритания, социал-демократы, христианские демократы, народники, лейбористы, консерваторы.

Итак, действительно ли многопартийность является панацеей от большинства социально-политических недугов современного капиталистического общества, и когда эта модель работает достаточно эффективно, естественно в интересах правящего класса, а когда начинает давать сбои?

На эти вопросы даёт ответы анализ опыта функционирования этой системы в период после окончания Второй мировой войны, когда в общих чертах сложилась современная партийная модель, в частности, в ведущих западноевропейских государствах. Хотя в столпах англосаксонского мира – Великобритании и США – такая модель имеет более продолжительную историю.

Упомянутый анализ показывает, что модель весьма эффективна тогда, когда в её основе лежит доминирование в политическом пространстве, как правило, двух системообразующих партий. Они более или менее регулярно меняют друг друга у кормила власти, что позволяет своевременно выпускать накапливающийся в обществе пар недовольства, не ставя под удар государственную систему в целом. Подобные системообразующие партии, в большинстве случаев правоцентристской и левоцентристской направленности, в современном капиталистическом обществе не существенно отличаются друг от друга по кардинальным вопросам политической и экономической повестки, но зачастую весьма агрессивны и непримиримы по второстепенным темам, дискуссии по которым порой и определяют смысл существования этих партий.

Крупные правоцентристские партии обычно называются либо

«народными», либо «христианско-демократическими». Левоцентристов представляют социал-демократы. Хотя в последние годы налицо тенденция к поиску новых, подчас довольно экзотичных названий партий, что, как представляется, только запутывает избирателя.

Западноевропейская двухпартийная модель не исключает существования помимо системообразующих других партий, которые, впрочем, на протяжении нескольких десятилетий не играли значительной роли в межпартийном раскладе и не оказывали кардинального влияния на формирование по итогам выборов властных структур. Правда, в отдельных случаях «третьи» партии, в основном центристские или близкие к ним, выступали в качестве ситуативных попутчиков или младших партнёров по коалиции с крупными партиями, когда тем требовалась поддержка для формирования правительства. Но обычно их запросы не были обременительными для старших партнёров, и подобная «межпартийная демократия» исправно работала в интересах двухпартийной модели.

Целью двухпартийной модели, в сущности, был недопуск во власть альтернативных системообразующих политических сил, которые с некоторых пор получили довольно обидное определение «популистские». Такая дефиниция предполагает их восприятие правящим политическим классом, и особенно той его частью, которую принято называть «элита», а также обслуживающими их интересы учёными, представителями СМИ, а позже и блогерами, находящимися в рамках либерального политико-идеологи-

ческого мейнстрима, как нечто поверхностное, конъюнктурное, временное, ориентированное на удовлетворение чрезмерно завышенных, а посему невыполнимых запросов общества. Невыполнимых, естественно, в представлении правящей двухпартийной элиты, отдельные представители которой могут не любить друг друга и даже враждовать между собой, но в то же время все вместе являются опорой системы, устоям которой могут, по их мнению, угрожать популисты.

При этом, как справедливо отмечают как российские, так и зарубежные исследователи, само понятие «популизм» должным образом не концептуализировано, и поэтому вокруг его интерпретации подчас возникают жаркие споры [1, 2].

Постараемся подтвердить предложенную картину примерами из политического опыта ряда ведущих стран Западной Европы, чьи демократические системы считаются образцовыми.

Начнём с **Федеративной Республики Германия**, в партийной системе которой в послевоенный период доминировали две партии – СДПГ (самая старая социал-демократическая партия в Европе) и консервативный Христианско-демократический союз (ХДС), выступавший в блоке с более правым, как принято

было считать, баварским Христианско-социальным союзом (ХСС).

В период с 1953 по 2002 г. СДПГ и ХДС/ХСС совместно собирали на выборах 70–90% голосов избирателей*, после чего победитель создавал стабильное правительство. В случае необходимости и консерваторы, и социал-демократы, как правило, прибегали к услугам весьма сговорчивой центристской Свободной демократической партии (СвДП), которую можно было привлечь к участию в коалиции в качестве младшего партнёра.

Близкая модель возникла в пост-франкистской **Испании**, где демократический политический формат начал складываться во второй половине 70-х годов прошлого века. Там также сформировалась двухполюсная система (в Испании ее называют *bipartidismo* [3]), в рамках которой преобладающее положение заняли левоцентристская Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и её более правый конкурент. В ходе первых двух общенациональных парламентских выборов эту роль выполнял Союз демократического центра (СДЦ), а после его развала в 1982 г. – консервативная Народная партия (НП).

Доминирование двух крупных партий в испанском политическом пространстве (вплоть до 2015 г. они собирали на двоих как минимум две

¹ Минаева А. В. Российский популизм: политическая реальность или перспектива? // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 4.

² Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4.

³ Bipartidismo: un sistema en horas bajas // URL: <https://www.lavanguardia.com/vida/junior-report/20190423/461818508054/bipartidismo-elecciones-generales-espana.html>

* Приводимые в настоящей статье подсчёты произведены автором на основе официальных данных.

трети голосов избирателей, а чаще – значительно больше) позволяло им получать стабильное большинство в нижней палате парламента (Конгрессе депутатов). Своеобразный рекорд был установлен в 2008 г., когда после очередных выборов представители социалистов и «народников» заняли в амфитеатре Конгресса депутатов 323 из 350 кресел.

В отдельных случаях (их было немного) победившей партии приходилось прибегать к содействию мелких партий для получения устойчивого большинства в нижней палате парламента, но без создания правящих коалиций. Поэтому коалиционная культура в Испании, по сути дела, так и не сложилась.

В **Италии** с послевоенных времён и вплоть до полного развала партийной системы и исчезновения с политической арены традиционных партий в результате антикоррупционных процессов (1992–1994 гг.) существовала несколько более сложная модель конкуренции между политическими формированиями, хотя сама суть системы, предполагавшая наличие двух полюсов силы – умеренно правого и левого, принципиально не отличалась от тех моделей, о которых говорилось выше.

Ключевым звеном правоцентристского кластера выступала Христианско-демократическая партия (ХДП), представители которой возглавляли итальянское правительство 45 раз в период с 1945 г. по май 1994 г. В остальных шести случаях главами кабинета министров были лидеры других партий, образовывав-

ших коалиции с ХДП. В 1981–1991 гг. Италией правила пятипартийная коалиция, получившая название «Пентапартито», но доминирующей силой в ней неизменно оставались христианские демократы.

На левом фланге итальянской политической системы в эти годы находилась Итальянская коммунистическая партия (ИКП), за которую стабильно голосовала треть электората, но которая, даже в период ее увлечения еврокоммунизмом, не допускалась к участию в формировании правительства. Суммарные показатели ХДП и ИКП на выборах в 1948–1987 гг. составляли порядка 60–70% голосов (лучший показатель – 73,08% в 1976 г., худший – 60,89% в 1987 г.), что позволяло итальянскому правящему классу «демократическими методами» обеспечивать видимость стабильности системы, которая, однако, вмиг развалилась подобно соломенному домику Ниф-Нифа из сказки «Три поросёнка» в результате коррупционно-политического торнадо [4].

Во **Франции** после образования Пятой республики на правом фланге политического спектра достаточно долго доминировала влиятельная голлистская партия, которая периодически корректировала своё название (с 2015 г. – «Республиканцы»), что, впрочем, не изменяло её сути. Это была классическая правоцентристская партия, являвшаяся одной из опор двухполюсной партийной модели.

На левом фланге на протяжении нескольких десятилетий шла борьба

⁴ Орлов А. А., Орлова Е. В. Право и политика: актуальные тенденции политической борьбы в зарубежных государствах. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2018.

за лидерство между Французской коммунистической (ФКП) и социалистической (СП) партиями, причём вплоть до начала 70-х годов прошлого века ФКП опережала в рейтинге популярности социалистов. Однако в дальнейшем французские коммунисты, так же как их итальянские и испанские коллеги, занявшиеся поисками «коммунистического обновления» через идеи еврокоммунизма [5], начали резко терять свои лидирующие позиции, фактически став на определённом этапе вспомогательной силой СП, что позволило социалисту Франсуа Миттерану дважды быть избранным президентом Франции.

В начале 2000-х годов голлисты и социалисты сохраняли доминирующие позиции во французской политике, собирая на парламентских выборах совместно 60–80% голосов избирателей (меньше в первом туре, больше – во втором). Однако в 2017 г. традиционный для Франции статус-кво развалился буквально в одночасье.

Партийная система **Великобритании** – наиболее консервативная из всех западноевропейских государств. Традиционно социал-демократическая Лейбористская и правоцентристская Консервативная партии контролировали там противоположные сектора политического пространства.

В период с 1945 по 1970 г. эти две партии суммарно получали на выборах львиную долю голосов избирателей: минимально – 87,5% (1965 г.), максимально – 96,8% (1951 г.). В последующий период этот показатель

несколько снизился, но сама тенденция доминирования в политической жизни страны лейбористов и консерваторов не изменилась. С 1974 по 2001 г. две главные партии на пару получали от 72,4% голосов (худший показатель в 2001 г.) до 80,8% (лучший – в 1979 г.). Кризисными в этом плане были для лейбористов и консерваторов выборы в период с 2005 по 2015 г., когда они совместно не собрали даже 70% голосов (от 65,1% – в 2010 г. до 67,6% – в 2005 г.). Но на двух последних выборах их показатели вновь подросли: 82,3% – в 2017 г. и 75,8% – в 2019 г.

С конца XX в. относительно стабильные партийные системы пяти ведущих европейских стран вступили в период турбулентности, причём этот процесс существенно обострился в наступившем веке. В каждой из упомянутых стран формирование новых партийных моделей, что вполне естественно, протекало с учётом национальных традиций и особенностей местного политического ландшафта. Но общей для всех них чертой можно считать размывание классической двухполюсной модели и её замену на многокомпонентную систему, когда реальными (а не декоративными) участниками формирования правительственных структур становится большее количество партий или коалиций различной политической направленности.

Этот процесс развивается не линейно, а волнообразно – с приливами и отливами. Какой-то устойчивой тенденции стабильного роста попу-

⁵ Попов Л. Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Международные отношения, 2008.

лярности той или иной новой политической силы пока не наблюдается. Но одновременно фактом является то, что эти новые силы, как правило в результате произошедшего на определённом этапе скачка популярности, более или менее твёрдо закрепились на политической авансцене своих стран. В результате прежний стандарт управляемости западной политической системы, предполагавший «демократическую вариативность» в диапазоне «левый – правый центр», начинает давать сбои, а кое-где уже и не работает. Образно говоря, старым дирижёрам политических оркестров необходимо теперь включать в свои творческие коллективы новых исполнителей, с которыми зачастую бывает трудно договориться о едином видении партитуры.

Весьма лаконично представим читателю современные варианты партийных моделей ведущих западноевропейских государств.

Начнём с **Германии и Испании**. Основные политические партии в обоих государствах имеют прямые аналогии в партийных системах друг друга.

СДПГ имеет двойника в лице Испанской социалистической рабочей партии, ХДС/ХСС – Народной партии, Левая партия – «Подemos», СвДП – «Сьюдаданос», «Альтернатива» – «Вокс».

Есть, разумеется, и определённые отличия. В частности, в Испании «зелёные» пока не сформировались в отдельную политическую силу и действуют в составе левых коалиций. В Германии же нет региональных националистических партий, которые можно было бы сравнить по степени влияния на политические процессы с каталонскими и баскскими националистами. Но в

целом – налицо поразительное сходство германской и испанской партийных моделей.

На состоявшихся в сентябре 2021 г. парламентских выборах в ФРГ две основные политические силы страны – СДПГ и ХДС/ХСС – получили вместе порядка 50% голосов избирателей (25,7 и 24,1% соответственно), что также полностью соответствует преобладающему в Испании тренду.

В обеих странах в условиях существования многопартийных парламентов, где положение доминирующих партий существенно ослабло, формирование прочных и стабильных правительств на коалиционной основе является задачей насущной, но весьма непростой.

По итогам последних парламентских выборов в Германии впервые в современной истории возникла трёхцветная коалиция в составе СДПГ, «Зелёных» и СвДП, сильно напоминающая героев известной басни И. Крылова о лебеде, раке и щуке, один из которых «рвётся в облака», другой – «пятится назад», а третья – «тянет в воду». Трудно сегодня сказать, чем в конечном итоге закончится это сотрудничество, но ясно, что постоянное перетягивание каната между «коалиционерами» не сулит ничего хорошего Германии в трудные для неё времена.

В **Испании** хрупкий баланс между левыми и правыми также готов в любой момент разрушиться, что приведёт к серьёзному правительственному кризису. Ни ИСРП, ни Народная партия уже не в состоянии в современных условиях самостоятельно сформировать стабильное правительство. Их суммарные электоральные возможности ныне

«заморозились» в районе 50% [6, 7], а предпосылок для образования прочных коалиций также явно недостаточно. Первый в истории постфранкистской Испании коалиционный опыт – нынешнее левое правительство ИСРП/«Унидас-Подемос» – постоянно подвергается проверке на прочность, в том числе из-за возникающих внутри коалиции разногласий, причём ни один серьёзный аналитик не сможет с уверенностью предсказать, сумеет ли кабинет дотянуть до конца легислатуры, как надеется премьер-министр Педро Санчес, или будет вынужден уйти в отставку раньше времени.

В **Италии** после развала прежней модели на политическую арену выдвинулись новые партии с нетрадиционными названиями и идеологически нечёткими платформами, которые и составили нынешнюю партийную систему страны.

Правый фланг оседлали партии и коалиции (их названия менялись от выборов к выборам, в том числе «Вперёд, Италия», «Полюс свобод», «Дом свобод», «Народ Италии», «Лига севера»), «крёстным отцом» и идейным вдохновителем которых был и, по сути дела, остаётся до сих пор Сильвио Берлускони.

Позиции левого центра заняла Демократическая партия, объединившая представителей эволюционировавшего до социал-демократии оппортунистического крыла ИКП и других умеренно-левых группировок.

В промежутке между правыми и Демпартией обосновалось «Движение пяти звёзд», возникшее как протестное движение против традиционной системы, по поводу идеологического наполнения которого (если оно в принципе существует) дискуссии ведутся до сих пор.

Поиск комбинации между указанными тремя главными фигурами на шахматной доске итальянской политики при возможном незначительном участии мелких партий и коалиций будут определять нестабильные реалии страны на Апеннинах в обозримом будущем.

Ошеломляющее фиаско на президентских выборах во **Франции** в 2017 г. кандидатов от консерваторов и социалистов, убедительная победа на них малоизвестного в ту пору центриста Эммануэля Макрона, вышедшего из Социалистической партии и создавшего в канун выборов свою партию «Вперёд, Республика!», и выдвижение на позиции второй политической силы крайне правого Национального объединения Марин Ле Пен ознаменовали собой возникновение во Франции новой партийной модели. Её доминантами стали центристы и радикальные правые при существенном ослаблении прежнего праволевоцентристского тандема «голлисты – социалисты».

Прошедший 10 апреля 2022 г. первый тур новых президентских выборов полностью подтвердил эту тенденцию: Макрон и Ле Пен полу-

⁶ Орлов А. А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // Современная Европа. 2022, № 2.

⁷ El PP recupera con Feijóo tras la crisis y ganaría hoy las elecciones // URL: https://www.abc.es/espana/abci-pp-recupera-feijoo-tras-crisis-y-ganaria-elecciones-202204082325_noticia.html

чили в сумме 51% голосов (27,6 и 23,4% соответственно), а выдвиженки республиканцев и социалистов (Пекресс и Идальго) – унижительные 4,8 и 1,74%. В этом смысле процессы во Франции по своей неоднозначной, во многом деструктивной логике напоминают ситуацию, сложившуюся за пару десятилетий до этого в соседней Италии. Правда, в отличие от Италии традиционные партии во Франции всё же окончательно не исчезли с партийной карты, и их возрождение при благоприятных для них обстоятельствах возможно, хотя и необязательно в будущем.

Появление новых игроков не обошло стороной и политический ландшафт **Великобритании**, хотя здесь этот процесс не приобрёл такой остроты, как в континентальной Европе.

Созданная в 1988 г. Партия либеральных демократов (за счёт слияния Либеральной и Социал-демократической партий), которую условно можно отнести к центристам, несмотря на относительно успешные для неё результаты выборов в период с 1992 по 2010 г. (партия собирала в эти годы порядка 20% голосов изби-

рателей и в 2010 г. впервые в послевоенной истории Великобритании вошла в правительственную коалицию с Консервативной партией), тем не менее не сумела удержать завоеванных позиций и представлена в нынешнем составе палаты общин скромными 11 депутатами.

На позицию третьей силы в последние годы выдвинулась Шотландская национальная партия, имеющая в нижней палате британского парламента заметную фракцию в составе 48 своих представителей. Эта партия выступает за независимость Шотландии, является крупнейшей в местном парламенте и по своей программе напоминает националистические каталонские и баскские политические партии в Испании. Тем не менее шотландские националисты, в отличие от Испании, не способны на данном этапе влиять на общебританский расклад политических сил, что позволяет сделать вывод о том, что, будучи самой возрастной в Европе, «островная» партийная система по-прежнему остаётся и наиболее стабильной в западной части Старого Света.

Выводы и прогнозы:

1. В большинстве ведущих западноевропейских стран, исторически определяющих тенденции идейно-политического развития Старого континента, происходит изменение сложившейся в послевоенный период партийной модели, основанной на доминировании, как правило, двух крупных политических партий, контролировавших левый и правый сектора политического спектра. Такая модель позволяла исключить из активного политического процесса представителей крайних течений на обоих политических флангах и свести к минимуму влияние чисто центристских партий.

Коммунистические партии, завоевавшие после Второй мировой войны прочные позиции в ряде западноевропейских государств, постепенно утратили своё политическое влияние и либо влились в более широкие левые коалиции, либо, сохранив свои названия, оказались в стороне от основных политических процессов.

Изменение двухполюсной модели проходило (и продолжает происходить) по-разному.

В Германии и Испании – поэтапно, преимущественно эволюционным путём, хотя и с неизбежными всплесками.

В Италии и во Франции такие перемены развивались по историческим меркам стремительно.

На данном этапе только в Великобритании, не предрасположенной к политическим инновациям, традиционная политическая модель с доминированием двух системообразующих партий – Консервативной и Лейбористской – в общем и целом сохраняет свой изначальный вид, хотя и она вынуждена реагировать на веяния времени.

2. В Европе налицо заметная поляризация политических сил. Значительная часть электората (порядка 50%) голосует в настоящее время за альтернативные традиционным партии.

К таким «новым силам» отнесём:

– *крайне правые партии* (Национальное объединение – во Франции, «Альтернативу» – в Германии, «Вокс» – в Испании);

– *левых* (левее социал-демократов: Левая партия – в Германии, «Подemos» – в Испании, «Непокорённая Франция» – в Пятой республике);

– *«Зелёных»* – в Германии;

– *откровенных популистов* («Движение пяти звёзд») – в Италии.

Некоторые из указанных «новых» уже активно участвуют в формировании правительств своих стран («Зелёные» – в Германии, «Движение пяти звёзд» – в Италии, «Подemos» – в Испании). Пока за рамками политического процесса остаются крайние консерваторы, которых их оппоненты награждают нелицеприятными ярлыками (ксенофобы, националисты/шовинисты и даже фашисты), но которые при определённых условиях вполне могут в перспективе войти в правительственные коалиции (ближе всего к этому, пожалуй, находится партия «Вокс» в Испании, без услуг которой правая Народная партия вряд ли способна прийти к власти).

Одновременно продолжают терять свои позиции чисто центристские либеральные партии, которых в Европе осталось немного.

3. Является ли появление и укрепление новых реалий в межпартийном «кроссворде» проявлением кризиса либерально-капиталистической модели в целом? Этот вопрос занимает сегодня умы многих современных политологов. На наш взгляд, ответ будет утвердительным.

Указанный кризис с ускорениями и замедлениями развивается по многим направлениям и затрагивает в том числе партийные системы ведущих западноевропейских стран. Ясно, что этап доминирования прежней удобной для властной элиты биполярной партийной модели в относительно узком диапазоне «правый – левый» центр завершается. На смену приходит многокомпонентная модель, в рамках которой будут усиливаться позиции альтернативных политических сил, прежде всего на флангах, которые больше не желают быть статистами в больших политических играх. При этом совершенно очевидно, что потребность в постоянном поиске компромиссов между различными политическими силами не добавит устойчивости системе,

которая призвана будет доказывать свою жизнеспособность в гораздо менее комфортных условиях, чем прежде.

Вероятно, могут подвергнуться ревизии некоторые устоявшиеся и ещё недавно казавшиеся незыблемыми воззрения и постулаты, давшие в своё время основание философу Фукуяме утверждать, что либеральная демократия является наилучшим решением человеческой проблемы [8, 9] и, по сути, концом политической истории.

Библиография • References

- Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89.
- [Vajnshtejn G. I. Sovremennyy populizm kak ob'ekt politicheskogo analiza // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 4. S. 69–89]
- Минаева А. В. Российский популизм: политическая реальность или перспектива? // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 4. С. 123–132.
- [Minaeva A. V. Rossijskij populizm: politicheskaya real'nost' ili perspektiva? // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2017. № 4. S. 123–132]
- Орлов А. А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // Современная Европа. 2022, № 2. С. 117–131.
- [Orlov A. A. Tendencii evolyucii partijnoj sistemy Ispanii v postfrankistskij period // Sovremennaya Evropa. 2022, № 2. S. 117–131]
- Орлов А. А., Орлова Е. В. Право и политика: актуальные тенденции политической борьбы в зарубежных государствах. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2018. – 234 с.
- [Orlov A. A., Orlova E. V. Pravo i politika: aktual'nye tendencii politicheskoy bor'by v zarubezhnyh gosudarstvah. M.: IMI MGIMO MID Rossii, 2018. – 234 s.]
- Попов Л. Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Международные отношения, 2008. – 156 с.
- [Popov L. B. Vospominaniya o evrokommunizme. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2008. – 156 s.]
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
- [Fukuyama F. Konec istorii? // Voprosy filosofii. 1990. № 3. S. 84–118]
- Bipartidismo: un sistema en horas bajas // URL: <https://www.lavanguardia.com/vida/junior-report/20190423/461818508054/bipartidismo-elecciones-generales-espana.html>
- El PP recupera con Feijóo tras la crisis y ganaría hoy las elecciones // URL: https://www.abc.es/espana/abci-pp-recupera-feijoo-tras-crisis-y-ganaria-elecciones-202204082325_noticia.html
- Lieven A. The Two Fukuyama s// National Interest. 2006. № 84. P. 123–130.

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2022 г.

⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

⁹ Lieven A. The Two Fukuyama s// National Interest. 2006. № 84.

Совершенствование уголовно-правовых средств

Противодействие фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России

Виктор МЕРКУРЬЕВ
Дмитрий РУБЦОВ

О необходимости противодействия фашизму и нацизму

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своём выступлении на Параде Победы (9 мая 2021 г.) в ознаменовании 76-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. отметил, что, «к сожалению, многое из идеологии нацистов, тех, кто был одержим бредовой теорией о своей исключительности, вновь пытаются поставить на вооружение. И не только разного рода радикалы и группировки международных террористов. Сегодня мы видим сборища недобитых кара-

телей и их последователей, попытки переписать историю, оправдать предателей и преступников, на руках которых кровь сотен тысяч мирных людей» [1].

Позиция российского лидера указывает на необходимость недопущения распространения в обществе таких явлений, как нацизм и фашизм, последователи которых активизировались по всему миру. В связи с этим на государственном уровне возникает объективная потребность в актуализации изучения

МЕРКУРЬЕВ Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации. *E-mail:* merkuriev-vui@mail.ru
РУБЦОВ Дмитрий Иванович – учёный секретарь Учёного совета ВЮИ ФСИН России. *E-mail:* dm.rubtsov@mail.ru

Ключевые слова: фашизм, нацизм, национал-социализм, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, реабилитация нацизма.

¹ Парад Победы на Красной площади // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65544>

и определения категорий «фашизм» и «нацизм». Это необходимо для установления истинной их сущности, выявления характеризующих признаков с целью организации эффективного противодействия данной преступной идеологии и обеспечения безопасности российского народа.

Отметим позицию Генерального прокурора России И. В. Краснова по данному вопросу, высказанную на Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы», в которой отмечено:

– нельзя допустить замалчивания и искажения реальных итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн. Это важная задача в условиях участвовавших попыток их пересмотреть и преуменьшить роль Советского Союза в победе над фашистской Германией;

– необходима реализация мероприятий по выявлению и расследованию преступлений, совершённых в годы Великой Отечественной вой-

ны, в том числе геноцида советских граждан;

– требуется устранение пробелов в законодательстве и совершенствование правового регулирования в сфере противодействия фальсификации исторических фактов о деятельности СССР в годы Второй мировой войны;

– необходимо правовое закрепление понятий «нацизм», «фашизм» и «геноцид народов Советского Союза»;

– необходимо расширить понятие «экстремистская деятельность» за счёт уточнения терминов «реабилитация», «оправдание и пропаганда нацизма» [2].

Ввиду вышесказанного в аспекте уголовного и иного законодательства закрепление и смысловое разграничение понятий «фашизм» и «нацизм», а также их сопоставление с экстремистской деятельностью, возможно, будет способствовать созданию новой формы дополнительного охранительного воздействия от негативного влияния изучаемых явлений.

Содержание понятий «фашизм» и «нацизм» в историческом контексте

Для понимания содержания понятий «фашизм» и «нацизм» необходимо рассмотреть их в историческом контексте, что позволит в дальнейшем установить разницу между ними и устранить правовые коллизии, существующие в настоящее время в российском праве.

В настоящий момент нет однозначного и универсального определения фашизма. Данное явление исследуется с момента его возникновения представителями множества направлений гуманитарных наук. И практически всегда, вне зависимости от философской, социологи-

² Выступление Генерального прокурора Российской Федерации И. Краснова на Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 6 сентября 2021 г. // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227>

ческой, исторической, юридической или другой его интерпретации, подходы к определению содержания фашизма основывались на идеологическом и политическом мировоззрении субъекта толкования, и поэтому существует множество концепций, на основе которых определяются его сущность и содержание.

Однако исследовать фашизм и сформулировать его определение не представляется возможным вне исторического контекста его зарождения и развития.

Сам термин «фашизм» (*im. – fascio*) означает союз и связан с политической деятельностью Бенито Муссолини, который в 1919 г. при создании Итальянского союза борьбы (*im. – Fasci italiani di combattimento*) использовал римские фации* в качестве символа данной организации. В 1921 г. организация была преобразована в политическую партию, получившую название «Национальная фашистская партия», а фашизмом стала обозначаться её праворадикальная идеология, основным элементом которой становится национализм. Представители фашизма активно выступали против коммунистических и социалистических партий Италии. В связи с этим приверженцы коммунистической идеологии в дальнейшем называли фашистскими все антиреволюционные движения и режимы.

Практически в это же время (январь 1919 г.) в Германии создаётся

Германская рабочая партия, в сентябре того же года в её ряды вступает А. Гитлер. В августе 1920 г. она переименовывается в Национал-социалистическую германскую рабочую партию (НСДАП), а в 1921 г. он становится её лидером [3]. Гитлер сформулировал и объявил программу партии, которая составила 25 положений, пять из которых в дальнейшем, после поражения нацизма, на Нюрнбергском судебном процессе вызвали особый интерес:

«Пункт 1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение.

Пункт 2. Мы требуем для германского народа равных прав с другими нациями; аннулирования Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

Пункт 3. Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением.

Пункт 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином; только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течёт германская кровь, независимо от вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе. <...>

Пункт 22. Мы требуем уничтожения наёмных войск и создания национальной армии» [4].

³ Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетей, 2019.

⁴ Приговор международного военного трибунала // URL: http://www.baikproc.ru/nurnberg/4_prigovor

* Фации – атрибут власти древнеримских правителей республиканского периода – связанные в пучок берёзовые или вязовые прутья, перевязанные красной лентой или ремнём, который носил на левом плече ликтор, – символ права магистрата казнить и миловать подданных.

Таким образом, национал-социалистическая идеология НСДАП состояла из системы элементов фашизма, милитаризма, агрессивного этнического национализма и антисемитизма. В положениях программы партии чётко прослеживалась цель – создание государства «чистой германской расы» с захватом больших новых территорий для благополучного существования его населения.

Фашизм в Италии и национал-социализм (нацизм) в Германии формировались после Первой мировой войны в эпоху политического и социально-экономического кризисов. Данные социально-политические течения с достаточно схожей идеологией стали определённым средством сплочения народных масс:

- преодоления экономического кризиса и развития хозяйственных отношений в интересах государства;
- борьбы с политическими оппонентами (антикоммунизм);
- захвата власти и организации фашистского (нацистского) государства с соответствующей националистической (расистской) и антикоммунистической идеологией, тоталитарным режимом, имперскими, захватническими целями, прославлением войны, милитаризмом и своего лидера.

Несмотря на схожесть данных идеологий (течений, режимов) в Италии и Германии, в них существовали и определённые различия, обусловленные особенностями культурных, исторических, географических, экономических, государственно-полити-

ческих и иных факторов их возникновения и развития.

Фашизм стал объектом исследования практически сразу после появления.

В 1923 г. Н. Л. Мещеряков отмечал, что фашизм явился средством предотвращения мировой пролетарской революции, инструментом буржуазии, который позволил бы ей удержаться у власти. Также он говорил о классовой сущности фашизма и его националистической идеологии. Однако указывая на то, что фашистские проявления существуют во всех странах Европы, кроме СССР, и антисемитические выступления играют большую роль в деятельности фашистов, но, например, в Италии, их практически нет. Соответственно, антисемитизм нельзя признать обязательной составляющей фашизма. Вместе с этим Н. Л. Мещеряков отмечал, что национализм культивируется фашистами и является ядром их идеологии. С его помощью осуществляется «отравление сознания рабочих», отвлечение их от революции, от политики, переложение ответственности на другие нации за «разруху», формируется культ ненависти к другим нациям и создаются условия готовности к войне [5].

В целом фашизм с точки зрения марксистской (коммунистической) идеологии характеризовался как «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [6, с. 120]. При этом

⁵ Мировой фашизм / под ред. Н. Мещерякова. М.: Пг.: Государственное издательство. 1923. С. 286.

⁶ Димитров Г. М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. док. М.: Издательство политической литературы, 1975. С. 120.

Г. М. Димитров отмечал, что наиболее реакционной формой фашизма считается фашизм германского типа, который является не только буржуазным национализмом, не имеющим ничего общего с социализмом, хотя и называется национал-социализмом, но и отличается звериным шовинизмом, использует методы политического бандитизма, провокаций и пыток [6, с. 121].

О террористических методах ведения политической деятельности фашистами, отсутствии «даже атома социализма» в германском фашизме (национал-социализме), о его использовании воинствующими буржуазными политиками для управления государством и обществом говорил И. В. Сталин [7].

В. И. Ленин и Г. Димитров, а позже советские исследователи интерпретировали понятие «фашизм» по-разному, но в целом его можно свести к следующим положениям:

– это результат самоопределения класса мелкой буржуазии, её борьбы или бунта в «схватке крупного капитала и пролетариата» [8, 9];

– это средство, используемое капитализмом для борьбы с мировой пролетарской революцией, «белогвардейский буржуазный террор»,

«насилие со стороны буржуазного класса», «исключительно явление империализма», социально-политический кризис капитализма [10, 11, 12, 13];

– это буржуазная шовинистическая террористическая диктатура.

Определение фашизма, включённое в Толковый словарь русского языка, содержит практически все выше обозначенные его признаки. «Фашизм – это идеология воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, опирающиеся на неё политические течения, а также открытая террористическая диктатура одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии и развязывание войны» [14].

Причём понятие «нацизм» в словаре определяется как германский фашизм.

Достаточно полно фашизм был исследован и изучается в настоящее время представителями зарубежной науки.

Немецкий исследователь фашизма историк *Эрнст Нольте*, в большей мере посвятивший свои работы его идеологической составляющей, называл фашизм результатом общеевропейского развития, который был вызван страхом перед угрозами

⁷ Сталин И. В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сочинения в 16 томах. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 282–379.

⁸ Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. М.: Мысль, 1978.

⁹ Лонго Л., Салинари К. Между реакцией и революцией. Воспоминания и размышления о первых годах деятельности ИКП. М.: Политиздат, 1974.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 37.

¹¹ Антонов Д. А. Очерки фашизма в Италии. М.: Разведывательный отд. Штаба Р-К.К.А., 1923.

¹² Магеровский Д. А. Фашистское государство. М.: Бюро заочного юридич. образ. 1-го Моск. госуд. ун-та, 1928.

¹³ Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989.

¹⁴ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33745>

существования буржуазного общества и проявлялся в антимарксизме, антитрадиционализме и антимодернизме [15]. Работы Э. Нольте вызвали достаточно широкую научную дискуссию в связи с тем, что он сопоставлял фашизм (нацизм) и коммунизм, называя тоталитарный политический режим их общим признаком.

Учёный выделил два основных положения о нацизме: *во-первых*, он является реакцией на большевизм, средством противодействия ему (план «Барбаросса» в данном случае преподносится как мера оборонительная), а *во-вторых*, нацизм и большевизм – это однопорядковые явления, так как оба режима способствовали совершению преступлений.

В данном контексте понимания фашизма необходимо отметить, что точка зрения Э. Нольте трактуется исследователями как попытка оправдать преступления фашизма и реабилитировать нацистских преступников. Выводы этого историка в настоящее время используются для фальсификации итогов Второй мировой войны.

Например, в Европе в рамках информационной войны против России насаждается антисоветская пропаганда, активно распространяется псевдоисториографический фильм «Советская история», основанный на тезисах, выработанных Э. Нольте. Данный фильм может быть расценен как

преступное действие против России и её народа.

Антифашистский комитет Финляндии выявил в нём идеи подстрекательства и реваншизма: обвинение советского руководства в холокосте и одобрение его россиянами, заимствование идеи концлагерей у Советского Союза, монтаж сцен, в которых объединяются празднование Дня Победы, гимн России и горы трупов и т. д. [16].

Поэтому концепцию Э. Нольте можно расценивать в том числе и как идеологическое оправдание фашизма.

Одним из первых исследователей фашизма, кто постарался выявить его «родовые признаки», стал американский историк *Стенли Пейн*.

Он подразделил их на три большие группы.

В *первую группу* были включены явления, которые противопоставлялись фашизму, так называемые фашистские отрицания: антикоммунизм (антисоциализм), антилиберализм и даже антиконсерватизм.

Вторую группу составили идеологические компоненты, определяющие цели фашизма, а также создание:

- государства нового типа (авторитарного и националистического);

- новой корпоративной экономической системы с большим влиянием государства;

- новой культуры.

¹⁵ Nolte E. Der fascismus in seiner Epoche. München: Piper, 1963. S. 51.

¹⁶ Бекман И. Новые тенденции фальсификации истории Второй мировой войны в странах ЕС: геополитические особенности и обучение молодёжи – современные идеологические корни // URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/38c4eae3cc211f51a87044e30c71b7431ed57124.pdf>

В *третью группу* были объединены методы организации и реализации власти:

- создание единой партии с военизированными формированиями и харизматичным лидером, власть которого неоспорима;

- использование и поощрение насильственных методов управления, символизм;

- использование молодёжи и создание новой элиты [17].

Достаточно интересной является концепция *Роджера Гриффина*, который рассматривает фашизм как глобальный феномен и выделяет так называемое «фашистское ядро» или «фашистский минимум», составными частями которого являются ультра национализм, возрождение или даже перерождение нации (с уничтожением традиционной культуры и морали), империализм, расизм и антисемитизм [18].

Александр де Гранд делает акцент на практику фашизма, а не просто на совокупность абстрактных идей. Он не формулирует общего понятия фашизма, объясняя это множеством форм его проявления и большим количеством фашистских движений. Исследователь выделяет отличительные черты нацизма, которые характеризуют данную разновидность фашизма более радикальным применением расовой теории и концепции антисемитизма,

огосударствлением партийной системы, полным подчинением культурно-идеологической сферы жизнедеятельности общества [19].

Понятие фашизма даёт *Филипп Морган*, который определяет его как «радикальные ультранационалистические партии, представляющие все классы общества, с характерной милитаристской организацией и активным политическим стилем, стремящиеся к перерождению своих наций посредством насильственного разрушения всех антинациональных сил и созданию нового тоталитарного порядка» [20, р. 82].

Особенно стоит отметить позицию автора, что неправильно считать антисемитизм лишь признаком нацизма, будто бы он не был присущ итальянскому фашизму или любой другой его форме. По мнению Ф. Моргана, антисемитизм как разновидность расизма и ксенофобии признавался всеми фашистскими идеологиями, а лишь факт того, что Италия не сразу стала проводить соответствующую политику, не означает её непричастности к холокосту.

Таким образом, расизм во всех его проявлениях (в том числе антисемитизм) как форма гипернационализма был неотъемлемым признаком всех фашистских режимов Европы [20, р. 93].

¹⁷ *Сергеев И. Ф.* Понятие «фашизм» в справочно-энциклопедической литературе США и Великобритании // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3. № 1. С. 75.

¹⁸ *Griffin R.* The Nature of Fascism. L.: Routledge, 1991. P. 14.

¹⁹ *Grand A. J. de.* Fascism and Nazism // Encyclopedia of European Social history / Stearns N. (ed.), N.Y.: Charles Scribner's Sons, 2001.

²⁰ *Morgan P.* Fascism // The Oxford Handbook of Holocaust studies. Hayes P., Poth K. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 82.

Определение понятий «фашизм» и «нацизм»

В целом фашизм можно определить как идеологию, политический режим, политическое движение, социальную практику, которые основаны прежде всего на принципе национализма, причём в крайних формах его проявления: шовинизм, расизм (антисемитизм), провозглашающие и реализующие радикальные, насильственные, экстремистско-террористические методы захвата, удержания и осуществления власти, проявляющиеся в нарушении прав человека и преступной деятельности со стороны соответствующих социально-политических объединений.

Сущностными атрибутами фашизма являются:

- антикоммунизм, антилиберализм, антидемократизм, тотализм;
- милитаризация социально-политической и экономической сфер;
- навязывание образа внутреннего и внешнего врага с целью сплочения народных масс для войны, причём любыми, даже преступными методами;
- популизм, вождизм.

Нацизм (германский национал-социализм) – это наиболее общественно опасная форма фашизма, который проявился в идеологии и практике НСДАП (1933–1945 гг.), состоявшей из системы элементов фашизма, милитаризма, агрессивного этнического национализма и антисемитизма, целью которой было создание государства «чистой германской расы» с захватом достаточно больших новых территорий для его населения. Результатом нацистской деятельности стали многочисленные преступления, связан-

ные с угрозой существования государств и народов – это преступления против мира, человечности, военные преступления, геноцид.

Сущностными признаками нацизма являются:

- использование тоталитарных, экстремистских и террористических методов захвата, удержание и осуществление власти;
- провозглашение и пропаганда превосходства одной расы (нации) («чистой германской расы») над другими, шовинизм, расизм (антисемитизм);
- официальное националистическое, расистское, антисемитское законодательство;
- результат практики – преступления, связанные с угрозой существования государств и народов (против мира, военные преступления, преступления против человечности, геноцид).

Из представленного видно, что между фашистской и нацистской идеологиями имеются как сходства, так и различия: обе содержат в основе постулат о национальном превосходстве, но если в фашизме превосходство направлено на усиление государства, а также возрождение Римской империи немецкого народа, то в нацизме – на доминирование расовой принадлежности, которая заключается в абсолютной агрессии к неугодным идеологии лицам.

Таким образом, понятия «нацизм» и «фашизм» имеют общие начала и сходства по характерным признакам, однако как общественные явления их необходимо разграничивать для адекватного и эффективного правоприменения.

Ситуация с героизацией нацизма

Проявление фашизма, неонацизма, расизма, нацизма в современной истории становится неотъемлемым элементом культурной, социальной и политической сфер жизнедеятельности некоторых стран современной Европы, а также США и Канады. Встречаются даже случаи поощрения данной деятельности со стороны официальной власти, что также требует их нормативно-правового закрепления не только на национальном уровне, но и на международно-правовом.

К примеру, в Латвии, Литве, Эстонии на государственном уровне осуществляется работа по ревизии истории Второй мировой войны и героизации нацистских преступников и их пособников. Советский Союз и Красная армия представлены в них не как освободители Европы, а как оккупанты и уравниваются с нацистской Германией.

7 мая 2020 г. на уровне руководителей Литвы (Г. Науседа), Латвии (Э. Левитс) и Эстонии (К. Кальюлайд) в преддверии празднования 75-летия окончания Второй мировой войны принято заявление, в котором победа Советского Союза представлена как оккупация и аннексия, а не освобождение Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков [21].

На Украине наблюдаются все возможные формы проявления героизации нацизма, «обеления» нацистских преступников и их пособников, фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Руководство страны оправдывает нацизм и сотрудничество с нацистами как способ национально-освободительной борьбы.

В стране создаются и поддерживаются официальной властью (в том числе материально) неонацистские ультранационалистические формирования («Правый сектор», «Национальный корпус», ВО «Свобода» * и др.), проводятся неонацистские массовые акции, создаются мемориалы нацистским преступникам, разрушаются и оскверняются памятники героям и жертвам Второй мировой и Великой Отечественной войн [21].

И в США отмечается рост проявлений неонацизма, расизма, реабилитации нацизма и героизации нацистских преступников, фальсификации истории.

США и Украина ежегодно голосуют против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», заявляя, что прославление нацизма и любых других человеконенавистнических идей является реализацией права на свободу выражения мнения [21].

В указанных странах не закреплены уголовно-правовые нормы, охраняющие историческое наследие о событиях Второй мировой войны, что обуславливает такую активность преступных деяний, реабилитирующих нацизм, фашизм, а равно оправдывающих их.

Совершенно иная ситуация в Российской Федерации.

В отличие от упомянутых государств Россия принимает решитель-

²¹ О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/824808/

* Экстремистские организации, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

ные меры по противодействию проявлениям и реабилитации нацизма, фальсификации исторических фактов о борьбе СССР с Третьим рейхом в годы Второй мировой войны, совершенствованию правового регулирования отношений в сфере увековечивания Победы советского народа в Великой Отечественной войне путём введения законодательных норм, включая уголовно-правовые.

В стране на протяжении 2018–2021 гг. отмечается увеличение чис-

ла осуждённых за совершение преступлений, предусмотренных ст. 354¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

В 2018 г. осуждён 1 чел., 2019 г. – 1, 2020 г. – 8, в первой половине 2021 г. – 6 [22].

Это обусловлено активной позицией государства по внедрению достаточно репрессивных мер, направленных на охрану исторического наследия народов Российской Федерации.

Опыт Республики Беларусь по противодействию реабилитации нацизма

Примером для России является опыт Республики Беларусь.

После массовых протестов и попытки госпереворота (август 2020 г.) Генеральная прокуратура Республики Беларусь в спецпроекте «Параллель “Польша”: геноцид белорусов, зверства поляков в годы ВОВ и попытка госпереворота в Минске» проводит исследование и на основе документальных показаний тех, кто помнит, как зверствовали поляки на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны, показывает связь между террором на территории Белоруссии польской Армии Крайовой и событиями августа 2020 г., указывая на то, что инструменты, схожие с теми, что использовались во время войны (списки на

травлю, финансирование из-за рубежа, кураторство со стороны западных спецслужб), применяются против Белоруссии и в настоящее время [23].

14 мая 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» [24], в котором закреплены термины, такие как «нацизм», «нацистская символика и атрибутика», «нацистские преступники», «пособники нацистских преступников», «реабилитация нацизма».

Положения Закона Республики Беларусь нашли своё отражение и в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Так, ст. 130¹ данного закона устанавливает уголовную ответствен-

²² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895>

²³ Эксклюзивные материалы Генпрокуратуры о злодеяниях Армии Крайовой в спецпроекте телеканала ОНТ «Параллель «Польша» // URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/video/eksklyuzivnye-materialy-genprokuratury-o-zlodeyaniyakh-armii-krayovoy-v-spetsproekte-telekanala-ont/>

²⁴ Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100103_1621026000.pdf

ность за умышленные действия по реабилитации нацизма. Однако в самом Уголовном кодексе не раскрывается, какие конкретно действия составляют объективную сторону преступления, тем самым возвращая правоприменителей к Закону «О недопущении реабилитации нацизма».

14 мая 2021 г. был принят Закон «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму», который значительно расширил понятие экстремизма (экстремистской деятельности), включив в него реабилитацию нацизма [25].

Термины «нацизм», «нацистская символика и атрибутика», «реабилитация нацизма» в данном законе используются в значении, определённом указанным выше Законом «О недопущении реабилитации нацизма».

В мае 2021 г. была изменена ст. 361¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь «Создание экстремистского формирования либо участие в нём». Ранее она определяла

ответственность за создание экстремистского формирования либо руководство таким формированием или входящим в него структурным подразделением. Теперь статья была дополнена словами «...а равно формирования, деятельность которого направлена на реабилитацию нацизма...» [26]. Это означает, что формирование, деятельность которого направлена на реабилитацию нацизма, приравнено к экстремистскому, а его создатели, организаторы и участники будут привлекаться к уголовной ответственности по данной статье.

Следует отметить, что в Российской Федерации в настоящее время реабилитация нацизма не приравнивается к экстремистской деятельности, однако опыт Республики Беларусь может стать вектором развития уголовного права России в сфере расширения видов экстремизма, в том числе за счёт включения в него перечня деяний, направленных на оправдание и героизацию нацистской идеологии.

Рекомендации по совершенствованию уголовно-правовых средств противодействия проявлениям фашизма и нацизма

В отечественном уголовном законодательстве отсутствуют разграничения в понятиях «фашизм» и «нацизм», нет юридически выверенных определений данных терминов, что вносит путаницу в правоприменительную практику и обуславливает введение новых дефиниций в нормативные правовые акты Российской Федерации.

²⁵ Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // URL: <http://belcofe.by/wp-content/uploads/2021/07/>

²⁶ Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100112&p1=1>

Таким образом, учитывая современную систему международных отношений, сложную ситуацию в Европе и постсоветских странах, связанную с распространением идей нацизма и фашизма, попытками некоторых государств влиять на суверенитет и безопасность других, используя методы упомянутых идеологий, рассмотрев предложения Генеральной прокуратуры России и экстраполируя опыт Республики Беларусь по совершенствованию законодательства в сфере противодействия экстремизму, реабилитации нацизма и обеспечения национальной безопасности, возможно предложить некоторые рекомендации по вопросам улучшения системы правового регулирования отношений в области противодействия проявлениям фашизма и нацизма.

Во-первых, подтверждается необходимость законодательного оформления понятий «нацизм» и «фашизм» для их корректного использования в правоприменительной практике за счёт принятия специального закона, устанавливающего точное содержание используемых в законодательстве понятий и других смежных с ними категорий.

На основании этого ст. 354¹ «Реабилитация нацизма» УК РФ может стать бланкетной нормой права с обязательной отсылкой на действующее законодательство, что устранил пробелы в определении объективной стороны настоящего преступления.

Поэтому недостаточным является внесение изменений в саму статью УК РФ, например, дополнив её примечанием, которое будет законодательно раскрывать содержание используемых понятий, поскольку охрана общественных отношений в сфере недопущения проявлений нацизма и фашизма не ограничивается только уголовно-правовыми средствами, но и отображается во всех отраслях российского права.

Во-вторых, основываясь на понимании того, что реабилитация нацизма – это не только оправдание преступной деятельности нацистов, но и своего рода призыв к совершению подобных преступлений (что и является, по сути, экстремистской деятельностью), а также поддерживая инициативу по расширению понятия экстремистской деятельности, необходимо внесение в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» изменения, а именно дополнить ст. 1 данного закона, где перечисляются деяния, которые следует признавать экстремистскими, дополнительным абзацем «реабилитация, оправдание и пропаганда нацизма, фашизма».

В-третьих, соответственно, с целью дополнительного уголовно-правового охранительного воздействия от организованного распространения проявлений идеологии нацизма и фашизма, их реабилитации и героизации преступников и их пособников дополнить п. 2 в Примечания ст. 282¹ УК РФ словами «...а равно реабилитация нацизма», что позволит привлекать виновных лиц к уголовной ответственности не только за данное преступление, совершённое единолично или группой лиц, но и за организацию преступного сообщества, созданного для подготовки и совершения указанных деяний, а равно руководство таким сообществом и участие в нём.

Библиография • References

- Антонов Д. А. Очерки фашизма в Италии. М.: Разведывательный отд. Штаба Р-К.К.А., 1923. – 140 с.
- [Antonov D. A. Ocherki fashizma v Italii. M.: Razvedyvatel'nyj otd. Shtaba R-K.K.A., 1923. – 140 s.]
- Бекман Й. Новые тенденции фальсификации истории Второй мировой войны в странах ЕС: геополитические особенности и обучение молодёжи – современные идеологические корни // URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/38c4eae3cc211f51a87044e30c71b7431ed57124.pdf>
- [Bekman J. Novye tendencii fal'sifikacii istorii Vtoroj mirovoj vojny v stranah ES: geopoliticheskie osobennosti i obuchenie molodyozhi – sovremennye ideologicheskie korni // URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/38c4eae3cc211f51a87044e30c71b7431ed57124.pdf>]
- Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. М.: Мысль, 1978. – 208 с.
- [Blank A. S. Iz istorii rannego fashizma v Germanii. M.: Mysl', 1978. – 208 s.]
- Выступление Генерального прокурора Российской Федерации И. Краснова на Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 6 сентября 2021 г. // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227>
- [Vystuplenie General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii I. Krasnova na Mezhdunarodnom nauchno-prakticheskom форуме «Habarovskij process: istoricheskoe znachenie i sovremennye vyzovy» // General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. 6 sentyabrya 2021 g. // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227>]
- Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. – 352 с.
- [Galkin A. A. Germanskij fashizm. M.: Nauka, 1989. – 352 s.]
- Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895>
- [Dannye sudebnoj statistiki // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895>]
- Димитров Г. М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. док. М.: Издательство политической литературы, 1975. С. 119–192.
- [Dimitrov G. M. Nastuplenie fashizma i zadachi Kommunisticheskogo Internacionala v bor'be za edinstvo rabocheho klassa, protiv fashizma. Doklad na VII Vsemirnom kongresse Kommunisticheskogo Internacionala 2 avgusta 1935 g. // VII Kongress Kommunisticheskogo Internacionala i bor'ba protiv fashizma i vojny. Sb. dok. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1975. S. 119–192]
- Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100103_1621026000.pdf
- [Zakon Respubliki Belarus' ot 14 maya 2021 g. № 103-Z «O nedopushchenii rehabilitacii nacizma» // Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus' // URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100103_1621026000.pdf]

- Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // URL: <http://belcofe.by/wp-content/uploads/2021/07/>
- [Zakon Respubliki Belarus' ot 14 maya 2021 g. № 104-Z «Ob izmenenii zakonov po voprosam protivodejstviya ekstremizmu» // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus' // URL: <http://belcofe.by/wp-content/uploads/2021/07/>]
- Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100112&p1=1>
- [Zakon Respubliki Belarus' ot 26 maya 2021 g. № 112-Z «Ob izmenenii kodeksov po voprosam ugodovnoj otvetstvennosti» // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus' // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100112&p1=1>]
- Ленин В. И. ПСС. Т. 37. – 747 с.
- [Lenin V. I. PSS. T. 37. – 747 s.]
- Лонго Л., Салинари К. Между реакцией и революцией. Воспоминания и размышления о первых годах деятельности ИКП. М.: Политиздат, 1974. – 330 с.
- [Longo L., Salinari K. Mezhdru reakciej i revolyuciej. Vospominaniya i razmyshleniya o pervyh godah deyatel'nosti IKP. M.: Politizdat, 1974. – 330 s.]
- Магеровский Д. А. Фашистское государство. М.: Бюро заочного юридич. образ. 1-го Моск. госуд. ун-та, 1928. – 114 с.
- [Magerovskij D. A. Fashistskoe gosudarstvo. M.: Byuro zaochного yuridich. obraz. 1-go Mosk. gosud. un-ta, 1928. – 114 s.]
- Мировой фашизм / под ред. Н. Мещерякова. М.; Пг.: Государственное издательство. 1923. – 294 с.
- [Mirovoj fashizm / pod red. N. Meshcheryakova. M.; Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1923. – 294 s.]
- О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/824808/
- [O situacii s geroizaciej naczizma, rasprostranenii neonaczizma i drugih vidov praktiki, kotorye sposobstvuyut eskalacii sovremennyh form rasizma, rasovoj diskriminacii, ksenofobii i svyazannoj s nimi neterpimosti // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/824808/]
- Сталин И. В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сочинения в 16 томах. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 424 с.
- [Stalin I. V. Otchyotnyj doklad XVII s'ezdu partii o rabote CK VKP(b) 26 yanvarya 1934 g. // Sochineniya v 16 tomah. T. 13. Iyul' 1930 – yanvar' 1934. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1953. – 424 s.]
- Парад Победы на Красной площади // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65544>
- [Parad Pobedy na Krasnoj ploschadi // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65544>]
- Приговор международного военного трибунала // URL: http://www.baikproc.ru/nurnberg/4_prigovor

- [Prigovor mezhdunarodnogo voennogo tribunala // URL: http://www.baikproc.ru/nurnberg/4_prigovor]
- Сергееенкова И. Ф.* Понятие «фашизм» в справочно-энциклопедической литературе США и Великобритании // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3. № 1. С. 73–91.
- [*Sergeenкова I. F.* Ponyatie «fashizm» v spravочно-enciklopedicheskoy literature SSHA i Velikobritanii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 3. № 1. S. 73–91]
- Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33745>
- [Tolkovyy slovar' Ozhegova // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33745>]
- Штоль В. В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. – 434 с.
- [*Shtol' V. V.* Rossiya i Zapad: nesostoyavshiysya al'yans, ili Protivostoyanie kak neizbezhnost'. SPb.: Aleteya, 2019. – 434 s.]
- Эксклюзивные материалы Генпрокуратуры о злодеяниях Армии Крайовой в спец-проекте телеканала ОНТ «Параллель «Польша» // URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/video/eksklyuzivnye-materialy-genprokuratury-o-zlodeyaniyakh-armii-krayovoy-v-spetsproekte-telekanala-ont/>
- [*Eksklyuzivnye materialy Genprokuratury o zlodeyaniyah Armii Krajovoy v specproekte telekanala ONT «Parallel' «Pol'sha»* // URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/video/eksklyuzivnye-materialy-genprokuratury-o-zlodeyaniyakh-armii-krayovoy-v-spetsproekte-telekanala-ont/>]
- Grand A. J. de.* Fascism and Nazism // Encyclopedia of European Social history / Stearns N. (ed.), N.Y.: Charles Scribner's Sons, 2001. P. 509–518.
- Griffin R.* The Nature of Fascism. London, Routledge, 1991. – 264 p.
- Morgan P.* Fascism // The Oxford Handbook of Holocaust studies. Hayes P., Poth K. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2010. – 792 p.
- Nolte E.* Der fascismus in seiner Epoche. München: Piper, 1963. – 633 S.

Статья поступила в редакцию 29 марта 2022 г.

Проблемы Сербского войска Краины

На примере 18-й Западно-Славонского корпуса
Сербского войска Краины

Коста НОВАКОВИЧ
Александар РАДИЧ
Вадим СОКОЛОВ

Сербская Западная Славония стала первой жертвой хорватского решения вопроса Республики Сербская Краина (РСК). Именно здесь в мае 1995 г. хорватские формирования отрепетировали будущую операцию «Буря», в результате которой в августе того же года РСК была оккупирована, а сотни тысяч сербов стали беженцами. «Репетиция» заняла всего несколько дней, она проходила под кодовым названием «Молния».

В Западной Славонии хорваты отрабатывали сценарий более масштабной операции, а также проверяли другие немаловажные для них факторы:

- реакцию Союзной Республики Югославия (СРЮ);
- поведение миротворческого контингента ООН;
- будут ли санкции со стороны международных организаций и т. д.

К удовлетворению хорватских властей, ни Югославия, ни миротворцы не стали помехой в проведении наступления. В итоге Западная Славония была захвачена, и Хорватия приступила к подготовке атаки на основную часть РСК.

В историографии достаточно подробно описаны причины столь быстрого краха обороны в Западной Славонии. В основном анализируется поли-

НОВАКОВИЧ Коста – доктор военных наук, полковник. Белград, Сербия. *E-mail:* dkdnovakovic@gmail.com

РАДИЧ Александар – военный аналитик. Белград, Сербия. *E-mail:* aleksandar.radic@gmail.com

СОКОЛОВ Вадим Андреевич – соискатель Института славяноведения РАН. *E-mail:* sokolfromrussia@gmail.com

Ключевые слова: Сербская Краина, Сербское войско Краины, война в Хорватии.

тика президента Сербии Слободана Милошевича, решившего не вмешиваться в ситуацию, пассивность миротворцев ООН, ошибки политического руководства РСК и т. д. Непосредственно военным аспектам исследователи уделяют значительно меньше внимания. Но именно слабость оборонявшего Западную Славонию 18-го корпуса Сербского войска Краины (СВК) и стала главной причиной поражения. Небольшая численность корпуса, проблемы с укомплектованностью кадровыми офицерами, малое количество тяжёлого вооружения и недостаточное снабжение предопределили успех хорватского наступления. Поэтому в ситуации, сложившейся в корпусе во время войны, стоит искать ключ к пониманию, почему целый регион всего за несколько дней был оккупирован хорватскими армиями и формированиями Министерства внутренних дел.

На основании архивных документов корпуса, часть которых была захвачена хорватскими войсками и позднее опубликована хорватскими исследователями, другая – эвакуирована в Сербию, где либо передана Военному архиву, либо осталась в частных архивах ветеранов, можно проанализировать деятельность 18-го Западно-Славонского корпуса СВК. К сожалению, некоторые документы корпуса оказались утеряны или уничтожены в ходе боевых действий.

Область Западная Славония – регион в Хорватии, расположенный между реками Драва и Сава. В 1991 г. его население было смешанным: хорваты, сербы и представители других национальностей [1].

Больше всего сербов проживало в муниципалитетах Пакраца, Дарувара, Грубишно-Поля и т. д.

Через регион проходила автомагистраль «Братство – Единство», шедшая через всю Югославию и бывшая самой важной дорогой в стране.

Западная Славония стала одним из центров сербского движения в Хорватии, начавшего борьбу за политико-культурную автономию, а затем и за суверенитет, которая выразилась в создании Республики Сербская Краина (РСК) в конце 1990 г. Первоначально в РСК вхо-

дили только муниципалитеты Северная Далмация, Лика, Кордун и Бания. Западная Славония в тот период только готовилась к провозглашению автономии и не входила в РСК.

Как отмечала известный российский специалист по Югославии и Балканам Е. Ю. Гуськова, действия сербов были ответом на хорватский сепаратизм и на многочисленные дискриминационные меры хорватского правительства, взявшего курс на постепенное превращение сербов в Хорватии в людей второго сорта [2].

В Пакраце 1 марта 1991 г. произошёл первый бой между сербами и хорватами, когда сербы из числа сотрудников местной милиции подверглись атаке хорватского спецна-

¹ Srpska pobuna u zapadnoj Slavoniji / Barać M., Miškulin I. Slavonski Brod: Hrvatski institut za povijest, 2012. S. 248.

² Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров, А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин [и др.]. М.: Индрик, 2011. С. 780.

за. Для разъединения противоборствующих сторон в город были введены части Югославской народной армии (ЮНА). Напряжённость в регионе и в целом в Хорватии существенно возросла после 25 июня 1991 г., когда Хорватия заявила о независимости от Югославии.

12 августа 1991 г. была провозглашена Сербская автономная область Западная Славония. На тот момент она была отдельной сербской автономией, независимой от Сербской Краины. Спустя несколько дней после этого крупные хорватские силы спецназа и Корпуса народной гвардии предприняли атаки на населённые сербами города и сёла. Руководство сербской автономии начало мобилизацию частей Территориальной обороны (ТО) – всеобщего ополчения, которое в мирное время было частью югославских вооружённых сил, а в случае войны должно было тесно взаимодействовать с ЮНА. Части ТО, поддерживаемые сербскими добровольческими отрядами, были главной военной силой сербов в Западной Славонии. С августа 1991 г. участие в боях на стороне сербов также принимали подразделения ЮНА, в основном из состава её 5-го корпуса, которые должны были защитить гражданское население от хорватских атак.

В то же время ряд других районов, в частности, Дарувар, Липик, Грубишно-Поле и т. д., были захвачены хорватскими войсками в ходе масштабных военных операций «Оркан-91», «Откос-10» и «Папук-91» осенью-зимой 1991 г. В этих районах

ЮНА и ТО местных сербов не успели организовать эффективную оборону и значительные территории были потеряны.

Хорватские операции сопровождались этническими чистками, десятки тысяч сербов были вынуждены покинуть свои дома и спасаться на территориях, подконтрольных ЮНА.

Печальную известность получил и лагерь смерти в Пакрачка-Поляне, где сотрудниками хорватского МВД были казнены до 300 сербов [3, с. 117].

Большим подспорьем для хорватов оказалось вооружение югославской армии, которое было ими захвачено во время многочисленных атак на югославские гарнизоны по всей Хорватии. Остановить наступление хорватской армии сербам удалось с большим трудом: ожесточённые бои стихли в самом конце декабря 1991 г.

В итоге под контролем сербского ополчения и ЮНА остались только Окучани, Ясеновац, Стара-Градишка, часть Пакраца и ряд других населённых пунктов.

Общая площадь сербской Западной Славонии составила около 508 кв. км с 29 тыс. населения, из которых большинство были сербы.

19 декабря 1991 г. сербские автономии в Хорватии: Краина, Западная Славония и Восточная Славония, Баранья и Западный Срем решили объединиться в единую Республику Сербская Краина. Была принята Конституция РСК, определён порядок работы законодатель-

³ Новаковић К. Српска Крајина: (успони, падови, уздицања). Београд; Книн: Српско културно друштво Зора, 2009.

ных и исполнительных органов власти, утверждено административно-территориальное деление.

РСК состояла из трех эксклавов:

– основной части, включавшей в себя Северную Далмацию, Лику, Кордун и Банию;

– Западной Славонии;

– Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема.

Основная часть РСК и Западная Славония граничили с Хорватией и Боснией. Восточная Славония имела границу с Хорватией и Югославией.

Из всех регионов РСК Западная Славония находилась в наиболее уязвимом положении: с трёх сторон её окружали хорватские территории, и только с юга она имела границу с Боснией и Герцеговиной, пролежавшую по р. Сава. При этом через Саву сербы контролировали всего один мост в Стара-Градишке.

Заместитель начальника Генерального штаба ЮНА генерал-полковник Андрия Рашета и министр обороны Хорватии Гойко Шушак подписали соглашение о перемирии между ЮНА и Хорватией (2 января 1992 г., Сараево). Оно базировалось на утвержденном в ООН плане мирного урегулирования, известном как план Вэнса [4], который предполагал отправку в СФРЮ контингента «голубых касок» для размещения по линии фронта между силами краинских сербов и югославской армией, с одной стороны, и хорватскими формированиями – с другой.

Территория РСК согласно плану делилась на три «защищённые миротворцами» зоны (позднее их число возросло до четырёх): Краина,

Западная Славония и Восточная Славония.

Кроме гуманитарных аспектов (возвращение беженцев, оказание помощи и т. д.) важное место в этом документе занимали военные вопросы. Территория «защищённых зон», т. е. РСК, подлежала демилитаризации. ЮНА должна была её покинуть, краинская ТО и добровольческие подразделения следовало распустить, а их вооружение подлежало складированию под контролем миротворцев [2, с. 214–216].

Весной 1992 г. ЮНА в соответствии с планом Вэнса начала вывод своих подразделений с территории РСК, который предполагалось завершить до 19 мая того же года. Это создавало для Краины угрожающее положение. Оставшееся на её территории тяжёлое вооружение (в первую очередь бронетехника и артиллерия) размещалось на складах под надзором миротворцев ООН, а хорватская армия выводила технику в свои собственные арсеналы. План Вэнса не разрешал размещение регулярных вооружённых сил в демилитаризованных зонах, но позволял присутствие милицейских сил с лёгким стрелковым вооружением. Поэтому, желая защитить РСК на случай хорватской атаки, югославское военное командование приняло решение организовать там отдельные подразделения милиции (ОПМ). Формально будучи милицией, они имели военную структуру, которая позволяла им быть готовыми к участию в боевых действиях. Формирование началось весной 1992 г. параллельно с выводом из РСК югославских частей [3, с. 215].

⁴ Штоль В. В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. С. 168–180.

В Западной Славонии была создана 85-я бригада ОПМ. Штаб разместили в Окучанах, командиром стал подполковник Миланко Бабич.

Оценочно её состав выглядел следующим образом: штаб, три батальона охраны, пограничный батальон, батальон специального назначения, рота поддержки, рота связи, рота тылового обеспечения и разведывательный взвод.

Параллельно с этим югославский Генеральный штаб постановил провести реорганизацию формирований ТО РСК, в состав которой входила и ТО в Западной Славонии. 27 февраля 1992 г. был издан приказ, определивший общую структуру ТО [5, s. 254–266], а 24 марта того же года был опубликован приказ, предусматривавший создание артиллерийских дивизионов и батарей и баз тылового обеспечения в краинской ТО [5, s. 349–353].

В результате этих преобразований ТО в Западной Славонии получила следующую структуру: Региональный штаб ТО, муниципальные штабы в Пакраце, Окучанах, Даруваре и Подравска-Слатине, 54-я бригада, 51-й отряд, 59-й отряд, 63-й отряд, 98-й отряд, 61-й гаубичный артиллерийский дивизион, 83-й смешанный противотанковый артиллерийский дивизион, 45-я лёгкая артиллерийская батарея ПВО, 91-я база тылового обеспечения.

Однако из-за выполнения плана Вэнса все эти части были сразу демобилизованы. Полностью укомплектована личным составом была только 85-я бригада ОПМ.

30 апреля 1992 г. командиром ТО в Западной Славонии был назначен полковник Йован Чубрич.

Весной 1992 г. в Западную Славонию начали прибывать батальоны миротворцев ООН.

Первым прибыл канадский батальон, разместившийся в отведённой ему зоне ответственности до конца апреля. Затем начали прибывать «голубые каски» из Аргентины и Иордании.

В июне того же года в регионе появились и миротворцы из Непала.

Также в Западной Славонии разместились наблюдатели из гражданской полиции ООН, сформировавшие четыре полицейские станции: в Грубишно-Поле, Даруваре, Пакраце и Окучанах.

В миротворческой миссии ООН Западная Славония именовалась сектором «Запад». Штаб сектора находился в Даруваре. Батальоны «голубых касок» размещались на линии соприкосновения конфликтующих сторон и согласно мандату должны были следить за соблюдением перемирия, демилитаризацией защищённых зон и защитой гражданских лиц от «страха вооружённого нападения». Представители ООН неоднократно заверяли краинских сербов, что миротворцы не допустят хорватских атак и вмешаются, если Хорватия решится на военную операцию против РСК.

Параллельно с прибытием миротворцев в РСК её покидали части ЮНА. Некоторое количество тяжёлого вооружения было оставлено в РСК и передано на склады, контроль над которыми совместно осуществляли сербские бойцы и военнослужащие миротворческого контингента ООН.

В Западной Славонии, в отличие от других регионов РСК, заключён

⁵ Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990.–1995. Knjiga 3. – Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2008.

ное перемирие в целом соблюдалось. Однако периодически на линии соприкосновения вспыхивали перестрелки, в том числе с использованием крупнокалиберных пулемётов, зенитных орудий и миномётов. Нередкими были и рейды разведывательно-диверсионных групп. Но данные инциденты не привели к изменению линии фронта, с января 1992 г. по май 1995 г. позиции сторон в Западной Славонии оставались неизменными.

В июне 1992 г. милиционеры и военнослужащие бригад ОПМ РСК приняли участие в операции «Коридор-92» в соседней Боснии и Герцеговине, где вместе с бойцами Войска Республики Сербской (ВРС) прорывали блокаду со стороны вооружённых формирований боснийских мусульман и хорватов. Из Западной Славонии в операции участвовала сводная рота, состоявшая из управления и двух взводов под командованием Крсто Жарковича [6].

Как отмечал полковник К. Новакович, после демобилизации ТО и создания бригад ОПМ летом 1992 г. в РСК возникла противоречивая ситуация. Части ТО располагали значительным количеством вооружения, но практически не имели личного состава из-за демобилизации по плану Вэнса. В то же время бригады ОПМ насчитывали 24 тыс. бойцов, но ни артиллерии, ни танков у них не было [3, с. 287]. Положение осложняло и то, что ТО подчинялась Министерству обороны, а бригады ОПМ и милиция – Министерству внутренних дел. Поэтому

осенью 1992 г. в РСК назрела необходимость кардинальной военной реформы по созданию единой военной организации, способной эффективно противостоять угрозе со стороны хорватской армии.

27 ноября 1992 г. Главный штаб под руководством Миле Новаковича издал приказ о реорганизации подразделений ТО и ОПМ в Сербское войско Республики Сербская Краина, согласно которому в Западной Славонии все сербские части были реформированы следующим образом:

- региональный штаб ТО был преобразован в 18-й Западно-Славонский корпус;
- 51-й отряд ТО стал 51-й пехотной бригадой;
- 54-я бригада ТО – 54-й пехотной бригадой;
- 98-й отряд ТО – 98-й пехотной бригадой.

Личный состав 85-й бригады ОПМ был распределён между новыми частями.

59-й и 63-й отряды были реорганизованы в отдельные отряды с прежними номерами. В качестве мест их дислокации были указаны Дарувар и Подравска-Слатина соответственно, которые находились под контролем хорватской армии. Поэтому после реорганизации этих отрядов они были размещены в северной части Западной Славонии.

91-я база тылового обеспечения была переименована, а новым подразделением в составе корпуса стал батальон быстрого реагирования.

Муниципальные штабы ТО в Окучанах, Пакраце, Даруваре и Подрав-

⁶ Slavonska četa. Koridor 92 – Doboј. / Копия оригинального документа из архива К. Новаковича.

ска-Слатине были расформированы [7].

Особенностью корпуса было то, что часть его соединений и подразделений должна была размещаться в тех районах Западной Славонии, которые в 1991 г. заняли хорватские войска. Поэтому на практике для их дислокации была выбрана северная часть контролируемой территории.

Так, штаб 59-го отряда вместо Дарувара находился в Бруснике, штаб 63-го отряда вместо Подравска-Слатины был в Горня-Шуметлице, а штаб 51-й бригады вместо Пакраца дислоцировался в Шеовице.

Преобразования в армии были прерваны хорватским наступлением в районе Масленицкого моста (январь 1993 г.) и последовавшими за этим ожесточёнными боями. Переформирование существовавших частей и создание новых завершилось только после окончания активной фазы боёв весной 1993 г.

Формирование 18-го корпуса в основном было завершено 31 января 1993 г. [8, с. 372].

Первоначально его структура выглядела следующим образом: штаб, рота связи, взвод военной полиции, разведывательная рота, лёгкий артиллерийско-ракетный взвод ПВО, взвод РХБЗ, 51-я пехотная бригада, 54-я пехотная бригада, 98-я пехотная бригада, 59-й отряд, 63-й отряд, интервентный

батальон, 91-я база тылового обеспечения, 61-й гаубичный артиллерийский дивизион, 83-й смешанный противотанковый артиллерийский дивизион, 45-я легкая артиллерийская батарея ПВО.

Данная организационно-штатная структура вскоре начала меняться.

Так, уже в феврале 1993 г. в документах корпуса говорится о роте военной полиции, а не о взводе. Кроме того, практически сразу 45-я батарея ПВО была развернута в 45-й лёгкий артиллерийско-ракетный дивизион ПВО [9].

Позднее в корпусе также был создан 18-й смешанный артиллерийский полк, в состав которого вошли прежде подчинённые напрямую штабу корпуса артиллерийские дивизионы.

Взвод военной полиции корпуса был развернут в роту.

Танковая рота с танками Т-55 была выведена из состава 54-й пехотной бригады и подчинена напрямую штабу корпуса.

В Ясеноваце в зоне ответственности 98-й пехотной бригады была создана Тактическая группа-1. Ранее этот населённый пункт оборонял 3-й батальон 98-й бригады. Его дальнейшая судьба неизвестна. Возможно, он был расформирован или стал основой для формирования ТГ-1.

В отчёте командира бригады подполковника Миланко Бабича о ходе боевых действий 1–2 мая 1995 г. 3-й батальон не упоминается в представленной структуре соединения, также нет сведений о его участии в бою [10]. В пехотных бригадах корпуса тоже произошли различные изменения.

⁷ Преформирање Територијалне одбране и посебних јединица милиције у Српску војску Републике Српска Крајина. 27.11.1992. С. 11–13. / Копия оригинального документа из архива В. А. Соколова.

⁸ Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990.–1995. Knjiga 7. – Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2009.

⁹ Podatke o sredstvima PVO. 02.02.1993. / Копия оригинального документа их архива К. Новаковича.

¹⁰ Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990.–1995. Knjiga 17. – Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2015. S. 154–157.

Таким образом, после ряда преобразований в апреле 1995 г. структура 18-го корпуса была следующей: штаб; 51-я пехотная бригада; 54-я пехотная бригада; 98-я пехотная бригада; Тактическая группа-1; 59-й отряд; 63-й отряд; 18-й интервентный батальон; 18-й смешанный артиллерийский полк; танковая рота; 91-я база тылового обеспечения; рота связи; инженерная рота; рота военной полиции; разведывательная рота; взвод РХБЗ.

На бумаге 18-й Западно-Славонский корпус СВК выглядел довольно существенно силой, но в действительности его боеспособность серьёзно снижали многочисленные проблемы.

Одной из наиболее острых, которую командованию корпуса так и не удалось решить, была укомплектованность личным составом.

Так, 27 января 1993 г., т. е. когда корпус был уже практически сформирован, его численность составила 3537 солдат и офицеров, или 48% от положенной по штату.

Лучше всего была пополнена 51-я пехотная бригада, имевшая 1020 солдат и офицеров, что составляло 68% от необходимой численности.

В 54-й пехотной бригаде служило 910 чел. (62% укомплектованности), а в 98-й пехотной бригаде – 620 чел. (41% укомплектованности).

Наиболее тяжёлой ситуация была в штабе и напрямую подчинённых ему подразделениях. В них служило только 934 солдата и офицера (34% от положенной численности) [11].

Данные цифры не позволяли рассчитывать на успешную оборону, что хорошо понимало командование кор-

пуса. Для исправления ситуации ими был принят ряд мер, в том числе приглашение добровольцев, мобилизация беженцев с территорий, захваченных хорватскими войсками, и т. д. Кроме того, в подразделения корпуса были включены мужчины старших возрастов, прежде числившиеся в резерве милиции. Также 480 чел., прежде считавшиеся негодными к строевой службе, были вновь отправлены на прохождение военно-медицинских комиссий, в результате чего часть из них была признана годной и распределена в части корпуса.

Благодаря вышеперечисленным мерам в апреле 1993 г. укомплектованность 18-го корпуса составила 52% от положенной по штату [7, с. 550]. Для стабилизации ситуации командир корпуса полковник Милан Челекетич 10 июня 1993 г. запретил покидать Западную Славонию всем военнообязанным мужчинам [7, с. 669].

Однако кардинально исправить ситуацию командованию корпуса так и не удалось. Постепенно численность корпуса росла, но и в начале 1995 г. он был пополнен личным составом чуть более чем наполовину.

Отчёт корпуса, датированный 9 февраля 1995 г., содержит следующие данные:

- штаб и подчинённые подразделения – 356 солдат и офицеров;
- 51-я пехотная бригада – 1075;
- 54-я пехотная бригада – 1316;
- 98-я пехотная бригада – 547;
- 59-й отряд – 156;
- 63-й отряд – 128;
- 18-й смешанный артиллерийский полк – 455;

¹¹ Pregled brojnog stanja. 27.01.1993. / Копия оригинального документа из архива К. Новаквича.

- танковая рота – 53;
- 18-й интервентный батальон – 146;
- Тактическая группа-1 – 459;
- 91-я база тылового обеспечения – 107.

Всего 4798 солдат и офицеров, вместе 8379, положенных по штату [12].

В силу этого Главный штаб СВК в Книне был вынужден выделять сводные подразделения из 11-го Восточно-Славонского корпуса для усиления частей 18-го корпуса.

Например, в ноябре 1993 г. сводный отряд 45-й пехотной бригады СВК был командирован в Западную Славонию для усиления 98-й пехотной бригады 18-го корпуса, а из 35-й пехотной бригады было выделено несколько миномётов, безоткатных орудий и противотанковых ракетных комплексов [13].

Довольно непростой была и ситуация с вооружением. Практически всё оно было унаследовано от ЮНА, которая весной 1992 г. передала его частям краинской ТО.

Непосредственно в Западной Славонии передачу осуществлял 5-й корпус ЮНА, в мае 1992 г. переформированный в 1-й Краинский корпус ВРС и принявший активное участие в боях в Боснии и Герцеговине. Из-за этого корпус оставил довольно небольшое количество вооружений, значительная часть которого требовала ремонта после использования в операциях в августе – декабре 1991 г.

Доступные документы не дают точной численности вооружений и военной техники, переданной в 1992 г., однако сохранились отчёты, содержащие результаты инвентаризации вооружений корпуса в феврале и марте 1995 г.

Из бронетехники в корпусе было 13 танков (один ТТ-76, три Т-34 и девять Т-55), четыре бронетранспортёра БОВ-ВП, четыре бронетранспортёра БОВ-1 с противотанковыми комплексами, три зенитные самоходные установки БОВ-3.

Артиллерия корпуса была разделена на артиллерию поддержки и противотанковую артиллерию. К первой относились четыре горных орудия М-48Б-1, четыре гаубицы М-56, шесть гаубиц М-2 и четыре пушки М-46.

Ко второй – шесть орудий ЗИС-3, 12 пушек Т-12, несколько противотанковых ракетных комплексов 9К11 «Малютка» и 19 безоткатных орудий.

В корпусе было восемь миномётов калибра 120-мм, 67 миномётов калибра 82-мм и 46 миномётов калибра 60-мм [14].

Средства ПВО включали 43 зенитные установки различных типов и 22 переносных зенитно-ракетных комплекса «Стрела-2М».

Стрелковое вооружение было представлено пистолетами, самозарядными карабинами, автоматами и пулемётами югославского производства.

Обращает на себя внимание очень небольшое количество снайперских винтовок. На весь корпус их было всего 46 штук [15].

¹² Analiza porpune 18. korpusa. 09.02.1995. / Копия оригинального документа из архива К. Новаковича.

¹³ Prihvat jedinica iz 11. korpusa, izveštaj. 06.11.1993. / Копия оригинального документа из архива К. Новаковича.

¹⁴ Преглед артиљеријских оруђа у СВК. 02.03.1995. / Копия оригинального документа из архива К. Новаковича.

¹⁵ Реферат о б/г 18. корпуса за 1994 годину. 05.02.1995. / Копия оригинального документа из архива К. Новаковича.

Сложившаяся ситуация с количеством вооружений в 18-м корпусе была катастрофической.

Артиллерии, бронетехники, средств ПВО было недостаточно даже для одной бригады, если исходить из принятых в Югославии штатов соединений. Все вооружения, кроме пушек М-46, были устаревшими и не отвечали требованиям современных конфликтов.

Зенитная артиллерия и переносные зенитно-ракетные комплексы не представляли серьёзной угрозы для хорватских военно-воздушных сил и не могли обеспечить полноценное прикрытие для частей корпуса.

Одна танковая рота, не имеющая поддержки механизированной пехоты на бронетранспортёрах или боевых машинах пехоты, тоже не являлась серьёзной ударной силой, позволявшей парировать возможные хорватские атаки.

Имеющаяся артиллерия насчитывала несколько батарей и не могла оказать существенной огневой поддержки подразделениям корпуса. Исключением из общей картины была только противотанковая артиллерия, которая при грамотном использовании была в состоянии прикрыть танкоопасные направления в Западной Славонии.

Следует указать и командиров 18-го корпуса.

Командирами 18-го корпуса были:

- полковник Йован Чубрич (ноябрь 1992 – февраль 1993);
- полковник Милан Челекетич (февраль 1993 – февраль 1994);
- полковник Лазо Бабич (февраль 1994 – май 1995);
- полковник Слободан Перич (май-июнь 1995).

Начальниками штаба – полковник Слободан Перич, а затем полковник Милан Ромич [3, с. 325].

Командирами 51-й пехотной бригады – подполковник Миленко Романич и подполковник Стево Харамбашич.

Командирами 54-й пехотной бригады – майор Джордже Дамьянович, майор Здравко Петкович, подполковник Джордже Миликшич, подполковник Милан Ромич и подполковник Стево Бабац.

Командиром 98-й пехотной бригады – полковник Миланко Бабич.

Командиром 59-го отряда – майор Стево Гатариц.

Командиром 63-го отряда – майор Борислав Добрич.

Командиром 18-го интервентного батальона – майор Зоран Мишчевич.

Командирами 18-го смешанного артиллерийского полка – полковник Лазо Бабич и подполковник Бранко Црљеница.

Командирами 91-й базы тылового обеспечения – майор Зоран Тошич, а затем майор Ратко Сладоевич [3, с. 326].

На протяжении всего своего существования 18-й корпус постоянно находился в ожидании масштабного хорватского наступления на Западную Славонию. Из-за этого бригады и отряды зачастую пребывали в состоянии повышенной боевой готовности, держа на позициях значительное количество бойцов. Это осложняло ротацию личного состава и вызывало недовольство солдат и офицеров. Многие из них отправлялись на линию фронта непосредственно из своих домов, поскольку имеющейся в регионе инфраструктуры не хватало для приёма и размещения нескольких тысяч военнослужащих.

Несмотря на значительные военные расходы, выделяемых средств было недостаточно для полноценного снабжения армейских частей. В 18-м

корпусе данная проблема стояла особенно остро. Многие солдаты не имели положенной униформы и обуви, а также прочих элементов снаряжения. Нерегулярным было обеспечение горячим питанием. Как следствие, моральное состояние личного состава постепенно ухудшалось, всё чаще возникали проблемы с криминалом, алкоголем, дезертирством и т. д.

Особенно сильно на военнослужащих сказывались довольно туманные перспективы РСК как государства и катастрофическая экономическая ситуация.

Сербское движение в Хорватии быстро переросло от стремления к культурно-политической автономии в борьбу за суверенитет и дальнейшее объединение с Сербией и боснийскими сербами в одно государство. Однако этого так и не произошло, РСК оставалась непризнанной даже со стороны СРЮ. И если в других регионах Краины попытки восстановить экономику и наладить производство давали определённый результат, то в Западной Славонии они не увенчались сколь-нибудь заметным успехом.

Ситуация была настолько тяжёлой, что в некоторых подразделениях 18-го корпуса командиры говорили солдатам о необходимости заниматься огородничеством в свободное от службы время, поскольку армия не может полноценно обеспечить им питание.

Командование корпуса понимало своё положение, но не считало его критическим, поскольку рассчитывало на помощь из других частей РСК, а также на помощь со стороны Республики Сербской и СРЮ. Последняя была гарантом безопасности РСК и оказывала ей существенную финансовую помощь. Подавля-

ющее большинство кадровых офицеров краинской армии числились на службе также в вооружённых силах СРЮ, где получали денежное довольствие, различные льготы и т. д. Отправка офицеров в СВК из Югославии происходила через специальный кадровый центр в югославском Генеральном штабе.

Кроме того, СРЮ финансировала СВК, поставляла боеприпасы и горюче-смазочные материалы, занималась ремонтом краинских вооружений. Периодически военнослужащие СВК отправлялись на обучение в гарнизоны югославской армии.

Например, солдаты разведывательной роты 18-го корпуса проходили подготовку в югославском учебном центре в Панчеве [8, с. 414].

Поддержка Сербской Краины со стороны Республики Сербской была существенно меньше, однако военное взаимодействие между двумя сербскими государственными образованиями оставалось достаточно тесным.

Например, 25 января 1993 г., полковник Й. Чубрич, командир 18-го корпуса СВК, встретился с командиром 1-го Краинского корпуса ВРС генерал-подполковником Момиром Таличем, от которого получил обещание военной помощи в случае необходимости [7, с. 49].

18-й корпус также использовал узлы связи ВРС и мог рассчитывать на его средства ПВО, размещённые близ Западной Славонии.

Важным фактором, серьёзно осложнявшим повседневную деятельность 18-го корпуса СВК, были миротворцы ООН. Они действовали в соответствии с планом Вэнса и регулярно требовали полной демилитаризации Западной Славонии.

Командование сектора «Запад» миротворцев вмешивалось в деятельность штаба 18-го корпуса, мешало инженерному оборудованию его позиций и регулярно заявляло протесты, когда сербы для учений брали со складов тяжёлое вооружение. Присутствие наблюдателей ООН мешало сербам транспортировку вооружений и боеприпасов. Более серьёзной угрозой для них была полная осведомлённость миротворцев о структуре 18-го корпуса, его укреплениях, количестве вооружений и т. д. Сербам обоснованно полагали, что данная информация от «голубых касок» передаётся хорватам, особенно со стороны канадского и аргентинского батальонов [8, с. 549].

Регулярные утечки данных от ООН хорватской стороне в своих воспоминаниях подтверждают и сами миротворцы [16].

Главной причиной настороженности отношения военного и политического руководства РСК к миротворческому контингенту ООН было невыполнение последним своей основной задачи – защиты РСК от хорватских атак. Вопреки своему мандату и многочисленным обещаниям миротворцы так и не препятствовали хорватской армии во время её атак. После хорватского наступления в районе Масленицкого моста в январе 1993 г. и последовавших за этим ожесточённых боёв надежда сербов на защиту со стороны ООН окончательно рухнула. Поэтому на местах командиры СВК брали тяжёлое вооружение со складов по своему усмотрению, из-за чего регулярно происходили конфликты с командованием миротворцев. 7 июня 1993 г. использование тяжёлого вооружения частям 18-го

корпуса разрешил непосредственно главнокомандующий СВК генерал М. Новакович [8, с. 436].

2 мая 1993 г. штаб 18-го корпуса издал приказ о повышении боевой готовности подразделений. Данный документ интересен тем, что содержит характеристику положения в частях и анализирует события с момента создания корпуса. Фактически в погоне за максимальной мобилизацией личного состава командование отодвинуло на второй план прочие моменты, из-за чего боеготовность корпуса оставалась на низком уровне.

Главными проблемами в частях в приказе назывались:

- неналаженная система руководства и командования;
- слабое моральное состояние личного состава;
- спад боевой подготовки;
- низкая дисциплина среди рядовых и фамильярное отношение к командирам и т. д.

Для исправления ситуации командирам соединений и подразделений предписывалось провести инспекцию подчинённых частей, организовать курсы боевой учёбы, принять решительные меры по борьбе с паравоенными группами.

Особое внимание обращалось на деятельность технической и интендантской служб корпуса, чьи решения отныне проверялись непосредственно штабом корпуса. Приоритет в снабжении отдавался разведывательным подразделениям и частям, выполняющим задачи на линии боевого соприкосновения.

Донесения и отчёты подлежали шифровке, а различная документа-

¹⁶ Наши миротворцы на Балканах / сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2007. С. 73.

ция должна была доставляться в сопровождении охраны [7, с. 556–560].

Одним из последствий данного приказа было расформирование

трёх разведывательно-диверсионных групп в корпусе, их личный состав и вооружение были переданы пехотным бригадам [17].

Таким образом, 18-й корпус не стал той силой, которая могла бы защитить Западную Славонию от хорватской оккупации. Фактически и корпус, и вверенный ему регион оказались на задворках политики Республики Сербской Краины. Небольшой краинский эксклав получал минимальное снабжение и совершенно недостаточное количество финансов, что не позволяло развивать экономику и возвращать многочисленных беженцев в свои дома.

Как следствие, окружённый с трёх сторон позициями противника корпус был самым малочисленным и слабым в СВК. Ему катастрофически не хватало вооружения, ряд его подразделений не был укомплектован до уровня, который позволял выполнять боевые задачи. На его боеспособности серьёзно сказывалась и острая нехватка кадровых офицеров. Корпус изнутри разъедали криминал, дезертирство, падение дисциплины. Предпринимаемые командованием меры не могли исправить ситуацию или оказывали недолгий эффект.

Но был ли у краинских сербов шанс удержать Западную Славонию?

В рамках той политики, что вела РСК, избежать захвата региона хорватами возможно было только при условии мирного разрешения конфликта. Другие варианты развития событий не оставляли сербам шансов в одиночку отразить хорватское наступление. Военная стратегия РСК строилась на ожидании помощи со стороны Республики Сербской и Союзной Республики Югославия в случае нападения противника. Как показала операция «Молния», эти надежды не оправдались, 18-й корпус никакой помощи не получил.

Возможно, определённые шансы дало бы принципиально иное отношение к региону – не игнорирование его потребностей и снабжение по остаточному принципу, а превращение его в своего рода милитаризованную область со значительной концентрацией военных ресурсов. Конечно, это бы серьёзно ослабило оборону РСК в других районах, но, быть может, вынудило бы хорватское руководство изменить свои планы в части ведения наступательных действий.

Библиография • References

Наши миротворцы на Балканах / сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2007. – 360 с.

[Nashi mirotvorcy na Balkanah / sost. i отв. red. E. YU. Gus'kova. M.: Indrik, 2007. – 360 s.]

Реферат о б/г 18. корпуса за 1994 годину. 05.02.1995. / Копия оригинального документа из архива К. Новаковича.

¹⁷ Reformiranje Izviđačko-diverzantskih jedinica, naređenje. 06.07.1993. / Копия оригинального документа из архива К. Новаковича.

- [Referat o b/g 18. korpusa za 1994 godinu. 05.02.1995. / Kопија original'nog dokumenta iz arhiva K. Novakovicha]
- Штол' В. В.* Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. С. 168–180. – 384 с.
- [*SHtol' V. V.* Armija «Novogo mirovogo poryadka». М.: OGI, 2010. S. 168–180. – 384 s.]
- Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров, А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин [и др.]. М.: Индрик, 2011. – 888 с.
- [*Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* / отв. ред. К. В. Nikiforov, А. I. Filimonova, А. L. SHemyakin [i dr.]. М.: Indrik, 2011. – 888 s.]
- Новаковић К.* Српска Крајина: (успони, падови, уздизања). Београд: Книн: Српско културно друштво Зора, 2009. – 602 с.
- Преглед артиљеријских оруђа у СВК. 02.03.1995. / Копија оригиналног документа из архива К. Новаковича.
- Реформирање Територијалне одбране и посебних јединица милиције у Српску војску Републике Српска Крајина. 27.11.1992. С. 11–13. / Копија оригиналног документа из архива В. А. Соколова.
- Analiza porune 18. korpusa. 09.02.1995. / Копија оригиналног документа из архива К. Новаковича.
- Podatke o sredstvima PVO. 02.02.1993. / Копија оригиналног документа их архива К. Новаковича.
- Pregled brojnog stanja. 27.01.1993. / Копија оригиналног документа из архива К. Новаковича.
- Prihvat jedinica iz 11. korpusa, izveštaj. 06.11.1993. / Копија оригиналног документа из архива К. Новаковича.
- Reformiranje Izviđačko-diverzantskih jedinica, naređenje. 06.07.1993. / Копија оригиналног документа из архива К. Новаковича.
- Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990.–1995. Knjiga 3. – Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2008. – 600 s.
- Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990.–1995. Knjiga 7. – Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2009. – 667 s.
- Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990.–1995. Knjiga 17. – Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2015. – 504 s.
- Slavonska četa. Koridor 92 – Doboј. / Копија оригиналног документа из архива К. Новаковича.
- Srpska pobuna u zapadnoj Slavoniji / Barać М., Miškulin I. Slavonski Brod: Hrvatski institut za povijest, 2012. S. 248. – 338 s.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2022 г.

Македония-2001: исторические предпосылки и политические последствия кризиса

Елена ПОНОМАРЕВА

Серьёзная историческая работа всегда отличается не только научной, но и политической актуальностью. Особенно если речь идёт о Балканах – регионе, где словами Уильяма Фолкнера, «прошлое не мертво, оно даже не прошлое» [1].

В переломные моменты жизни любого общества прошлое всегда возвращается, чтобы напомнить о совершённых ошибках, а часто – и наказать за невыученные уроки истории.

Прошлое становится настоящим и будущим: оно никогда не умирает, но преобразуется, преломляется в новых формах. Именно такой подход определяет интерес к монографии выпускницы МГИМО, кандидата исторических наук Марии Третьяковой [2]. Своего рода знаком качества работы молодого исследователя является предисловие, написанное авторитетным учёным, директором Института истории Сербской академии наук и искусств, послом Сербии в России с 2014–2020 гг. Славенко Терзичем.

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна – профессор, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России. *SPIN-код:* 9664-7471, *E-mail:* nastya304@mail.ru

Ключевые слова: Северная Македония, Великая Албания, социалистическая Югославия, военно-политический кризис 2001 г.

¹ *Faulkner W. Requiem for a Nun. Vintage, 2012. P. 48.*

² *Третьякова М. Македония-2001. Новый виток кризиса. М.: Индрик, 2021.*

Македония – особый балканский мир, население которого, с одной стороны, до сих пор не преодолело последствия разрушения социалистической Югославии и является, как и 30 лет назад, примером расколотого общества, где разграничительные линии проходят по этно-религиозному принципу: православные македонцы* (64% населения) против албанцев-мусульман (25% [3]), а с другой – страна стала заложником геополитических игр мировых гигантов, когда ей было не только навязано название «Северная Македония», но и членство в агрессивном военно-политическом блоке НАТО. Однако не только это вызывает интерес к македонскому вопросу, о котором, к сожалению, в нашей стране пишут нечасто. Дело в том, что Балканы – это уникальное геополитическое зеркало для многих многонациональных государств, и прежде всего для России. Умение смотреть в него и делать необходимые выводы может обезопасить нас от многих будущих вызовов и рисков [4].

На основе богатой научной и эмпирической базы в монографии исследованы исторические предпосылки и политические последствия во-

оружённого конфликта 2001 г., определившего появление пост-Охридской Македонии. Кризис, спровоцированный так называемой Освободительной национальной ар-

мией, или ОНА (*Ushtria Çlirimtare Kombëtare – UÇK*), при помощи её западных кураторов завершился легитимацией политических требований албанцев и подписанием Охридского соглашения, ставшего фундаментом для трансформации Конституции Македонии.

Согласно внесённым в Основной закон поправкам положение албанцев в республике существенно измени-

лось – албанская община стала важным элементом политической жизни страны, а властные возможности и полномочия македонцев в собственном государстве существенно сузились. Фактический провал референдума 30 сентября 2018 г. о переименовании страны с целью вступления в НАТО (явка составила 36,9% избирателей [5]) и последующее ускоренное принятие страны в Североатлантический альянс (27 марта 2020 г. Македония официально стала 30-м членом блока) дают основания полагать, что судьба этой балканской страны

³ Данные переписи 2002 г. Godisnik 2013. Население // URL: <https://www.stat.gov.mk/Publikacii/PDFGodisnik2013/03-Naselenie-Population.pdf>

⁴ Штоль В. В. Россия на балканском рубеже // Обозреватель–Observer. 2018. № 9.

⁵ Marusic S. Macedonia Referendum Records Low Turnouts, Both Sides Claim Victory // URL: <https://balkaninsight.com/2018/09/30/macedonia-name-referendum-marks-low-turnout-09-30-2018/>

* Македонцами стали называться осевшие в первой половине VII в. в провинции Македония, за исключением Фессалоник, славянские племена (струмляне или стримонцы, берзиты, драгувиты и др.), ассимилировавшие остатки прежнего фракийско-македонского, или иллирийского населения.

уже давно находится в руках национальных структур.

В текущем политическом моменте появление объективного анализа причин македонского витка балканского кризиса, выявление роли деструктивного (в данном случае албанского) фактора во внутренней политике страны в первое десятилетие «независимости» (1991–2001 гг.) и изучение причин антимакедонской и проалбанской игры западных стран имеет особое значение.

Главную причину кризиса 2001 г. и усиление политических позиций албанского меньшинства исследователь видит в поощрении его претензий ведущими акторами мировой политики начиная с конца XIX в. В частности, в *первой главе книги* дан анализ эволюции идеи объединения территорий с албанским населением с момента её возникновения в 1878 г. и до начала Первой Балканской войны 1912 г.

Несомненный интерес представляет изучение особенностей албанского национального движения и его центрального института – Призренской лиги (с. 83–92).

В монографии показано, что албанское национальное движение на разных этапах ставило разные цели:

- сначала создание единого албанского вилайета (административная единица) Турции;
- затем получение автономии и независимости.

Однако даже после провозглашения собственного государства в 1912 г. национальное движение не отказалось от идеи объединения всех земель, населённых албанцами.

По мнению автора, это всегда поощрялось внешними игроками, которые в усилении албанцев видели прежде всего противовес росту влияния сербов и православия вообще. Самым ярким результатом такой поощряющей национальные устремления деятельности является создание в 1944 г. при непосредственном участии фашистской Италии и нацистской Германии политики под названием «Великая Албания». До сих пор этот недолго просуществовавший проект остаётся политическим идеалом для всех поколений албанцев.

Национальному вопросу в межвоенный период в Вардарской Македонии (ВМ), отошедшей к Сербии по итогам Балканских войн 1912–1913 гг., а также реализации великоалбанских стремлений в период Второй мировой войны, когда часть ВМ вошла в фашистскую Албанию, посвящена *вторая глава книги*.

В указанной главе автор рассматривает идейные основания и механизмы решения национального вопроса в социалистической Македонии (1945–1991 гг.) в рамках политики «братства и единства». Во многом именно такая на первый взгляд красивая идея заложила бомбу замедленного действия – усилила албанскую общину республики, но не интегрировала её в македонское общество. По мере социально-экономического и культурного развития националистические амбиции албанцев только росли. Аналогичные процессы происходили в сербском автономном крае Косово и Метохия.

Предпосылки военно-политического кризиса 2001 г., в том числе деятельность албанских политиче-

ских партий в первое десятилетие независимости, рассмотрены в *третьей главе* работы. Здесь же анализируется влияние международного фактора и косовского вопроса на развитие албанского национализма в республике. В частности, на основе большой источниковой базы убедительно доказано, что действия участников албанского сепаратистского движения на Балканах были скоординированы и согласованы (с. 199–206).

Четвёртая глава монографии посвящена эволюции и урегулированию военно-политического кризиса в Македонии в 2001 г. Здесь показана механика подготовки вооружённого выступления албанцев, этапы развития кризиса, а также дана оценка Охридского соглашения как инструмента не столько урегулирования кризиса, сколько создания системы управления македонским обществом в интересах внешних акторов.

В этом разделе показан механизм формирования албанского военно-террористического кулака.

Так, после формального роспуска в 1999 г. Освободительной армии Косово большое число албанцев, в том числе из Македонии, принимавших участие в вооружённом конфликте в сербском автономном крае, стало стягиваться в македонские города и сёла. Успех косовских албанцев и их прямая поддержка со стороны НАТО и Евросоюза способствовали усилению позиций радикалов – сторонников военного решения албанского вопроса в странах региона.

В результате было принято решение об активизации военных действий сразу на двух фронтах: на юге Сербии и в Македонии.

Автор критически оценивает политику македонских властей в преддверии открытой фазы противостояния: была проявлена близорукая лояльность и терпимость к активизировавшейся мобилизации албанцев в регионе и зреющему вооружённому конфликту.

Вся необходимая информация у македонских спецслужб имелаась, органы безопасности регулярно указывали на обостряющееся положение в приграничных районах, однако лица, принимающие решения, не уделяли этим сигналам должного внимания и недооценивали растущую угрозу со стороны албанских экстремистов.

Существует мнение, что политики были уверены в эффективности международного присутствия в Косове, которое должно было гарантировать безопасность и Македонии. Однако это слишком простое объяснение.

В Македонии, как и в Косове, албанские боевики применяли тактику спорадических нападений на представителей правоохранительных органов, организовывали террористические акты в приграничной местности на севере страны. Затем террористы стали просачиваться в северо-западные населённые пункты.

Когда Скопье решило задействовать македонские армейские силы, то мировые лидеры и средства массовой информации заговорили о новом конфликте на Балканах.

Успешные действия македонской армии привели к удивительному эффекту: албанские боевики и террористы были переквалифицированы в легитимных участников навязанных Западом переговоров, главным итогом которых стал Ра-

мочный договор, подписанный 13 августа 2001 г. в Охриде под диктовку западных кураторов [6].

В результате статус албанцев в стране был повышен до «конституционной общины», албанский язык был введён в качестве служебного в местных органах власти на тех территориях, где албанцы составляют не менее 20% населения, а также в государственных учреждениях и парламенте (на пленарных заседаниях, в комитетах и аппарате Собрания).

Договор закрепил беспрецедентный в мировой практике мирного урегулирования принцип пропорционального этнического представительства албанского меньшинства на всех уровнях государственной службы и администрации, что, по мнению автора, было исключительно опасным с

точки зрения динамики демографического развития албанцев в стране.

Кроме того, договор предоставил право на высшее образование на албанском языке, финансируемое государством, реформировал македонскую полицию по этническому принципу так, чтобы её состав отражал этническую структуру страны.

Нововведением также являлось предоставление права вето албанцам в парламенте при обсуждении вопросов, касающихся этнических прав, что давало возможность блокировать волю македонских избирателей, по-прежнему составлявших большинство в стране.

Проведённый автором анализ Рамочного соглашения показал, как была буквально искажена и заблокирована македонская модель демократии.

Один из главных выводов книги касается сохраняющейся не только для Македонии, но и для всего Балканского региона угрозы расширения албанского национализма и ирредентизма.

Как и многие отечественные исследователи, автор утверждает, что корни албанского вопроса на Балканах следует искать в деятельности и программных задачах албанского национально-объединительного движения, главной целью которой было и остаётся объединение «албанских» земель и создание «Великой Албании».

В условиях горячей фазы украинского кризиса, за кулисами которого с очевидностью прослеживаются, как это было и во время македонского кризиса 2001 г., интересы коллективного Запада, обращение к Балканскому региону как геополитическому зеркалу прошедших и будущих битв, представляется важным не только с научной, но и практической точек зрения. Тогда Западу удалось реализовать свою модель развития страны и региона.

Монография М. Третьяковой, помимо прочего, отвечает на вопрос «Почему это произошло?».

В настоящее время пост-Запад поднял ставки: на кону не только геополитическое и геоэкономическое переформатирование евразийского пространства, но и само существование России и русских. А потому крайне важно сделать единственно правильные выводы из балканского опыта. Открытый этнополитический конфликт 2001 г. в Македонии имел глубокие

⁶ Рамковен Договор. 13 август 2001 // Службен Весник на РМ. 2001. № 50.

культурно-исторические, социально-политические и геополитические корни. «Однако его “разрешение” происходило без учёта конфликтной природы: сам факт возникновения Македонии как самостоятельного государства был зависим от внешнего фактора. Последний и определил выбор модели урегулирования кризиса» [7] через ущемление прав большинства и создание институциональных возможностей для развития агрессивного меньшинства.

Эта схема с небольшими трансформациями была применена и на Украине. Устранение последствий возможного сценария развития событий – процесс тяжёлый и многотрудный, но иного пути нет, иначе Россия и русские могут повторить судьбу Македонии и македонцев.

Библиография • References

- Данные переписи 2002 г. Godisnik 2013. Население // URL: <https://www.stat.gov.mk/Publikacii/PDFGodisnik2013/03-Naselenie-Population.pdf>
- [Dannye perepisi 2002 g. Godisnik 2013. Naselenie // URL: <https://www.stat.gov.mk/Publikacii/PDFGodisnik2013/03-Naselenie-Population.pdf>]
- Пономарева Е. Г. Этнополитический конфликт в Македонии // Обозреватель-Observer. 2006. № 6. С. 109–118.
- [Ponomareva E. G. Etnopoliticheskiy konflikt v Makedonii // Obozrevatel'-Observer. 2006. № 6. S. 109–118]
- Третьякова М. Македония-2001. Новый виток кризиса. М.: Индрик, 2021. – 376 с.
- [Tretyakova M. Makedoniya-2001. Novyj vitok krizisa. M.: Indrik, 2021. – 376 s.]
- Штоль В. В. Россия на балканском рубеже // Обозреватель-Observer. 2018. № 9. С. 19–32.
- [Shtol' V. V. Rossiya na balkanskom rubezhe // Obozrevatel'-Observer. 2018. № 9. C. 19–32]
- Рамковен Договор. 13 август 2001 // Службен Весник на РМ. 2001. № 50. С. 5–26.
- Faulkner W. Requiem for a Nun. Vintage, 2012. – 240 p.
- Marusic S. Macedonia Referendum Records Low Turnouts, Both Sides Claim Victory // URL: <https://balkaninsight.com/2018/09/30/macedonia-name-referendum-marks-low-turnout-09-30-2018/>

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2022 г.

⁷ Пономарева Е. Г. Этнополитический конфликт в Македонии // Обозреватель-Observer. 2006. № 6. С. 109.

Усвоила ли Россия исторические уроки?

Зоя КЛИМЕНКО

Монография Е. Ю. Гуськовой* посвящена теме, очень важной для понимания зарождения и развития югославского кризиса (далеко ещё не оконченного). Последовавшие за пределами хронологических рамок исследования события только подтверждают это: в 1998–1999 гг. наступил косовский кризис, в 2001 г. – кризис в Македонии, сюда же подтянулись волнения в населённых албанцами общинах собственно Сербии (Прешево, Буяновац и Медведжа), в 2006 г. произошло отделение Черногории от СРЮ, в одностороннем порядке в 2008 г. была провозглашена государственная независимость автономного края Косово. Относительно спокойное развитие бывшего югославского пространства в последнее десятилетие, к сожалению, таит в себе множество латентных очагов весьма вероятных конфликтов.

Первая дата исследуемого периода определяется началом перестройки в СССР, что было связано и с уходом со своего поста бессменного советского министра иностранных дел А. А. Громыко, и с транс-

формацией политики страны не только на балканском направлении, но и в отношении всего социалистического лагеря в целом. Последняя дата периода знаменует собой очередные изменения политики уже

КЛИМЕНКО Зоя Валентиновна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН). *SPIN-код:* 9814-7713, *E-mail:* zklimenko@mail.ru

Ключевые слова: югославский кризис, СССР, Россия, СФРЮ, РСК, межнациональные конфликты.

* Гуськова Е. Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995) / отв. ред. З. В. Клименко. СПб.: Владимир Даль, 2022.

Российской Федерации в югославском кризисе, связанные с окончанием боснийской войны и уходом первого министра иностранных дел России как правопреемницы Советского Союза А. В. Козырева.

Это поистине драматическое, если не сказать трагическое десятилетие в истории нашей страны самым непосредственным образом отразилось в её политике на Балканах. Можно даже утверждать, что при возможном сохранении Советского Союза как единого мощного государства на евро-

азиатском пространстве распад Югославии произошёл бы по совсем другому сценарию, если бы вообще состоялся.

Исследование Е. Ю. Гуськовой известного отечественного учёного-балканиста, базируется на огромном количестве источников, как опубликованных, так и архивных (многие из них впервые вводятся в научный оборот), а также на литературе, большая часть которой принадлежит перу автора рецензируемой монографии. Поэтому данная работа является этапным исследованием политики нашей страны в югославском кризисе. Впервые так последовательно, обширно, на длительном временном отрезке, отмеченном полным изменением в подходах и методах, целях и результатах, исследована роль России на Балканах в трагический период их истории. Можно

сказать, что именно такое урегулирование югославского кризиса, ставшее возможным во многом благодаря занятой СССР в последние годы перестройки, а затем и Российской Федерацией позиции, заложило основы многих последующих событий.

Работа начинается с краткого исторического очерка, в котором показаны причины активной русской политики на Балканах с XVIII в., тогда ещё разделённых между Османской и Австрийской империями, а также важность этого направления для Рос-

сийского государства в решении им стратегических задач в Черноморско-Средиземноморском регионе. Однако было бы неправильным сводить поддержку Россией национально-освободительных движений славянских народов православного вероисповедания, а также греков всего лишь к использованию их борьбы в своих геополитических интересах и для обеспечения безопасности своих южных границ.

Одной из причин отношений России с балканскими православными народами была прежде всего их защита от произвола турецких властей, причём на основах справедливости, гарантия их максимально возможного в тот или иной период свободного развития, а также их дипломатическая поддержка в отношениях с Портой, чего не предлагало ни одно европейское государство (с. 17).

Автор указывает на параллели в переплетениях международных интересов на Балканах в разные периоды их истории, а также буквальное совпадение в политике отдельных европейских государств (с. 22). При этом вне зависимости от конкретного расклада сил неизменным остаётся одно – **стремление внешнеполитических партнёров России максимально ослабить её роль и влияние на Балканах и прервать её связи с балканскими славянами** (с. 18–19).

Непонимание этого факта, нежелание учитывать исторический опыт деятельности европейских государств в отношении балканской политики Российской империи руководством СССР, а затем и Российской Федерации, к сожалению, привело, как в своём исследовании показывает автор, к тому, что наша страна в определённые моменты своей истории не только не препятствовала западной политике, но даже помогала. Сознательно или не отдавая себе отчёта в последствиях своих шагов на балканском направлении – это уже отдельный вопрос.

Очередным периодом тесной связи с Югославией стали послевоенные годы. Он был очень важным в югославско-советских отношениях и отличался неравномерностью и нестабильностью – от теснейшего сотрудничества в годы Великой Отечественной войны и сразу после окончания Второй мировой войны до конфликта с полным разрывом отношений (1948–1953 гг.) и последующим их восстановлением, но уже и без прежнего уровня доверия и взаимопонимания (с. 29).

Автор детально показывает, как советская политика фактически сделала более весомыми для Югославии отношения с западноевропейскими государствами, а также превратила СФРЮ в одного из лидеров Движения неприсоединения.

В связи с начавшейся в СССР перестройкой и нарастанием социально-экономического кризиса в СФРЮ оказалось, что у страны к концу 80-х годов нет стабильной традиционной поддержки со стороны России (с. 42).

С 1985 г. начался горбачёвский период балканской политики СССР, который исследован в монографии очень подробно. Как показал автор, после ухода со своего поста А. А. Громыко наступило время серьёзной трансформации всей внешней политики СССР. Причём М. С. Горбачёв занимался ею лично, избрав приоритетом европейское направление (с. 43). Постулатами её было прекращение конфронтации с Западом, интеграция СССР в его экономические и финансовые структуры.

Странам социализма было предложено проводить их внешнюю политику по своему усмотрению.

25 марта 1987 г. М. С. Горбачёв заявил на встрече с министрами иностранных дел стран Организации Варшавского договора: «Советский Союз не претендует на какую-либо особую роль в наших отношениях» (с. 45).

Одним из мотивов этого, как представляется, было желание уменьшить бремя во многом односторонней экономической поддержки стран соцлагеря со стороны СССР, однако даже это можно было провести с сохранением имевшегося уровня политического влияния.

В 1988 г. было объявлено о сокращении численности советских войск в странах Центральной и Восточной Европы, что означало уход СССР из региона своего влияния (с. 44).

Вопрос до сих пор остаётся открытым: каким образом, декларируя снижение руководящей роли СССР в отношениях со странами ОВД и СЭВ, планировалось обеспечить сохранение имевшихся до того союзнических отношений и не допустить усиления влияния в регионе США и ведущих капиталистических стран Европы?

Что это – наивность или некомпетентность руководителя одной из двух тогдашних сверхдержав, если не сказать хуже?

Показательным является визит в Югославию в 1988 г. М. С. Горбачёва, которому в книге уделено большое внимание. Он продемонстрировал при внешнем добросердечии и поддержке уже находящейся в серьёзном экономическом и политическом кризисе СФРЮ формальный подход М. С. Горбачёва к перспективам советско-югославских отношений. Как показывает Е. Ю. Гуськова, балканские проблемы и югославский опыт строительства социализма его мало интересовали (с. 49), а впечатления от увиденного в Югославии были в целом критические (с. 69–70). Уже постоянное откладывание визита Генерального секретаря ЦК КПСС в СФРЮ с 1986 г., который должен был стать ответным, говорит само за себя.

Последние годы нахождения Горбачёва у власти показали, что он не мог управлять процессами, которые сам же и запустил, а импровизации без чёткой программы действий и концепции, помноженные на незна-

ние и безграничную власть, привели страну к катастрофе (с. 74). Можно даже сказать, что СССР в чём-то повторил судьбу СФРЮ, когда в 1990–1991 гг. в результате внутривнутриполитической борьбы центр принятия решений спустился с союзного на межреспубликанский уровень, и главным стало не совместное решение общих проблем и сохранение страны, а перераспределение власти и ресурсов между республиками. Причём в отличие от Югославии эти процессы шли со стороны крупнейшей республики Советского Союза – РСФСР. Как результат – СССР начал по многим вопросам идти в фарватере внешней политики американской администрации (с. 75). Отсюда проистекала и невозможность позднего СССР оказать серьёзную поддержку СФРЮ в период кризиса уже её федерации. Более того, представители, например, Словении, уже тогда тайно (!) работали с сотрудниками МИД РСФСР, где с октября 1990 г. высший пост занимал А. В. Козырев, с целью подготовить почву для будущего признания своей независимости (с. 81). И это в то время, когда СССР ещё придерживался концепции сохранения независимости и территориальной целостности Югославии.

Автор детально показывает изменения в позиции СССР по вопросу сохранения Югославии, особенно после поражения путча (август 1991 г.). Причём МИД СССР (на уровне экспертов) адекватно оценивал происходящие в СФРЮ события, указывая на противодействие хорватской стороны разрешению кризиса (с. 91), однако всё больше склоняясь к мысли, что Югославию сохранить не удастся. В это время

МИД РСФСР, не афишируя свои действия, «работал на перспективу» с выступавшими за отделение югославскими республиками. В свою очередь, противостояние республиканских и союзных властей в СССР осенью 1991 г. окончилось уходом М. С. Горбачёва со своего поста (25 декабря 1991 г.), а участие нашей страны в урегулировании югославского кризиса целиком перешло к МИД РСФСР/РФ.

В исследовании Е. Ю. Гуськовой показано, что основы соглашательской с Западом политики России на Балканах и её методы, за которые российская оппозиция впоследствии упрекали А. В. Козырева, были заложены именно в последние годы существования СССР М. С. Горбачёвым, что было обусловлено его равнодушием к социалистическим странам в целом и к Югославии в частности. Вопросы стратегической безопасности СССР понимались им неверно, что было продолжено в работе новыми российскими властями, в том числе МИД. Поэтому российская позиция в югославском кризисе в первой половине 90-х годов является закономерным продолжением политики предыдущего периода, но если Горбачёв пребывал в наивном заблуждении относительно взаимоотношений СССР с Западом, то при Козыреве оно стало краеугольным камнем внешней политики Российской Федерации, обусловленным и самой личностью министра иностранных дел, и сложившейся у него системой ценностей. Его риторика также подтверждает эту преемственность (с. 120).

Анализируя деятельность Козырева на балканском направлении в период тяжелейшего этапа югос-

лавского кризиса (столкновения в Хорватии; война в Боснии и Герцеговине: введение жесточайших санкций против Союзной Республики Югославия, состоящей уже только из Сербии и Черногории.), автор констатирует отсутствие научно обоснованной внешнеполитической концепции нового Российского государства и спонтанные действия на отдельных направлениях. При этом Российской Федерацией были отвергнуты все союзники предыдущего периода, так как у неё якобы не стало и противников (с. 118–119). Цитата: «Мы не рассматриваем НАТО как агрессивный военный блок, а рассматриваем как один из механизмов стабильности в Европе и мире в целом. Поэтому естественно наше желание сотрудничать с этим механизмом и подключиться к нему» (с. 120). Мало извиняет министра даже то, что это писалось в начале 1992 г., до бомбардировок самолётами НАТО сербских позиций в БиГ (1994 и 1995 гг.), бомбёжек СРЮ (1999 г.) и до украинского кризиса.

Непонимание того, что если мы перестали быть противниками НАТО, объявив себя её союзниками и партнёрами, то НАТО не перестала рассматривать Россию как своего стратегического противника, что подтверждалось последующими стратегическими доктринами США и стран Европы и говорит об уровне понимания министром интересов страны, который даже просил бывшего президента США Р. Никсона подсказать ему, как определить национальные интересы России (с. 121).

Причиной такой политики Козырева в югославском кризисе в 1992–

1995 г., возможно, является крайней нелюбовь к своей стране (в чём министр, кстати, признаётся лично), проявлявшаяся в желании освободить её от идеологического диктата и имперских амбиций, а на Балканах придерживаться равноудалённого подхода ко всем народам Югославии. Как пишет Е. Ю. Гуськова, «антисоветское в сознании дипломата логично трансформировалось в антироссийское» (с. 113).

Добрица Чосич, президент СРЮ (15 июня 1992 г. – 1 июня 1993 г.), назвал его «просто курьером Запада» (там же). Отсюда иезуитское «санкции (против СРЮ. – *Авт.*) – не наказание, а поддержка разумных сил» (с. 133), «Россия голосовала за санкции, чтобы помочь Сербии и другим республикам найти выход из кризиса в результате проявления их доброй воли» (с. 141).

В книге подробно излагается состав этих санкций и их влияние на население СРЮ и сербский народ в БиГ и Хорватии в течение нескольких лет.

Возникает вопрос, а почему тогда санкции были введены лишь против Сербии и Черногории, когда в конфликте участвовали и Хорватия, и все три народа БиГ?

С самого начала все российские шаги в урегулировании Козырев предварительно согласовывал с США и действовал строго в соответствии с полученными из Вашингтона инструкциями (с. 135–136), поскольку одной из целей российской внешней политики он считал достижение полномасштабного партнёрства с Западом и интеграцию с ним (с. 109).

О какой самостоятельности новой России может идти речь в таком случае?!

Автор в своей монографии показывает сложное переплетение действий отдельных политиков и институтов в формировании балканской политики Российской Федерации: Б. Н. Ельцина, который предпочитал не вникать в сложные процессы, развернувшиеся на Балканах; А. В. Козырева, который умело этим пользовался, проводя западный курс в российском МИД; Верховного Совета РФ, который встал в оппозицию министру и где были тоже разные силы, от взаимодействия которых зависела степень этой оппозиционности в тот или иной период. В самом МИД работали люди, придерживавшиеся иной позиции относительно проводимой министром линии и пытавшиеся хоть как-то ей противостоять, понимая, что шаги Козырева расчищают путь к вооружённому вмешательству Запада в югославский кризис, однако министр часто даже в известность не ставил своих заместителей относительно принятых им решений (с. 174, 213–215, 219, 220).

Особенно показательны были интриги Козырева в вопросе присоединения России к санкциям Совета Безопасности ООН против СРЮ 30 мая 1992 г. (с. 133–144). Красноречивым выглядит замечание по поводу санкций против СРЮ А. Адамишина, одного из последних министров иностранных дел СССР в 1991 г.: «Вряд ли мы думали, соглашаясь на такую меру давления, как санкции, что сами окажемся их объектом» [1].

¹ Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь Мир, 2016.

Характеризуя деятельность А. В. Козырева во главе МИД России, Е. Ю. Гуськова отмечает такие её черты, как:

- лицемерие, когда слова министра и даже публичные выступления наших дипломатов на международных площадках отличаются от их же позиций в реальных переговорах с западными партнёрами (с. 278), а действия России в международных организациях и её риторика внутри страны расходились кардинально;

- использование политики ложных обещаний, данных сербской стороне югославского конфликта и в целом достаточно пренебрежительное к ней отношение, вероломство, нерешительность не только при отстаивании интересов России на международной арене, но даже и при более или менее объективной интерпретации событий в Югославии;

- откровенное враньё Верховному Совету РФ;
- некомпетентность в балканских вопросах и отсутствие желания к её ликвидации;

- нежелание исправлять ошибки, допущенные им же самим, неумение просчитывать последствия своих внешнеполитических шагов для интересов и безопасности своей страны;

- лояльное отношение к расширению НАТО;
- игнорирование иной позиции, в частности, законодательного органа в лице Верховного Совета РФ на роль России в балканском урегулировании (с. 144–153, 165–174).

Нельзя не согласиться с тезисом, что при непосредственном участии А. В. Козырева Россию и её авторитет среди сербов и черногорцев Запад просто использовал для оказания давления на СРЮ и реализации своих экспансионистских планов на Балканах (с. 179–180).

В противовес официальной политике России, и это подробно показано в книге, в стране уже в 1992 г. развернулась кампания противодействия ей, в которой принимали участие как государственные институты, так и учёные, деятели культуры,

ряд СМИ. Причём и Верховный Совет РФ, и заменившая его после его расстрела (октябрь 1993 г.) Государственная дума в целом демонстрировали резкое неприятие линии министра иностранных дел.

В работе подробно показан ход урегулирования кризиса в БиГ и Хорватии (1992–1995 гг.). Автор пошагово разбирает превращение России в старшего брата-советчика сербской стороны, когда никто уже не мог повлиять на неё с целью заставить сербов принять неприемлемые для них предложения международного (читай – западного) сообщества. Особенно ярко это проявилось в уговорах Белграда оказать максимальное давление на сербов в БиГ (угрозы полного прекращения гуманитарной помощи со стороны СРЮ) для того, чтобы они согласились с разработанным на Западе удушающим их непризнанную Республику Сербскую планом. При этом одной из угроз, которая должна была побудить сербов быть сговорчивее, – это намерение снять эмбарго на поставку вооружения боснийским мусульманам. О каком взаимном, немедленном и безоговорочном прекращении огня можно было бы говорить в случае реализации данного решения!

При этом Москва благодаря тогдашней деятельности Козырева, несмотря даже на попытки представителя России в ООН и спецпредставителя Президента России на Балканах корректировать его линию, всё больше теряла образ справедливого и сильного государства, заботящегося о равновесии и взвешенности в европейских и международных отношениях, а в основном выполняла

волю других (с. 191). Самое интересное, что призывы России к объективному отношению к сторонам боснийского конфликта хоть и прозвучали публично, но не были услышаны и не превратились в реальные самостоятельные шаги России (с. 210–211), что нанесло тяжелейший урон её традиционному престижу и влиянию на Балканах. Одновременно автор показывает, как лидерство в югославском урегулировании переходит от Европы к США, а НАТО становится инструментом его осуществления, отодвигая Организацию Объединённых Наций и её специальные миссии. Ещё в 1993 г. Служба внешней разведки России подготовила доклад с выводом о неприемлемости расширения НАТО для России, в то время как А. В. Козырев по-прежнему не считал НАТО угрозой для неё (с. 227).

Основным средством достижения мирных договорённостей становится давление исключительно на одну – сербскую – сторону с одновременным возложением на неё львиной доли вины за начало вооружённых столкновений. В комплексе соглашений, подписанных в Дейтоне (конец 1995 г.), это было закреплено окончательно.

В монографии также рассмотрена тактика Запада по утверждению новой роли НАТО в Европе через обвинение только сербской стороны конфликта в срыве международных усилий по установлению мира с последующей готовностью силовыми методами (т. е. нанесением ударов самолётами НАТО по сербским позициям) принудить их к подписанию неприемлемых для них мирных планов (с. 223, 257–263). Использование

провокаций для оправдания вмешательства НАТО против сербов стало сознательным методом международных посредников (с. 267–268).

Вот лишь одна цитата: «Мусульмане стремились выйти к границе с Сербией и даже пересечь её, чтобы спровоцировать сербскую армию и заставить её включиться в бои» (с. 285), а представитель США в ООН М. Олбрайт и председатель объединённого комитета начальников штабов Дж. Шаликашвили прибыли в Сараево для выражения боснийским мусульманам поддержки США. При этом именно боснийские мусульмане вызвали обострение противостояния с сербами (март 1994 г.) своими вылазками против сербских позиций и сербских сёл с гражданским населением, а спустя несколько дней начали крупномасштабное наступление из демилитаризованной бесполётной (!) зоны Горажде под защитой ООН (!).

Удача была на стороне сербов. Продвинувшись к центру города, где находилась фабрика по выпуску боеприпасов для мусульманской армии, работавшая день и ночь, сербы предложили всем гражданским лицам выйти из города, гарантировали безопасность военным, сдавшим оружие, эвакуировали восьмерых наблюдателей ООН (с. 287). При этом в районе Горажде в форме ООН находились около десятка военнослужащих элитного английского спецназа, которые занимались наведением натовской авиации на сербские цели (с. 291).

Читателю это ничего не напоминает?

Но даже достигнутые сторонами конфликта в БиГ договорённости о перемирии и прекращении огня не являлись основанием для прекращения бомбёжек.

Таким образом, можно говорить об искусственном затягивании во времени и углублении содержательно и ситуационно югославского кризиса для достижения определённых положений, зафиксированных впоследствии в мирных договорах, что было на-

правлено на уменьшение или ликвидацию имевшейся или создаваемой государственности у балканских народов после распада Югославии, установления контроля над их территориями, а также обязательного размещения силового компонента политики Запада – создание баз НАТО в регионе на бессрочной основе. При этом НАТО отводилась роль основного миротворческого инструмента международного сообщества вместо ООН.

Большим достоинством книги является избранный автором принцип изложения материала. Политика России в югославском урегулировании рассматривается на фоне буквально хроникального изложения текущих политических событий и военных действий на Балканах, а также в теснейшей связке с обзором политики международных структур. Это даёт читателю чёткую картину всего многопланового кризиса в БиГ и Хорватии и влияния на него международных посредников, к числу которых, безусловно, относится и Россия.

Посредничество ЕС через ООН и её миротворческие миссии постепенно свелось к тому, что югославским урегулированием с 1994 г. стала заниматься Контактная группа (КГ) из представителей пяти стран (США, Великобритании, Франции, Германии и России). При этом России в КГ отводилась неблагоприятная роль уговорить сербов согласиться на неприемлемые для них уступки. Контактной группе и её реальной роли в книге уделено большое внимание (с. 303–325).

В целом, как показано в исследовании, Москва хотя и выдвигала собственные инициативы, но как-то всегда или запаздывала, или остава-

лась в одиночестве, а её предложения не получали поддержки и, соответственно, реального воплощения. Исключения составляли лишь те её предложения, которые оказывались в русле политики США и НАТО на Балканах или же не оказывали на их стратегию какого-либо существенного влияния. Если предложения России в проекты резолюций Совета Безопасности ООН не учитывались, Москва в лучшем случае воздерживалась от голосования. В итоге принятие решений по югославскому кризису было перенесено в НАТО, на что Россия уже никак повлиять не могла (с. 377).

Необходимо отметить и реакцию России на операции хорватской армии «Блеск» и «Буря» (май – август 1995 г.) в Республике Сербской Краины (РСК) в Хорватии, которые привели к массовым убийствам сербов и бегству из родных мест 250 тыс. мирных жителей, которых с земли и воздуха расстреливали хорватские военные (с. 397), хотя эти районы находились под защитой миротворцев ООН.

Со стороны Хорватии указанные операции назывались «включением оккупированных территорий в свой конституционно-правовой порядок», поскольку возможности добиться мирного решения проблемы исчерпаны (с. 402). «Оккупированными» назывались территории компактного проживания сербов, на которых последние жили начиная с XVI в. При наступлении хорватских частей военнослужащие ООН и пленные сербы использовались в качестве живого щита. В результате сербское население Хорватии уменьшилось на 90,7%, а до войны они составляли 12% населения республики, т. е. около 588 тыс. чел. Самолёты НАТО вме-

сто защиты персонала ООН разбомбили радарные системы армии РСК, а хорваты использовали разведданные самолётов НАТО. Американцы консультировали Хорватию по проведению обеих операций (с. 406).

Российский проект резолюции Совета Безопасности ООН с осуждением хорватской агрессии был заблокирован США (с. 403). Только 10 августа 1995 г. Совбез ООН принял осуждающую Хорватию резолюцию, однако уже 7 августа в Хорватии было официально объявлено, что РСК успешно ликвидирована. 80% сербских сёл было сровнено с землёй. Зачистка территории РСК от сербского населения прошла при молчаливом согласии международного сообщества.

Представитель немецкого посольства в Загребе заявил, что «Германия разделяет радость военного успеха с вами и выражает вам похвалу за эту войну» (с. 407).

В своей поддержке краинских сербов Россия осталась в одиночестве (с. 408). Восстановление территориальной целостности Хорватии в бывших административных (!) границах ещё социалистического периода с помощью этнической чистки не встретило протестов мирового сообщества, а вот сербов БиГ предупредили, что изменение территорий расселения народов с помощью силы не будет признано. На боснийских мусульман и хорватов это требование не распространялось.

Урегулирование в БиГ, закончившееся подписанием Дейтонского соглашения, было подготовлено авиационными ударами НАТО по сербским позици-

ям в течение нескольких недель (август-сентябрь 1995 г.). В монографии показано, как постепенно мирное урегулирование целиком перешло к США и НАТО. Роль России во многом была ролью статиста, хотя именно ко второй половине 1995 г. она начала занимать самостоятельную позицию. В какой-то степени это было обусловлено ухудшением отношения Б. Н. Ельцина и А. В. Козырева, отставка которого состоялась 7 января 1996 г.

Книга, безусловно, необыкновенно интересна, но хотелось бы видеть в ней списки географических названий, использованной литературы и источников, а также было бы неплохо поместить карты, демонстрирующие позиции сторон конфликта в Хорватии и БиГ.

Можно сказать, что в рассматриваемый в монографии период дилемма перед Россией состояла в том же, в чём она заключалась в начале XX в.: должна ли Россия выступить как защитница славянства или как член «европейского концерта» (тогдашнего международного сообщества). Здесь хотелось бы привести слова В. Н. Кораблёва, главного редактора газеты «Славянские известия», выходившей в России в начале XX в. Отвечая на аргумент правительства Российской империи о том, что Россия не может выступить инициатором европейской войны, поддерживая сербов в их несогласии с образованием обширного албанского государства на Балканах, протезируемого Австро-Венгрией, он писал: «Войны и не требовалось. Нужны были твёрдый голос и решительные поступки – и больше ничего» [2].

² Славянские известия. СПб. 1913. № 18(11). 17 марта.

Библиография • References

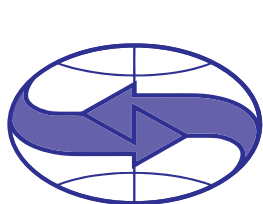
Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь Мир, 2016. – 448 с.

[Adamishin A. L. V raznye gody. Vneshnepoliticheskie ocherki. M.: Ves' Mir, 2016. – 448 s.]

Славянские известия. СПб. 1913. № 18(11). 17 марта.

[Slavyanskije izvestiya. SPb. 1913. № 18(11). 17 marta]

Статья поступила в редакцию 6 мая 2022 г.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

Political sciences

The State Security Strategy of Russia after February 2022

5

A. Podberezkin

The paper provides an analysis of the current national security strategy Russia and the likely adjustments in the connections with changes in the military-political situation in the world after February 2022 and the transformation of NATO into a broader military-political coalition.

About the author: PODBEREZKIN Alexey I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Military and Political Studies of the MGIMO MFA of the Russian Federation – «Almaz – Antey» Air and Space Defence Corporation», Joint Stock Company.

Key words: national security strategy, military-political coalition, international situation, use of military force.

Finland and Sweden on the way to NATO

27

D. Danilov

The article is devoted to one of the most acute issues of modern European politics – the process of Finland and Sweden joining NATO. The author examines their membership application in the context of forging partnerships between these non-aligned states both with NATO and within the framework of the Northern Defense Cooperation (NORDEFECO). Various security dilemmas induced by the two countries' non-bloc status turnaround are analyzed.

About the author: DANILOV Dmitry A. – PhD in Economics, Head of the Department for European Security Studies, Leading Research Fellow, Institute of Europe RAS.

Key words: Finland, Sweden, non-alignment, NATO, NORDEFECO, security guarantees, Russia, special operation.

What EU “strategic compass” points 40

M. Neimark

The negative dynamics of crisis relations between the US and the collective West and Russia are now inertially reproducing the preconditions for the erosion of optimistic prospects for the formation of a new world order on mutually acceptable bases of constructive strategic interaction. The growing uncertainty of these prospects is becoming a long-term factor in world politics and international relations. This is the situation in which the European Union has found itself by approving the first defence and security summit document, the Strategic Compass for Europe, at the summit in March 2022.

About the author: NEIMARK Mark A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: European Union, geopolitics, USA, NATO, Russia.

Problems and prospects of US-Iranian relations under the administration of Joseph Biden 50

A. Safonov

The authors consider the challenges and threats to Russia’s national security associated with the exponential development of information and communication technologies; evaluate the activities of the UN in this area, which should serve the entire world community by suppressing attempts by the collective West, especially the United States, to use modern high technologies to strengthen Pax Americana, countering their use for terrorist purposes.

About the author: SAFONOV Aleksandr S. – PhD, Docent Department of the Foreign Relations, The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Relations of Russian Federation.

Key words: USA, Iran, nuclear program, The Joint comprehensive action plan, neo-conservators, unilateralism, theocratic regime, regime change.

Information and communication technologies and information security of Russia 66

V. Shtol, A. Zadokhin

The authors consider the challenges and threats to Russia’s national security associated with the exponential development of information and communication technologies; evaluate the activities of the UN in this area, which should serve the entire world community by suppressing attempts by the collective West, especially the United States, to use modern high technologies to strengthen Pax Americana, countering their use for terrorist purposes.

About the author: SHTOL Vladimir V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

ZADOKHIN Alexander G. – Doctor of Political Sciences, Honorary Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Key words: information and communication technologies, national security, terrorism, Russia, USA.

The crisis of bipolar party systems in Western Europe

79

A. Orlov

For several decades after the Second World War, a bipolar model existed in the leading countries of Western Europe with the dominance of two system-forming parties representing the “right-left” political center. Alternative parties were excluded from the active political process. In recent years, there has been a more pronounced political polarization. The formation of a Government requires the creation of broad coalitions of competing political forces. The formation of a multicomponent party power structure is an objective process.

About the author: ORLOV Aleksandr A. – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of International Studies of MGIMO-University, Honorary Diplomat, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary.

Key words: multiparty system, bipolar model, left-right center, Germany, Spain, Italy, France, Great Britain, Social Democrats, Christian Democrats, populists, Labor, conservatives.

International legal sciences

Improving criminal justice remedies

Countering Fascism and Nazism in the face of growing threats to Russian national security

89

V. Merkuriev, D. Rubtsov

Since the collapse of the Soviet Union, there has been an increasing number of attacks on the results of World War II, as well as public justification of Nazi criminals in order to rehabilitate the ideologies of Fascism and Nazism. To address the gaps associated with the lack of legally enshrined definitions of the concepts of “fascism” and “Nazism”, the article examines the interpretation, legal enshrining and legislative distinction of these concepts.

About the author: MERKURIEV Victor V. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Research Institute of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation.

RUBTSOV Dmitry I. – Scientific secretary of the Academic Council of the Higher School of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Key words: fascism, Nazism, national socialism, World War II, Great Patriotic War, rehabilitation of Nazism.

History of international relations and foreign policy

Problems of the Serbian Krajina Army

On the example of the 18th West Slavic Corps of the Serbian Krajina Army

104

K. Novakovich, A. Radich, V. Sokolov

The article is dedicated to the 18th Western Slavonian Corps of the Serbian Army Krajina. It analyses the events in Western Slavonia before the creation of the corps and the preceding military organisation of Serbs in Krajina. The

organizational and staff structure of the corps, the changes in the number of its personnel and the number of weapons available in it are examined. For the first time in Russian historiography the command structure of the corps' units and formations is presented.

About the author: NOVAKOVICH Kosta – Doctor of Military Sciences, Colonel (Belgrade, Serbia).

RADICH Aleksandar – Military analyst (Belgrade, Serbia).

SOKOLOV Vadim A. – Applicant for the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Serbian Krajina, Army of Serbian Krajina, War in Croatia.

Scientific life

Macedonia-2001: the Historical Background and the Political Consequences of the Crisis

118

E. Ponomareva

The geographical and cultural-historical transitory position of the Balkans has determined the ongoing struggle of the leading players in world politics for influence over the countries of the region. One of the points of the Atlanticist agenda for Balkan politicians is the Albanian factor. The West's support for the Albanian community as the initiator of the 2001 armed conflict in Macedonia has determined the reformatting of the country's political space. In the monograph of M. Tretyakova "Macedonia 2001. A new round of crisis" the historical preconditions and political consequences of the pivotal year in the Balkan region are explored.

About the author: PONOMAREVA Elena G. – Professor, Doctor of Political Science, professor of Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation.

Key words: North Macedonia, Great Albania, socialist Yugoslavia, military-political crisis of 2001.

Has Russia learned lessons of History?

124

Z. Klimenko

The review reveals the enormous work carried out by the author on the scientific and political analysis of the Yugoslav crisis and the role of Russia in its settlement after the collapse of the USSR.

About the author: KLIMENKO Zoya V. – Senior Researcher, Ph. D. Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IS FCTAS RAS).

Key words: the Yugoslav crisis, USSR, Russia, SFRY, RSK, ethnic conflicts.

**Требования к материалам,
представляемым на рассмотрение редакции
журнала «Обозреватель–Observer»
в соответствии с указаниями ВАК**

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: observer-rau@yandex.ru.

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языках) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, а также справку о проверке на антиплагиат.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://observer.materik.ru>

Подробнее смотрите сайт ВАК:

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2022 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в «УП Урал-Пресс»

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **https://delpress.ru/catalog/**
тел.: 8 -499-391-57-36

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
А.А. Горбунов

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Электронная версия: **http://observer.materik.ru**

Подписано в печать 31.05.2022г.

Формат 70×100 1/16. Печ. л. 11,38. Печать офсетная. Заказ № 10/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.